

ISSN 2949-348X

ВЕСТНИК

Калужского университета

**Серия 2.
Исследования
по филологии.**

**2025
№ 3**

**Серия 2
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ФИЛОЛОГИИ**

Научный журнал
Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

Основан в августе 2022 г.
г. Калуга

Журнал включён в систему Российского индекса научного цитирования (<http://elibrary.ru/>),
дополнительное соглашение № 1 от 17.10.2023 г. к договору № 342-09/2019 от 03.09.2019 г.

Научные статьи и доклады

- языкознание
- литературоведение

Научная хроника

Обзоры и рецензии

Редакционная коллегия

Васильев Л. Г., доктор филологических наук, профессор
(главный редактор)

Балашова Е. А., доктор филологических наук, доцент

Ерёмин А. Н., доктор филологических наук, профессор

Каргашин И. А., доктор филологических наук, доцент

Похаленков О. Е., доктор филологических наук, доцент

Салтыкова Е. А., кандидат филологических наук, доцент

Терехова С. С., кандидат филологических наук, доцент

Кулабухов Н. В., кандидат филологических наук (ответственный секретарь)

Коненкова Н. В. (технический редактор)

Адрес редакции:

248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 22/48, комн. 605

Тел.: (4842) 50-30-21

E-mail: VKU2@tksu.ru

Учредитель:

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

Распространяется бесплатно

СОДЕРЖАНИЕ**ЯЗЫКОЗНАНИЕ****Бровина А. В., Ачина В. Д.**

Лингвистические аспекты перевода юридической терминологии..... 4

Демина Е. М., Васильев Л. Г.

Междисциплинарный подход к осмыслению сочинения-рассуждения..... 9

Кожеченкова И. С., Телегина Т. Д.

Русские и китайские пословицы и поговорки как зеркало языка своего народа..... 19

Махова М. Х.

Фразеологические единицы русского языка с компонентом цветообозначения..... 28

Пермякова Е. Г.

Феномен эквивиальности в глагольной семантике..... 36

Терентьева Д. М.

Коллективная языковая личность: обзорно-аналитическое исследование..... 42

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**Балашова Е. А.**

Не-возвращение с войны как сюжет..... 51

Билецкая А. Н.

«Двойное дно» «Шинели» Н. В. Гоголя..... 59

Ермилова В. А.

Литературная антропология: человек и культура в зеркале художественного текста 64

Крит Е. И.

Конфликт в рассказе В. Шукшина «Мой зять украл машину дров»..... 70

Ксенофонтов И. В.

«...И будет карточка пылиться...» (песня-некролог в поэзии великой отечественной войны)..... 77

Кучерова М. А.

Духовно-социальный кризис эпохи в рецепции Л. Н. Толстого (на материале повести «Юность»)..... 84

Симак Н. И., Поезжаева А. К.

Устройство поэтики русских символистов в свете учения А. Ф. Лосева о пейзажной образности 90

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ**Балашова Е. А.**

Отзыв о диссертации: Чжан Хуэйчжэнь «Рецепция творчества Антона Чехова в китайской литературе», представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации. – Москва, 2025..... 96

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 102

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.11-112

А. В. Бровина, В. Д. Ачина

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Глобализация правового пространства и усиление международного сотрудничества в сфере уголовного права делают актуальным изучение перевода юридической терминологии. Учет особенностей законодательства зарубежных стран при передаче правовых концепций представляется актуальным и требует от переводчиков высокой квалификации и компетентности. Особую сложность вызывает перевод терминов тех правовых систем, которые имеют существенные отличия. В данной статье представлен анализ стратегий перевода терминов видов преступлений в институтах уголовной ответственности Германии и Великобритании.

Ключевые слова: юридический перевод; термин; юрислингвистика; уголовное право Германии; судопроизводство Великобритании.

A. V. Brovina, V. D. Achina

LINGUISTIC ASPECTS OF TRANSLATION OF LEGAL TERMINOLOGY

The globalization of the legal space and the strengthening of international cooperation in the field of criminal law make it relevant to study the translation of legal terminology. Учет особенностей законодательства зарубежных стран при передаче правовых концепций представляется актуальным и требует от переводчиков высокой квалификации и компетентности. It is particularly difficult to translate the terms of those legal systems that have significant differences. This article presents an analysis of strategies for translating the terms of types of crimes in the institutions of criminal responsibility in Germany and the United Kingdom.

Keywords: legal translation; term; legal linguistics; German criminal law; UK legal proceedings.

Современный мир претерпевает глобальные изменения, которые, по мнению экспертов, сводятся к тому, что формируется новое целостное пространство, единый мир. Процессы глобализации влияют на все сферы деятельности человека, в том числе и юридическую. Интеграция современного мира делает актуальным изучение законодательного опыта зарубежных государств. Перевод юридических статей, книг и законов занимает много времени и усилий. Юридический перевод является ключевым фактором в интерпретации документов международного права; его цель – сделать национальные правовые системы более связанными с международными стандартами путём формирования единого представления международно-правовых инструментов с учетом глубокого понимания правовых принципов, контекста и целей международных норм.

В современной науке проблемам перевода юридических терминов посвящены труды таких ученых, как Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман и др. Современный российский юридический язык формировался под влиянием множества ученых и практиков. Основоположниками можно считать Д. И. Менделеева и И. А. Бродского, которые внесли значительный вклад в развитие правовой научной терминологии и работали над вопросами языка законов. Среди современных исследователей можно отметить работы В. А. Кузнецова, который исследовал проблемы юридической

терминологии и предложил методы ее стандартизации. С. В. Цветкова занималась вопросами языка права и его адаптации к современным условиям. А. Ю. Громов автор работ по юридической лексикографии и стандартизации правового языка. Н. В. Соловьева исследовала юридическую коммуникацию и ее особенности в российском контексте.

При анализе юридической терминологии следует отметить, что слово 'термин' латинского происхождения 'terminus', означает 'предел, граница' – это слово или словосочетание, являющееся названием строго определённого понятия какой-нибудь области науки, техники, искусства и т.д. В словаре В. И. Даля 'термин' трактуется как «выражение, слово, речение, название вещи или приёма, условное выражение» [4]. В контексте данного исследования под термином понимается специфическое слово или выражение, используемое в юридическом языке для обозначения определённых понятий, сущностей или процессов. Его следует понимать как абстрактную единицу мышления, которая часто приравнивается к совокупности фактов, то есть юридическому описанию противоправного деяния или ситуации, к которой относится право. Эти термины помогают юристам, судьями и другим специалистам точно и однозначно интерпретировать законы, регламенты и правовые документы, способствуют ясному и точному формулированию правовых предписаний и достижению максимальной точности и лаконичности.

Перевод юридических терминов представляет сложную задачу. Юридический перевод находится на стыке лингвистики, права и переводоведения. Сложности вызывают отсутствие прямых эквивалентов, контекстуальная зависимость, стандартизация юридических документов. Перевод требует от переводчика не только языковых навыков, но и глубоких знаний в области права. Особую сложность представляет перевод юридических терминов различных правовых систем, особенно когда системы в своей основе имеют разные принципы, как в случае с Германией, представляющей континентальное право и Великобританией, имеющей общее право.

Для точного и глубокого понимания юридического перевода необходимо точно понимать, что подразумевается под переводом в целом. Российский ученый-переводчик Н. К. Гарбовский определяет перевод как «общественную функцию коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами, реализующуюся в ходе психофизической деятельности билингва по отражению реальной действительности на основе его индивидуальных способностей интерпретатора, осуществляющего переход от одной семиотической системы к другой с целью эквивалентной, т.е. максимально полной, но всегда частичной, передачи системы смыслов, заключенной в исходном сообщении, от одного коммуниканта другому» [2, с. 214]. Анализ перевода юридической терминологии затрагивает вопрос узконаправленного, а именно, юридического перевода. Определение, предложенное исследователем Д. Сао, наиболее точно передает его суть. «Юридический перевод – это вид специализированного или технического перевода, переводческая деятельность, включающая в себя использование языка для специальных целей в контексте права или использование языка в юридических целях» [5, с. 1]. В свою очередь М. Гальдия определяет профессиональный юридический перевод как поиск юрико-лингвистической эквивалентности [6, с. 92]. М. Муричи определяет юридический перевод как технический перевод текстов на специальном языке [7, с. 283]. Таким образом юридический перевод – это вид специального перевода, обслуживающий правовую сферу. Он включает перевод документов и материалов, необходимых для обмена информацией между людьми, говорящими на разных языках.

Юридический язык отличается от естественного языка своей абстрактностью, точностью и формальностью. Он формируется в рамках правовой системы и требует особого типа коммуникативного сознания. Основными целями юридического перевода, согласно Ю. Н. Апасовой, являются «научные, образовательные и практические, которые включают разрешение споров, заключение договоров, имплементацию международных норм в национальное законодательство» [1, с. 29]. Тем не менее, основной целью любого перевода является достижение максимальной адекватности – полной передачи смысла и функционально-стилистическое соответствие оригиналу. Достичь полного соответствия не всегда представляется возможным, одна из причин наличие различий в правовых системах государств.

По своей сущности юридический перевод может использоваться для многих целей, например:

- ознакомительные или образовательные цели;
- практические цели, связанные с необходимостью разрешения споров с участием иностранных лиц;
- практические цели, связанные с составлением и заключением договоров на двух или более языках;
- практические цели, связанные с имплементацией международно-правовых норм в национальное законодательство.

В связи с этими особенностями при переводе возникают различные сложности. Важно учитывать различия правовых систем, так как каждая страна имеет свою правовую систему. Некоторые юридические термины не имеют прямых аналогов в других языках, что требует использования описательного перевода, транскрипции или калькирования. Так, например, перевод немецких юридических терминов на русский язык имеет ряд лексико-семантических особенностей. Немецкие термины, как правило, являются сложными существительными, состоящими из нескольких слов, например, *'der Menschenraub'* (похищение человека), соответственно при переводе требуется разбивать на части и подбирать соответствующие эквиваленты. Также при переводе важно учитывать точность и однозначность терминов во избежание смысловых нарушений.

А. С. Киндеркнехт выделяет 3 основные стратегии для успешного юридического перевода любого вида терминологии, а именно: транскрипция и транслитерация, используемая для звуковой или графической формы термина; калькирование для дословного перевода термина без потери смысла с сохранением структуры; описательный перевод, который применяется для передачи сложных понятий, не имеющих аналогов в языке перевода [3]. Важно подчеркнуть, что каждая из этих стратегий обладает своими преимуществами и ограничениями, а выбор подхода зависит от множества факторов – от особенностей конкретного термина до контекста его употребления и уровня подготовленности целевой аудитории. Так, транслитерация может быть уместна в случае устойчивых заимствований или отсутствия эквивалента, но требует пояснений при первом употреблении. Калькирование позволяет сохранять структуру исходного термина, но иногда приводит к появлению неестественных или непонятных конструкций на языке перевода. Описательный перевод обеспечивает семантическую точность, однако влечёт за собой увеличение объёма текста и потенциальную утрату терминологической строгости. Поэтому в практике юридического перевода наблюдается тенденция к комбинированию стратегий, например, калька плюс пояснение или транслитерация с примечанием. Такой подход способствует как сохранению

терминологической точности, так и адаптации перевода к юридическим и лингвистическим нормам целевого языка.

Специфика юридической терминологии, как ярко демонстрируют примеры расхождений между немецким и английским уголовным, заключается в том, что каждый термин является узлом в плотной сети конкретных правовых понятий, процедур, санкций и исторически сложившихся интерпретаций, уникальных для своей правовой семьи. Именно поэтому использование стратегий А. С. Киндеркнехт сопряжено с особыми сложностями и требует от переводчика не просто лингвистических навыков, но и основательных знаний в области сравнительного правоведения.

Таким образом, неизбежные сложности, возникающие при переводе юридической терминологии из-за системных различий права, делают владения иностранным языком совершенно недостаточным. Переводчик должен выступать в роли межъязыкового и межправового медиатора. Основная задача не просто найти словарное соответствие, а провести тщательный сравнительно-правовой анализ: определить место и функцию термина в исходной правовой системе, выявить его ключевые признаки, оценить наличие и степень совпадения с понятиями в целевой системе, и только затем, взвесив все риски искажения смысла, осознанно выбрать стратегию А. С. Киндеркнехт или их комбинацию (например, кальку с обязательным пояснением в сноске или описательный перевод для ключевого понятия). Это требует постоянного изучения не только языка, но и права – его догматики, истории, философии и практики применения в обеих юрисдикциях. Профессиональный юридический перевод – это всегда работа на стыке лингвистики и права, где неверно выбранная стратегия или поверхностное понимание правового контекста могут привести не просто к стилистической погрешности, а к серьезной смысловой ошибке со значительными практическими последствиями. В связи с этими особенностями при переводе часто возникают различные сложности.

В рамках данного исследования был проведен сравнительный анализ отдельных терминов уголовного законодательства Германии и Великобритании. Немецкая правовая система, закреплённая в Уголовном кодексе (StGB), отличается строгой формализацией и чёткой классификацией преступлений. Преступления делятся на *'Verbrechen'* (тяжкие, с наказанием от одного года лишения свободы) и *'Vergehen'* (менее тяжкие, с наказанием до года или штрафом). В основе лежат принципы законности, презумпции невиновности и пропорциональности наказания. В то время как британская система, отказавшись от понятий *'felony'* (тяжкие преступления) и *'misdemeanor'* (менее тяжкие преступления), использует более гибкую классификацию: *'summary offences'* (правонарушения, рассматриваемые в упрощённом порядке), *'either-way offences'* (преступления смешанной подсудности) и *'indictable offences'* (уголовные преступления, рассматриваемые по обвинительному акту) – в зависимости от тяжести преступления и порядка судебного разбирательства. Эти различия усложняют перевод терминов и требуют описательного или адаптивного подхода для достижения семантической и функциональной эквивалентности.

Перевод терминов требует учёта особенностей правовых систем стран. Например, немецкое *'Mord'* (умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами) и *'Totschlag'* (убийство без отягчающих факторов) в российском Уголовном кодексе объединены в статью 105 Убийство, что требует описательного перевода для сохранения смысла. Английский термин *'manslaughter'* (непредумышленное убийство) также не имеет прямого аналога в российской практике, где все убийства считаются умышленными.

Стратегии перевода варьируются в зависимости от наличия эквивалентов. Для терминов с прямыми аналогами, таких как *‘Diebstahl’* (кража) или *‘Vergewaltigung’* (изнасилование), применяется калькирование или эквивалентный перевод. Однако многие понятия требуют адаптации. Например, *‘Totschlag auf Verlangen’* (эвтаназия) в Германии и *‘assisted suicide’* в Великобритании переводятся как «убийство по просьбе потерпевшего» с обязательным указанием на запрет этого деяния в РФ.

Ошибки перевода могут привести к серьёзным последствиям. Например, неточная интерпретация *‘Fahrlässige Tötung’* (грубая неосторожность) как «причинение смерти по неосторожности» без учёта степени вины искажает квалификацию преступления. А неправильный перевод *‘Sexuelle Belästigung’* (сексуальные домогательства) может сузить или расширить смысл, учитывая различия в трактовке этого понятия в РФ.

Для минимизации ошибок переводчикам рекомендуется сочетать лингвистические навыки с глубоким знанием права. Использование корпусных данных (Британский национальный корпус, Лейпцигский корпус) и специализированных словарей помогает уточнить контекст употребления терминов.

Юридический перевод, как специализированный вид перевода, требует от переводчика не только владения иностранными языками, но и знания основ права, понимания различий между правовыми системами и культурными особенностями. Основной сложностью является несовпадение правовых концепций двух стран. Так, немецкое уголовное право базируется на кодифицированной континентальной системе, в то время как британское уголовное право относится к системе общего права, где ключевую роль играют судебные прецеденты. В данном случае перевод требует смысловой адаптации, выбора правильной стратегии. Успешный перевод юридических понятий не только техническая, но и интеллектуальная работа, требующая от специалиста постоянного обучения и междисциплинарного мышления, сочетающего лингвистическую, правовую и переводоведческую компетенции. Правильная интерпретация и перевод юридических терминов, возможны только при глубоком понимании как лингвистических, так и правовых реалий.

Список литературы:

1. Апасова Ю. Н. К вопросу понятия юридического перевода с точки зрения права // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2021. Т. 46, № 1. С. 27–35.
2. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Издательство Московского университета, 2007. 544 с.
3. Киндеркнехт А. С. К вопросу о трудностях перевода юридической терминологии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-trudnostyah-perevoda-yuridicheskoy-terminologii> (дата обращения: 21.06.2025).
4. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=7042034> (дата обращения: 21.06.2025).
5. Cao D. Legal Translation. Electronic article. URL: <https://doi.org/10.1002/9781405198431.wbeal0679> (дата обращения 21.06.2025)
6. Galdia M. Strategies and tools for legal translation. *Comparative Legilinguistics*. 2013. Vol. 16. P. 77–94.
7. Murici M. Legal Language and Legal Translation. *International Conference on Linguistics, Literature and Culture*. 2016. Book of Proceedings. P. 279–291.

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, РФ

УДК 81

Е. М. Демина, Л. Г. Васильев
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД
К ОСМЫСЛЕНИЮ СОЧИНЕНИЯ-РАССУЖДЕНИЯ

В статье рассматривается вопрос о междисциплинарной рационализации сочинения-рассуждения. Цель работы – определить номотетико-ориентированную основу заданий типа «сочинение-рассуждение» и сопоставить ее с разработанным содержанием тренировочных заданий. Авторами принимается теория аргументации как лингводидактическая основа сочинения-рассуждения; проанализированы критерии оценивания экзамена FCE и система упражнений для подготовки к нему в соответствии с положениями лингвоаргументологии.

Ключевые слова: лингводидактика; сочинение-рассуждение; теория аргументации; FCE; критерии оценивания FCE; тренировочные упражнения.

E. M. Demina, L. G. Vasiliev
AN INTERDISCIPLINARY APPROACH
TO UNDERSTANDING AN ARGUMENTATIVE ESSAY

The article considers the issue of interdisciplinary rationalization of an argumentative essay. The purpose of the work is to determine the nomothetic-oriented basis of the ‘argumentative essay’ tasks-type and compare it with the developed content of the training exercises. The authors accept the theory of argumentation as a linguodidactic basis of the argumentative essay; the criteria for assessing the FCE exam and the system of exercises for preparing for it in accordance with the provisions of linguoargumentology are analyzed.

Keywords: linguodidactics; argumentative essay; theory of argumentation; FCE; FCE assessment criteria; training exercises.

Междисциплинарные исследования языка предусматривают использования принципа междисциплинарности и могут помимо языкознания включать методику обучения языкам, когнитивные, клинические, историографические, культурологические, генристические, характерологические, персонологические, компьютерные и иные дисциплины. Методика преподавания языков и лингводидактика как ориентация преподавания на уровне языка, социодискурсивные его характеристики остается важнейшим аспектов междисциплинарной лингвистической сферы.

Термин «лингводидактика» был введен Н. М. Шанским, советским лингвистом, в 1969 году, а в 1975 году был введен на международном уровне. Лингводидактика занимается закономерностями освоения иностранного языка, т.е. почему обучающиеся совершают ошибки, или же наоборот, преуспевают в обучении. Новый словарь методических терминов и понятий определяет лингводидактику как общую теорию обучения языку [1]. Объектом лингводидактики является практика обучения иностранному языку, а предметом – управление процессом овладения [8].

Вопрос о научном статусе лингводидактики – самостоятельной или же прикладной наукой она является – до сих пор дискуссионный, так как существует несколько подходов к пониманию данного термина. Так, И. И. Халеева, Г. И. Богин, Ю. Н. Караулов видят связь лингводидактики с такими науками как социология, психология, лингвокультурология и

связывают ее с такими понятиями как «языковая личность», т.к. видят язык в большей степени через социальную призму.

В свою очередь, некоторые ученые, например, Р. К. Миньяр-Белоручев отождествляют понятия «лингводидактика» и «методика обучения иностранному языку», говоря, что первое есть «теория», а второе – «практика».

Н. Д. Гальскова определяет лингводидактику как одну из составляющих общей методики преподавания иностранного языка как науки и рассматривает методическую науку как некий комплекс, состоящий из двух частей: методики преподавания и лингводидактики [4].

А. Л. Зеленецкий определяет лингводидактику как прикладную науку, относит её к лингвистике и видит ее как «целенаправленное осмысление лингво-теоретических построений, которые могут использоваться на практике обучения», и считает лишним выходить за рамки лингвистики.

Таким образом, можно констатировать, что лингводидактика является достаточно молодым и перспективным научным направлением и вопрос о содержании данного термина, как и вопрос о ее научном статусе, до сих пор открыт.

Говоря о дидактическом потенциале лингвистических концепций, имеется в виду способность лингвистических теорий (таких как теория фонологических оппозиций, трансформационная лингвистика, контрастивная и конфронтативная лингвистика, лингвистическая типология и другие) применяться на практике обучения иностранному языку. Практически каждое упражнение строится на определенных лингвистических теориях – так, например, переводные упражнения есть контрастивная лингвистика, когда сопоставляются два языка с целью выявления сходств и отличий; трансформационные упражнения (изменение глагольных форм, окончаний существительных) опираются на трансформационную лингвистику [5].

Что же касается сочинения-рассуждения, особое внимание следует уделить теории аргументации, изучающей дискуссионные приемы, используемые в процессе аргументирования. Она находится на стыке множества наук таких как логика, лингвистика, социология, психология, философия, эристика, герменевтика и риторика. Можно выделить следующие центральные понятия теории аргументации: способ и основание аргументации, её стиль и контекст, позиция участников, позиционный диссонанс и консонанс, спор, полемика, дискуссия и диалог, истина и ценность, доказательство.

В рамках данной дисциплины, аргументация рассматривается с трех различных дополняющих друг друга позиций: *в историческом контексте*, где рассматривается временной отрезок и стиль мышления эпохи; *с точки зрения мышления*, где происходит описание способов обоснования и рационализации утверждений и применение аргументации в разных областях мышления: теоретической, делящейся на естественнонаучную и гуманитарную, и практической; *и в рамках понятий* «человек и общество», которые исследуют личность, участвующую в аргументативной ситуации и непосредственно аудиторию [6].

Теория аргументации трактует аргументацию как 1) систему убеждений и обоснований заявляемых положений и 2) практический навык выбора приемов, их совокупность или комбинацию с целью убеждения определенной аудитории и учет специфики последней. Основной целью аргументации является убеждение или же склонение к определенным выводам, позициям, принятию положений [6].

Аргументация есть некая человеческая деятельность, обусловленная тем или иным социальным контекстом и имеющая своей конечной целью убеждение, а не её

эпистемологический или гносеологический аспект как таковой. В виду этого, теория аргументации есть некое междисциплинарное знание, которое может служить методической основой для заданий типа «сочинение-рассуждение», так как структура, цель и итог ведения сочинения-рассуждения отражены и непосредственно связаны с принципами и положениями теории аргументации.

Можно принять, что лингводидактической основой сочинения-рассуждения служит теория аргументации. Рассматривая лингводидактику как прикладную часть лингвистики, мы можем отметить, что теория аргументации не является собственно лингвистической дисциплиной. Однако, в рамках данного вопроса, лингвистика и теория аргументации имеют тесную взаимосвязь, так как последняя носит междисциплинарный характер и образует целую парадигму исследований как в лингвистике, так и в логике, семантике, прагматике, риторике и других дисциплинах [7].

Сочинение-рассуждение, являясь в своей основе аргументативным дискурсом, определяется логическим (точнее, рациональным) типом мышления; оперирует определенными концептами и понятиями, основанных на объективной действительности; структурно оформляется в плане изложения (делится на введение, основную часть и заключение) и имеет своей целью убеждение или же склонения оппонента к принятию конкретной точки зрения.

К примеру, в международных экзаменах по иностранным языкам (по английскому IELTS, TOEFL, FCE, CAE; по французскому языку DELF, DALF; по немецкому языку ÖSD, Goethe-Zertifikat B2, Goethe-Zertifikat C1) в письменной части присутствует сочинение-рассуждение с типовой схемой построения рассуждения как функционально-смыслового типа речи: введение, основная часть, состоящая из аргументов «за» и «против», заключение, и определенным списком тем для раскрытия (экология, гаджеты, социальные сети, человеческие отношения – дружба, семья, преступления, хобби, образование, экономика, здоровье, шоппинг, финансы, хобби, современные цифровые технологии, наука и космос и многие другие).

Для порождения аргументативного высказывания необходим целый ряд общеучебных умений, таких как организационные, которые позволяют обучающимся планировать, организовывать, контролировать и анализировать учебную деятельность; логические (или интеллектуальные), наличие которых дает обучающимся возможность выстраивать четкую структуру содержания процесса постановки и решения учебных задач; информационные, которые обеспечивают обучающемуся навыки работы с информацией; и коммуникативные, позволяющие организовать интеракцию [3].

Непосредственно же в процессе обучения, формируются следующие коммуникативно-речевые умения: подчинять высказывание основной мысли; собирать и систематизировать материал; совершенствовать собственное высказывание; лингвистически правильно выражать свои мысли; строить высказывание в определенной композиционной форме [2].

Запрашиваемые умения находят отражение в критериях оценивания множества письменных экзаменационных заданий типа «письменное рассуждение».

Например, возьмем письменную часть международного экзамена FCE, где обучающимся предлагается написать эссе объемом 140–190 слов, время написания 80 минут. В качестве темы сочинения дается декларативный или модальный тезис, проблемная ситуация или же риторический вопрос. Рассмотрим критерии оценивания его письменной части.

Критерий «Content» (содержание) оценивает способность раскрыть тему и информировать читателя о проблеме посредством логичного разворачивания мысли.

Критерий «Communicative Achievement» (решение коммуникативной задачи) заключает в себе уместность стиля и способность передавать мысль непримитивными и сложными идеями.

В рамках критерия «Organisation» (структура) оценивается умение строить текст в соответствии с делением на параграфы и корректно использовать слова-связки для последовательного изложения.

Критерий «Language» (языковое оформление) оценивает лексическое и грамматическое наполнение, причем оно должно соответствовать уровню Upper-Intermediate и предполагает использование сложных грамматических конструкций и богатого словарного запаса, скрытая креолизация ведет к ухудшению результатов письменного задания, так как использование скудного словарного запаса и простой грамматики, не соответствующей уровню Upper-Intermediate, оценивается самым низким баллом [11].

Методическая система подготовки и работы над написанием сочинения-рассуждения включает в себя множество этапов в зависимости от: 1) выбранного подхода к обучению письменной речи и методики; 2) цели обучения; 3) конкретного типа задания и потенциальных критериев оценивания.

Для примера, рассмотрим пособия по подготовке к письменной части экзамена, такие как FCE Writing Guide, Skills for FCE Writing в разделах «Writing a discursive composition» / «Writing an argumentative essay», которые применяются в системе дополнительного образования при подготовке к FCE или же как дополнения к основным УМК, например, таких как Complete First. Данные пособия содержат задания, соответствующие обучению процессу аргументирования. Можно встретить упражнения разного типа такие как:

- выведение тезиса по готовому сочинению;
- определение позиции автора;
- приведение аргументов «за» и «против» на определенную тему;
- определение тезиса параграфа для его последующего развертывания с целью обоснования определённой позиции;
- упражнения на ограничители и слова-связки, определяющие логику повествования;
- определение стиля речи и его перефразирование в формальный;
- задания на составления плана аргументативного сочинения;
- задания на лексическое наполнение с целью обогащения словарного запаса по определенным темам (лексика уровня Upper-Intermediate);
- задания по грамматике с целью ее внедрения в речь (грамматика уровня Upper-Intermediate). Данные упражнения состоят из языковых, условно-речевых и речевых. Стоит отметить, что речевые и условно-речевые упражнения (как устные, так и письменные) преобладают [10; 12].

Таким образом, применение лингвистической теории аргументации и её основ уже имеет место при разработке некоторых учебно-методических комплексов. Задания в них имеющиеся можно приравнять к приемам обучения процессу аргументирования, так как они имеют больше общего с построением аргументации и оперированием экстралингвистическими знаниями и иногда определенной терминологией, нежели с заданиями другого типа. В контексте лингводидактики это значит, что сочинение-рассуждение есть некая

рациональная универсалия, когнитивное образование, включающее в себя мысли, убеждения, ценности и последовательный способ их репрезентации.

Данные, приведенные в статье, укладываются в требования научной специальности 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка и могут использоваться как в номотетическом, так и в идеографическом подходах к анализу письменного текста-рассуждения.

Обратимся к практическому аспекту данного вопроса. Педагогический эксперимент проводился на базе учреждения дополнительного образования English Formula в группах Upper-Intermediate, проходящих образовательную программу на уровне B2 по пособию Complete first, Cambridge University Press. Согласно программе данного УМК, сочинения-рассуждения разных типов и тематик пишется в рамках 5 тем из 14. Так как упражнение есть практическая реализация метода, рассмотрим предоставленные данным пособием задания, направленные на работу над сочинением-рассуждением:

- анализ текста-образца и структуры присутствует в 2 темах из 5;
- непосредственно написание сочинения присутствует в 5 темах из 5;
- мозговой штурм присутствует в 5 темах из 5;
- составление заметок с идеями присутствует в 1 теме из 5;
- работа со словами-связками присутствует в 1 теме из 5;
- написание плана присутствует в 1 теме из 5;
- развёртывание мысли параграфа и работа над его содержанием присутствует в 1 теме из 5 [9].

Можно сделать следующие выводы:

1. Работа над написанием сочинения ведется в рамках менее половины предоставленных тем, что может являться недостаточным для углубленного формирования как общеучебных, так и коммуниктивно-речевых компетенций;

2. В рамках всех тем ведется работа над содержательной стороной сочинения, так как задания типа «мозговой штурм» присутствуют в рамках каждой темы;

3. Остальные типы упражнений на формирование письменно-речевой аргументативной компетенции недопредставлены, так как реализуются только в рамках одной, реже двух, тем из пяти.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать предварительный общий вывод об отсутствии в УМК поэтапной системы формирования умений осуществлять письменное доказывание и об ограниченности используемых методов. В связи с этим возникает необходимость разработки системы методик обучения письменному рассуждению с целью улучшения системы формирования общих и специальных компетенций для его порождения на основе междисциплинарного подхода.

До проведения опытно-экспериментальной части нами были предложены следующие задания с целью проверки сформированности общеучебных и специальных умений в контрольной и экспериментальной группе:

- опрос с целью сбора первичной информации;
- входная диагностика с целью выявления изначальных умений;
- ознакомление с сутью задания и критериями с целью увеличения осведомленности о данном задании.

По опросу были получены следующие результаты:

- 90% процентов обучающихся находят данный вид деятельности сложным;

- 40 % находят сложным все аспекты письма;
- 40% имеют проблемы с поиском идей для письма;
- 30% видят сложность в пункте «организация» и в использовании клише;
- 30% находят трудным грамматический и лексический аспекты написания по критерию «языковое оформление».

По входной диагностике результаты представились следующими:

- общий процент выполнения заданий по критериям: content – 80%; communicative achievement – 80%; organization – 70%; language – 35%; criteria – 30 %;
- подробно по каждому критерию: content – задание 1 – 90%, задание 2 – полное выполнение – 30%, выполнено на 75% – 70%; communicative achievement – полное выполнение – 70%, выполнено на 75% – 10%, выполнено на 50% – 20%; organization – выполнено на 100% – 40%, выполнено на 75% – 20%, выполнено на 50% – 30%, выполнено на 17% – 10%; language – выполнено на 75% – 20%, выполнено на 25% – 60%, не выполнено – 20%; criteria – выполнено на 25% – 30 процентов, не выполнено – 70%.

Таким образом, по результатам диагностики можно констатировать, что умения сформированы на достаточном уровне, а наиболее сложными оказались задания на языковое оформление и на знакомство с критериями оценивания.

Для реализации на практике были отобраны методы, которые могут быть использованы для формирования письменно-речевой аргументативной компетенции в рамках междисциплинарного подхода:

Блок 1: Методы формирования аргументативных умений и развития критического мышления. Ознакомительные упражнения, представленные в рамках данного блока: знакомство с теорией аргументации, её элементами и основными положениями и понятиями концепцией критического письма посредством чтения текста и выполнение заданий на понимание усвоенной информации и обсуждение вопросов. Информационное наполнение заданий заключается в ознакомлении с концепцией критического мышления, критического письма, структурой процесса аргументирования, видами аргументации, её основными понятиями (тема, проблема, тезис, довод, аргумент), видами аргументов, ошибками в аргументации и определением и правилами ведения дебатов.

Тренировочные упражнения заключаются непосредственно в проведении дебатов, а контролирующие в выполнении послетекстовых упражнений на проверку понимания содержания.

Блок 2. Анализ текста-образца и анализ критериев оценивания задания. Ознакомительные, тренировочные и контролирующие упражнения, представленные в рамках данного блока: изучение критериев оценивания задания, проверка понимания (соотнесения критерия и его описания), непосредственное самостоятельное оценивание сочинения обучающимися. Данный блок направлен на осмысление принципов оценивания сочинения-рассуждения.

Блок 3. Приемы работы над содержанием представлены в виде следующих упражнений: комментирование цитат, мозговой штурм; дебаты; чтение текстов по тематике для расширения фоновых знаний.

Блок 4. Приемы работы над структурой содержат тренировочные упражнения на осознание структурно-семантических особенностей рассуждения и структуры аргументации: работа над словами-связками; составление плана сочинения; определение функций вводных

слов и фраз в предложении; определение потенциального места фразы (во введении, основной части или заключении) в письменном сообщении.

Блок 5. Прием работы над стилем речи представлен в тренировочном задании на переформулирование предложений, составленных в неформальном стиле в формальный.

Блок 6. Приемы работы над языковым оформлением содержат ознакомительные и тренировочные упражнения на отработку придаточно-уступительных сложноподчиненных предложений в контексте грамматики и отработку лексики по теме «Capital punishment», так как контекст обучения на срок эксперимента бы установлен именно в рамках данной темы. Необходимо отметить, что методы должны быть разнообразны, последовательны и направлены на все аспекты процесса и результата написания, так как сочинение-рассуждение, будучи сложным видом деятельности, требует сформированности письменной коммуникативной компетенции на самом высоком, коммуникативно-творческом уровне, который предусматривает полное овладение умениями создания письменного текста.

Преимущественно, задания и упражнения были взяты из пособий FCE Assessment Criteria, Skills for FCE Writing, FCE Writing Guide и их выполнение оценивались в соответствии с приведенными в пособиях требованиями. Однако, некоторые ознакомительные и тренировочные задания, такие как ознакомление с информацией о критическом письме, мышлении, аргументологии и её базовых понятиях, были составлены самостоятельно на основе актуальных в рамках данной темы источников и ресурсов.

После проведения опытно-экспериментальной части была произведена контрольная диагностика сформированности письменно-речевой аргументативной компетенции. Обучающимся было предложено написать дискурсивное эссе, объемом от 120 до 180 слов в рамках темы «Capital punishment». Именно эта тема была выбрана для отработки так как она не представлена в рамках данного УМК и, следовательно, темы сочинений не повторяются, что обеспечивает чистоту и непредвзятость эксперимента. Были даны на выбор: 1. тезис – «The crime rate in our area is far too high and extreme measures need to be taken to reduce it», 2. проблемный вопрос, требующий анализа и выявления причин – «Why do some people break the law?».

Для проверки сформированности уровня компетенции, в соответствии с требованиями к заданию, обучающимся было необходимо:

- составить план сочинения для последующего разворачивания идей абзацев;
- написать не менее трех параграфов, соблюдая структуру рассуждения как функционально-смыслового типа речи (введение – 1 параграф, основная часть – 1-2 параграфа, заключение – 1 параграф);
- раскрыть содержание темы;
- рассмотреть явление/проблему с разных сторон или же предоставить аргументы «за» и «против» в зависимости от выбранной темы эссе;
- уместно использовать слова-связки между предложениями и абзацами;
- оперировать лексикой и грамматикой, которые соответствуют уровню Upper-Intermediate, в рамках данной темы;
- выстраивать сложные синтаксические конструкции и передавать свои идеи с их помощью;
- строить текст в соответствующем стиле;
- составить текст определенного объема (от 120 до 180 слов).

Оценивание проводилось согласно бланку оценивания проверяющего письменной части экзамена FCE.

Рассмотрим полученные результаты в группах после проведенного эксперимента.

Таблица 1. Результаты в контрольной группе:

№/критерий	Содержание	Решение коммуникативной задачи	Структура	Языковое оформление
Обучающийся 1	5	5	5	3
Обучающийся 2	4	3	3	2
Обучающийся 3	4	3	3	2
Обучающийся 4	5	4	5	2
Обучающийся 5	5	2	3	2

Таблица 2. Результаты в экспериментальной группе:

№/критерий	Содержание	Решение коммуникативной задачи	Структура	Языковое оформление
Обучающийся 1	5	5	5	4
Обучающийся 2	5	4	5	2
Обучающийся 3	5	3	3	2
Обучающийся 4	5	5	5	3
Обучающийся 5	5	3	3	2

На основе полученных результатов можно сделать следующие сравнительные выводы:

1. По критерию «Содержание» можно констатировать, что обе группы успешно справились с заданием, однако, экспериментальная группа справилась на 20% успешнее;

2. По критерию «Решение коммуникативной задачи» экспериментальная группа справилась более успешно. Средний балл в контрольной группе 3,4, тогда как в экспериментальной 4.

3. В рамках критерия «Структура» результаты в обеих группах оказались практически одинаковые. Контрольная группа имела средний балл 3,8, тогда как экспериментальная – 4,2. 40% процентов обучающихся выделяют лишь два параграфа (введение и основную часть совместно с заключением) вместо трех отдельных (введение, основная часть и заключение). Стоит отметить, что все обучающиеся корректно используют слова-связки уместно, однако, не все из них соответствуют требуемого уровня языкового оформления.

4. Критерий «Языковое оформление» оказался наиболее проблематичным. Несмотря на то, что в сочинениях не было большого количества ошибок, как в контрольной, так и в экспериментальной группах, по обозначенным стандартам оценивания, использованная грамматика и лексическое содержание считаются простыми и недостаточно усложненными в контексте оцениваемого уровня. Однако, экспериментальная группа справилась на 20% успешнее, так как часть обучающихся экспериментальной группы оперировала изученной грамматикой и лексикой по теме.

В общем и целом, результаты сочинений представляются более чем удовлетворительными. В экспериментальной группе каждый обучающийся успешно раскрыли выбранные ими темы. 80% обучающихся оказались способны выстраивать необходимую структуру

текста. Самым сложным оказалось языковое наполнение сочинения (ни одной максимальной оценки) и умение передавать мысли сложносоставными идеями (две максимальные оценки).

Стоит упомянуть, что задания данного вида на уроках иностранного языка, как в рамках общеобразовательной школы, так и в рамках дополнительного образования, являются заданиями повышенной сложности. Это значит, что задания не являются типовыми и требуют от обучающегося комплексного применения знаний, умений и навыков, более глубокого анализа темы, способности адаптироваться к новым формулировкам и сформированности метапредметных и специальных компетенций на достаточно высоком уровне.

В заключении, можно отметить, что за таким сложным видом письменно-речевой деятельности как «сочинение-рассуждение» стоит сочетание множества дисциплин, таких как аргументология, логика, риторика, когнитивистика, философия, прагматика, стилистика и лингвистика. Обучение данному виду деятельности должно строиться на принципе междисциплинарности знания, так как именно такой подход позволит формировать общеучебные и специальные компетенции, необходимые для успешного выполнения данного типа заданий.

Список литературы:

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 126 с.
2. Баранова Е. А. Методика обучения аргументированному письменному высказыванию: на материале французского языка, языковой факультет: дис. канд. пед. наук: 13.00.02. Орел, 2013. 280 с.
3. Бондаренко Т. Н. Формирование общеучебных умений и навыков на первой образовательной ступени URL: https://pozdneyakova.ucoz.ru/Praktikum/3-4/formirovanie_obshheuchebnykh_umenij_i_navykov_na_p.pdf (дата обращения: 13.09.2025).
4. Гальскова Н. Д., Лоцилин А. Н. Лингводидактика как методологическая основа исследований в лингвообразовательной области // КиберЛенинка URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvodidaktika-kak-metodologicheskaya-osnova-issledovaniy-v-lingvoobrazovatelnoy-oblasti> (дата обращения: 13.09.2025).
5. Зеленецкий А. Л. Дидактическое приложение лингвистической концепции // Вестник Калужского университета, 2007. № 4. С. 49–59.
6. Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. М: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 384 с.
7. Работкин Ю. В. Теории аргументации в лингвистическом анализе текстов средств массовой информации // КиберЛенинка URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-lingvodidaktika-v-obuchenii-inostrannym-yazykam-spetsialistov> (дата обращения: 13.09.2025).
8. Султанова Г. С. Профессиональная лингводидактика в обучении иностранным языкам специалистов URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-lingvodidaktika-v-obuchenii-inostrannym-yazykam-spetsialistov> (дата обращения: 13.09.2025).
9. Complete First. – 2nd Edition изд.. Guy Brook-Hart: Cambridge University Press, 2015. 251 с.

10. FCE for schools Writing Guide URL: <file:///C:/Users/Я/Desktop/Работа/FCE/FCE-writing-guide.pdf> (дата обращения: 13.09.2025).
11. FCE Writing Assessment Criteria URL: <https://www.pronhelp.com/wp-content/uploads/2019/06/FCE-Writng-assessment-criteria.pdf> (дата обращения: 13.09.2025).

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 811.581

И. С. Кожеченкова, Т. Д. Телегина
РУССКИЕ И КИТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ
КАК ЗЕРКАЛО ЯЗЫКА СВОЕГО НАРОДА

Статья посвящена сопоставительному исследованию пословиц и поговорок в русском и китайском языках как первый шаг в исследовании по применению фразеологизмов в обучении китайскому языку. Проанализированы теоретические подходы к дефинициям, история употребления, приведены классификации по различным основаниям, общее и различное проиллюстрировано примерами.

Ключевые слова: русские пословицы и поговорки; китайские пословицы и поговорки; чэньюй; яньюй; суюй; фразеологизм

I. S. Kozhechenkova, T. D. Telegina
RUSSIAN AND CHINESE PROVERBS AND SAYINGS
AS A MIRROR OF ITS PEOPLE'S LANGUAGE

The article presents a comparative study of Russian and Chinese proverbs and sayings as the first step in researching the application of phraseological units in teaching Chinese. It analyzes theoretical approaches to definitions, historical usage, provides classifications based on various criteria, and illustrates similarities and differences with examples.

Keywords: Russian proverbs and sayings; Chinese proverbs and sayings; chengyu; yanyu; suyu; phraseological unit.

Пословицы и поговорки – кладовая мудрости любого народа, изложенная образным языком, поражающая богатством лексики, подчас вводящая в замешательство использованными грамматическими формами. Знание этих выражений помогает не только лучше освоить язык, но и понять мышление, характер, проникнуться духом народа-носителя изучаемого языка.

Пословицы и поговорки – это часть народного творчества, которое характеризуется вербальностью и лаконичностью. В них заключён исторический опыт и бытовые привычки предшествующих поколений. Пословицы и поговорки «выполняют важную культурологическую задачу: сохраняют элементы традиционной культуры и национальные духовные ценности народа» [5, с. 56]. При этом следует обратить внимание и на форму изложения: пословицы и поговорки отличаются здравым смыслом и юмором, эмоциональной выразительностью и способностью передать чувства и настроения, а в равной степени отличаются национальной уникальностью и глубиной культуры говорящего на этом языке народа [8, с. 40–42].

Не секрет, что для правильного перевода текста с одного языка на другой только знания лексики и грамматики иностранного языка недостаточно. Необходимо владеть его лингвокультурой, быть знакомым с историей, культурным контекстом, распространенными бытовыми обычаями народа-носителя языка.

В разрезе лингвистики изучению русских и китайских пословиц и поговорок, в том числе их сравнительному исследованию, посвящено немало научных трудов. Однако вопрос овладения «культурным кодом» иностранного языка актуален не только в лингвистике и

переводоведении. Лингводидактика также не должна обходить стороной использование пословиц и поговорок в преподавании, поскольку только правильное понимание и владение этим пластом лингвокультуры позволяет признать, что человек действительно овладел иностранным языком на самом высоком уровне.

Так, хорошо известно, что в Китае демонстрация знания китайских идиом ‘чэньюй’ 成語, их уместное употребление в речи считается признаком хорошей образованности [см., например: 12, с. 193]

Настоящая статья носит сопоставительный характер и является первым шагом в исследовании форм, методов и пределов использования китайских и русских пословиц и поговорок в обучении китайскому языку.

Обучение иностранному языку на основе подобного яркого, самобытного лингвистического материала призвано повысить мотивацию учащихся к изучению иностранного языка, поиску параллелей с родным языком, развить у них наблюдательности, исследовательских навыков в части самостоятельного обнаружения и объяснения языковых грамматических и лексических явлений, познакомить с менталитетом и культурой страны изучаемого языка. Как альтернативный вариант небанального лингвистического дидактического материала при обучении иностранному языку можно также использовать имена и названия фольклорных персонажей [см., например: 7, с. 546–554].

Целью статьи является выявление характерологических черт русских и китайских пословиц и поговорок, определение в этой части степени схожести и различия двух внешне крайне непохожих лингвокультур – русской и китайской.

В начале исследования необходимо определиться с научной терминологией. В. И. Даль дает следующее определение пословицы: «Пословица – коротенькая притча. Это суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми» [3, с. 35]. «Поговорка заменяет только прямую речь окольную, не договаривает, иногда и не называет вещи, но условно, весьма ясно, намекает...» [3, с. 11]

Пословицы и поговорки принято различать по количеству слов, грамматической полноте высказывания, морфологическим типам словосочетаний, конструктивным типам предложений, по коммуникативным и синтаксическим типам, по характеру «актуального членения», а также по различному их сочетанию [9, с. 12].

В целом, следует указать, что семантически поговорки отличаются от пословиц тем, что они чаще всего обозначают конкретные явления или предметы. В то же время крылатые выражения и пословицы фокусируются на описании отношений между предметами и явлениями. Пословица состоит из двух частей – внутренней и внешней, смысловая и грамматическая завершенность. Объединяющий признак с поговоркой – устойчивое сочетание слов, употребляемое в устной и письменной речи. Поговорка поддается идентификации с помощью синонимов. Поговорки подходят не для всех ситуаций и требуют осторожного использования в разных контекстах. Их характерная черта заключается в опосредованном выражении мысли посредством образности, преувеличений, иронии, косвенных умозаключений, недомолвок и других приемов. Именно это отличает их от прямолинейного выражения той или иной мысли.

Некоторые авторы используют термин ‘паремии’ в качестве полного синонима пословиц и поговорок [11, с. 6; 12, с. 193]. Другие полагают, что паремии отличаются от

фразеологизмов смысловой и интонационной завершенностью, синтаксической членимостью, формой предложения [11, с. 360]. Таким образом, можно сделать, что среди российских лингвистов нет четкого понимания разграничения терминов паремии и фразеологизма. Тем не менее дефиниции пословицы и поговорки достаточно четкие и больших споров среди ученых не вызывают.

Можно обозначить следующие источники появления русских пословиц: православная религия; мифология; исторические события; наблюдение за поведением людей; народные и литературные произведения; возникновение новых пословиц на основе старых.

В Китае пословицы и поговорки известны еще с древности. Во времена династий Цинь (с 221 по 206 гг. до н. э.) и Хань (с 206 г. до н. э. по 220 г. н. э.) они стали достаточно распространенным языковым явлением. Их можно часто встретить на страницах классических китайских литературных произведений. В качестве примера древнейших идиом можно привести выражение «*天时不如地利, 地利不如人和*», что в переводе означает «*Блага земные (богатство) важнее времени, но гармония среди людей важнее богатства*». В трактате «Мэн-цзы» («孟子») можно встретить фразу: «*百闻不如一见*» («*Чем сто раз услышать, лучше один раз увидеть*»). Вышеприведенные и подобные им изречения древних авторов со временем приобрели большую популярность среди широких масс и стали восприниматься как пословицы.

В эпоху конфуцианства поговорки и пословицы приобрели особое значение, поскольку стали отражать и транслировать в народные массы моральные принципы и учения этого времени. Помимо конфуцианства, такие религии как даосизм и буддизм также внесли свой вклад в формирование пословиц и поговорок. Божества и мифологические персонажи этих учений также часто упоминаются.

Конфуцианство отразилось в пословицах через понятия верности долгу, гуманности и искренности. Влияние даосизма проявилось в том, что в пословицах и поговорках встречаются образы локальных божеств.

Китайские исследователи дают следующие определения пословицам и поговоркам.

В «Словаре современного китайского языка» указано, что поговорка представляет собой фиксированную фразу, передающуюся среди людей и выражающую глубокую истину простыми и понятными словами [13, с. 319]. В энциклопедическом словаре «Цыхай» («辞海») содержится схожая дефиниция: «Поговорка – это результат устного творчества народа, в то время как пословица – это литературное произведение, которое передается из поколения в поколение и постоянно модифицируется и адаптируется» [14, с. 9].

Основным источником китайских пословиц и поговорок является двухтомный «Сборник китайских народных изречений, пословиц и поговорок» (中国俗语谚语库. 张印栋 编, 中州古籍出版社, 1999). Его общий объем составляет 41404 фольклорные единицы. Уже исходя из названия понятно, что в китайском языке термином ‘суюй’ 俗语 обозначаются народные изречения, а термином ‘яньюй’ 言语 обозначаются в равной степени и пословицы, и поговорки. Между ними нет четкого терминологического различия.

Более того, если расширить терминологический экскурс, то необходимо подчеркнуть, в Китае даже термин ‘фразеологизм’ имеет два варианта перевода.

Первое значение – это ‘шуюй’ 熟语 (shúyǔ) – «лексически фиксированные (готовые) фразы или выражения». Организация таких фраз не может быть произвольно изменена, и их

семантика должна восприниматься в целом. Это включает в себя не только пословицы, но и афоризмы, идиомы и недомолвки [14, с. 144].

Второе значение термина «фразеологизм» представлено понятием ‘чэньюй’ 成语 (chéngyǔ), которое можно рассматривать как более специфический подвид ‘шуйюй’ 熟语. Фразы этого типа отличаются лаконичностью и обладают глубоким смыслом; они используются как фиксированные выражения на протяжении длительного времени. Обычно каждый чэньюй 成语 (chéngyǔ) состоит из четырех иероглифов, которые происходят из древних стихов, мифов, легенд и исторических событий. Некоторые из этих выражений можно понять буквально, тогда как для понимания других необходимо обязательно знать их исторический контекст или источник. Более того, очень многие чэньюй 成语 написаны древним китайским языком ‘вэньянь’ 文言, поэтому содержат неиспользуемые в современном китайском языке грамматику и лексику. В основном чэньюй просто заучиваются наизусть, начиная со старшей группы детского сада.

Следует отметить, что когда речь заходит об исследовании китайских пословиц и поговорок на русском языке, то авторы в первую очередь имеют в виду именно чэньюй 成语 [См., например: 4, с. 13]. Возможно, потому что чэньюй 成语 – самый распространенный и самый исследованный самими китайскими лингвистами вид фразеологизмов. Одна из самых ранних работ по китайской лингвистике была посвящена именно исследованию чэньюй 成语 [16]. Книги по систематизации чэньюй 成语 относятся к 1980-м годам. Например, в 1984 году была опубликована работа Хао Ваньцюань 郝万全 «Этимология чэньюй» («成语故事注释»), а в 1989 году вышел в свет словарь «Происхождение и толкование китайских идиом» («汉语成语考释词典») [6, С. 24].

Некорректно утверждать, что все китайские пословицы и поговорки охвачены таким языковым явлением как чэньюй 成语.

Одним из самых авторитетных китайских лингвистов является Ма Гофань. Именно на его классификацию опирается большинство китайских ученых. Она построена на основе происхождения и стилистических особенностей фразеологизмов [2, с. 17]:

1) чэньюй 成语 (идиомы): 使蚊负山 «заставить комара нести гору» в смысле поручить невыполнимое задание;

2) яньюй 谚语 (пословицы): 机不可失, 时不再来 – не упускай случай, время не вернется вспять;

3) сехоуяй 歇后语 (условные выражения, недоговорки): 周瑜打黄盖 – «Чжоу Юй сражается с Хуан Гаем» в значении «по обоюдному согласию»;

4) суйюй 俗语 (поговорки): 冰冻三尺, 非一日之寒 – «лед толщиной в три фута не в один день замерзает» в значении «дело быстро не делается», русский эквивалент – «Москва не сразу строилась»;

5) гуаньюньюй 惯用语 (фразеологические сочетания): 开后门 – «открывать заднюю дверь» в значении «пользоваться блатом», «искать лазейку».

Данная классификация так же не является аксиоматичной. Например, в эпоху Цин ‘яньюй’ 谚语 именовали ‘суйюй’ 俗语 [6, с. 23]. Китайский лингвист Ван Дзчунь объединяет в один вид фразеологические сочетания гуаньюньюй 惯用语 и поговорки суйюй 俗语 [1, с. 35].

Таким образом, среди китайских лингвистов также нет единства относительно терминологии и границ содержания терминов. Классификация фразеологизмов в китайской и русской теориях тоже различается: в русской системе они группируются по значению и общему смыслу выражений, тогда как в китайской – по происхождению и стилистической принадлежности. Тем не менее, можно выделить и общие черты.

В зависимости от характера соотношения общего смысла поговорки с ее составными частями можно выделить образные поговорки, основанные на метафорическом переосмыслении; иронические поговорки, смысл которых противоположен их составному значению; поговорки, смысл которых выводится косвенно из их компонентного значения; устойчиво усеченные поговорки; а также присказки, содержание которых исчерпывается первой частью. В целом, эту классификацию можно применить и к китайским шуюй.

Также в зависимости от объема подразумеваемого иносказания пословицы и поговорки можно классифицировать на три группы.

В первую группу входят пословицы и поговорки, которые не обладают иносказательным или переносным значением. Их смысл можно воспринимать буквально. К примеру, «一石二鸟» (*yī shí èr niǎo*), что в переводе означает «одним камнем двух птиц». Поговорка описывает ситуацию, когда одно действие приносит два результата.

Вторая группа включает в себя пословицы и поговорки, которые могут использоваться как в прямом, так и в переносном смысле. Например, поговорка «画蛇添足» (*huà shé tiān zú*) переводится как «Нарисовать змею и добавить ноги». В буквальном смысле это может означать излишнюю детализацию, но в переносном – это указывает на ненужные, излишние действия.

В качестве еще одного примера можно привести поговорку «不怕慢, 就怕站» (*bù pà màn, jù pà zhàn*), что переводится как «Не бойся медленно идти, бойся стоять на месте». Здесь можно воспринимать как прямой совет о том, что лучше продвигаться медленно, чем никак не двигаться.

Третью группу составляют пословицы и поговорки, имеющие исключительно иносказательный или переносный смысл. Такие выражения нельзя трактовать буквально. Например, поговорка «对牛弹琴» (*duì niú tán qín*) переводится как «играть на цитре перед быком». В русском языке есть аналог – метать бисер перед свиньями. В поговорке имеется в виду не непосредственно бык и цитра, но оказывать услугу, которую не ценят.

Национально-культурная специфика китайских пословиц и поговорок проявляется чаще двумя способами. Во-первых, в них могут присутствовать явления и предметы традиционного быта (например, 茶 чай, 筷子 палочки для еды, 稻 рис посевной, 米饭 рис отварной, 葫芦 тыква-горлянка, 扇子 веер). Во-вторых, в пословице или поговорке может быть упомянут географический объект или природа Китая (ландшафт, реки, города, горы, животный и растительный мир – 竹 бамбук, 桃子 персик, 鸳鸯 утки-мандаринки, 老虎 тигр), вымышленные мифологические существа – 龙 (龍) дракон, 凤凰 птица-феникс [12, С. 193]. Таким образом, обучаясь на таких пословицах и поговорках ученики могут расширить словарный запас, ознакомиться с культурой Китая.

В пословицах и поговорках проявляется и образ мышления китайцев, их манера рассуждения и оценивания ситуации. Паремии, как правило, отражают основные

характеристики культуры, мировоззрения, нравственных ценностей, верований народа, равно как и устоявшиеся обычаи и укоренившиеся суеверия.

Для примера можно рассмотреть понимание дружбы в Китае и России.

Сходства: настоящая дружба требует времени, усилий, а иногда и трудностей для формирования. Искренние друзья имеют определенные критерии для оценки своих отношений. Дружба не должна ограничиваться семейными связями или социальными обязательствами, верность играет ключевую роль. В обоих обществах признают важность дружбы и друзей в жизни, а также принято считать, что настоящие друзья должны преодолевать трудности вместе.

Различия в понимании дружбы выражаются в том, что китайцы проявляют сильную заботу о своих друзьях, однако зачастую такое поведение может перерасти в чрезмерное внимание, в обществе не принято давать друг другу пространство. В Китае друзья могут восприниматься как более близкие люди, чем незнакомцы. Как пример, важно помнить о своих бедных друзьях, когда вы достигли успеха. В России же люди изначально могут быть равнодушны к незнакомцам, но очень преданы своим верным друзьям. В вопросах дружбы и финансов россияне обычно считают дружбу более значимой.

Фольклор занимает важное место в области филологии, поскольку представляет собой значимый исторический пласт, который отражает ценности и нормы общества. Устные народные творения являются своеобразными культурными артефактами, которые передают мудрость поколений и служат связующим звеном между прошлым и настоящим.

Фольклорные выражения русских и китайцев обладают уникальными культурными особенностями, отражающими их специфический жизненный опыт. Различия между ними подчеркивают важность учета культурного контекста при анализе и интерпретации пословиц и поговорок.

Общее между китайскими и русскими поговорками заключается в том, что оба вида поговорок, как правило, имеют своей целью передать жизненные уроки и мудрость. В русских поговорках часто встречаются образы природы и животных, тогда как в китайских поговорках более часты абстрактные философские идеи и отсылки к культурным традициям.

В обоих языках, пословицы и поговорки охватывают широкий спектр тем, в частности отметим:

- Человек: дают представление о человеческой природе, добродетелях и недостатках.
- Любовь: исследуют разновидности любви, от романтической до родительской.
- Знание и обучение: поощряют стремление к знаниям, восхваляют мудрость.
- Труд: подчеркивают важность усердной работы, мастерства и упорства.
- Дружба: восхваляют ценность настоящих друзей и советуют, как их найти и сохранить.
- Смелость: восхваляют храбрость, мужество и решительность.
- Родина: выражают любовь к своей земле, ее истории и культуре.
- Семья: подчеркивают важность семейных уз и гармонии в семье.
- Здоровье: советуют, как поддерживать хорошее здоровье и благополучие.

Многие фразеологизмы имеют сходные значения и образные основы, что позволяет проводить параллели между фразеологическими единицами русского и китайского языков. В зависимости от степени совпадения смысловых и образных компонентов, можно выделить несколько категорий фразеологических единиц.

1) Абсолютные эквиваленты – это фразеологизмы, которые имеют полностью совпадающее (идентичное) образное и смысловое значение и переводятся на китайский язык практически дословно:

- *Каким ветром занесло* – 什么风儿把你吹来的 (букв. «каким тебя ветром сюда принесло»);
- *Нести чушь* – 胡说八道 (букв. «болтать ерунду»);
- *Попутного ветра* – 一路顺风 (букв. «попутного ветра в дороге»);
- *Вставлять палки в колеса* – 插一杠子 (букв. «вставлять палки»);
- *Ломать голову* – 伤脑筋 (букв. «портить мозг»);

2) Частичные эквиваленты представляют собой фразеологические выражения, которые обладают незначительными отличиями в образной части, тем не менее сохраняют идентичное смысловое значение:

- *Век живи, век учись* – 活到老, 学到老 (досл. «жить до старости, обучаться до старости»);
- *Тише едешь – дальше будешь* – 宁静致远 (досл. «будучи спокойным, уйдешь далеко»);

3) Фразеологические выражения, имеющие сходные значения, но отличающиеся образами и переводами на китайский язык:

- *Быть козлом отпущения* – 背黑锅 (досл. «нести за спиной закопченный котел»);
- *Профессор кислых щей* – 半瓶子醋 (в дословном переводе «полбутылочный уксус»);
- *Чужой хлеб есть* – 吃干饭 (досл. «есть приготовленный рис»).

Наличие похожих фразеологизмов в разных языках указывает на общие закономерности мышления у людей. Работа с такими фразеологическими эквивалентами значительно облегчит их перевод и восприятие обучающимися.

Таким образом, русские и китайские пословицы поговорки имеют много общего: они черпают вдохновение из литературы, религии своего народа, исторических событий, высказываний известных лиц, наблюдения за поведением людей. Существует множество пословиц и поговорок с похожими образами и семантикой в обоих языках, но есть и обладающие яркой национальной спецификой. Представляется целесообразным на начальном уровне обучать китайскому языку на примере именно эквивалентных пословиц и поговорок. В таком случае учащиеся легко поймут менталитет и культуру другого народа, познакомятся с новой лексикой, закрепят грамматику. Отличающиеся от родного языка обучаемых паремии имеет смысл вводить на более высоких курсах, чтобы уровень владения языком позволил точно уяснить грамматическую конструкцию и использованную лексику, что станет ключом для знакомства с культурой и менталитетом носителей иностранного языка.

Что касается видов китайских фразеологических единиц, то среди них сложно выделить именно те, которые точно соответствуют русскому пониманию пословицы и поговорки. В дидактических целях нецелесообразно использования идиом чэньюй для изучения лексики и грамматики в виду того, что они часто опираются на нормы старого китайского языка. Применение недоговорок сехоуэй 歇后语 и особенно фразеологических сочетаний гуаньюньюй 惯用语 могло бы значительно разнообразить занятия, введя элемент отгадывания загадки. Однако их разгадывание требует уже наличия определенного объема знаний у учащихся и чувства языка, поэтому их использования возможно лишь в очень ограниченном объеме на второй-третий год изучения китайского языка. Наиболее близки по структуре

фразы, смыслу, образности, а зачастую имеют полные русские эквиваленты китайские пословицы 谚语 и поговорки 俗语. Совпадение перевода терминов здесь достаточно условное. Наш анализ опирается на форму и содержание данных изречений. Более того, при отборе материала в дидактических целях представляется необходимым отталкиваться не от их принадлежности к определенной группе китайских фразеологических единиц, а в первую очередь, от наличия практически полного эквивалента фразы в русском языке, в том числе по форме и лексике. Во-вторых, необходимо руководствоваться целями занятия и отбирать материал, иллюстрирующий необходимую педагогу грамматику и лексику китайского языка.

Список литературы:

1. Афанасьева М. П. К вопросу о становлении фразеологии в китайском языкознании и возможных методах описания фразеологизмов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48). Ч. II. С. 33–36.
2. Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. 509 с.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник. Москва, 1957. 991 с.
4. Ду Н. В. Китайские пословицы и поговорки как отражение картины мира Китая // Китай: история и современность: материалы науч.-практ. конф. Екатеринбург: Издательство Урал. ун-та, 2011. С. 13–15.
5. Кыркунова Л. Г. Педагогический потенциал русских пословиц в работе с иностранными студентами // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 14. С. 50–57.
6. Ли Ч. Сопоставительный анализ фразеологизмов, выражающих характер человека, в русском и китайском языках: Дисс...канд. филол. наук: 10.02.20. Москва, 2018. 258 с.
7. Новикова Е. А. Гендер сказочных персонажей // Автор – текст – читатель: теория и практика анализа. Материалы Седьмых Международных научных чтений. Калуга, 2020. С. 546–554.
8. Палей О. И. Работа с пословицами и поговорками на уроках английского языка в IX классе // Иностранные языки в школе. 2000. № 1. С. 40–42.
9. Пермяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Москва, 2001. 991 с.
10. Потапова Н. А. Анализ понятий «пословица» и «поговорка» в современной лингвистике // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 6. С. 358–361.
11. Решетнёва У. Н. Этнопоэтика китайских пословиц и поговорок: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 24 с.
12. Чжан М., Саяхова Д. К. Этнокультурное своеобразие пословиц и поговорок в китайском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12 (78). Ч. 3. С. 192–194.

На китайском языке:

13. 现代汉语词典[Словарь современного китайского языка]. 2012.
14. 辞海 [Цыхай: Энциклопедический словарь] / гл. ред. 夏征农. – 上海: 上海辞书出版社, 2002. 2254 с.
15. 马国凡. “成语”[Чэньюй]. 1958. 298 с.

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 81'373

М. Х. Махова
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ РУССКОГО ЯЗЫКА
С КОМПОНЕНТОМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ

Фразеологические единицы, содержащие в своем составе цветообозначения, играют важную роль в языке, так как они отражают культурные и ментальные аспекты общества. Цвет в языке связан с эмоциональной и символической оценкой, и его использование во фразеологии часто несет глубокий смысл, выражая мироощущение народа. Изучение таких фразеологизмов позволяет лучше понять национальные культурные особенности и традиции, а также расширить словарный запас и улучшить навыки общения. В данной статье представлен подробный анализ фразеологизмов с компонентами цветообозначения и обозначены этимологические сведения анализируемых фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологизм; фразеологические единицы; устойчивое сочетание слов; цветообозначение; семантика.

M. Kh. Makhova
PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE RUSSIAN LANGUAGE
WITH A COLOR DESIGNATION COMPONENT

Phraseological units containing color meanings play an important role in language, as they reflect the cultural and mental aspects of society. Color in language is associated with emotional and symbolic evaluation, and its use in phraseology often carries a deep meaning, expressing the worldview of the people. Studying such phraseological units allows you to better understand national cultural characteristics and traditions, as well as expand vocabulary and improve communication skills. This article presents a detailed analysis of phraseological units with color components and identifies the etymological information of the analyzed phraseological units.

Keywords: phraseology; phraseological units; stable combination of words; color designation; semantics.

Объектом исследования являются фразеологические единицы с компонентом цвета в русском языке.

Предметом исследования – семантические и этимологические особенности фразеологизмов русского языка с элементами цветообозначения.

Цель работы состоит в выявлении специфики фразеологизмов русского языка с компонентом цветообозначения.

В соответствии с поставленной целью были сформулированы следующие **задачи**:

- 1) проанализировать различные подходы ученых к пониманию фразеологизма, фразеологической единицы и цветообозначения;
- 2) выявить набор цветообозначений, которые входят в состав фразеологизмов русского языка;
- 3) провести семантический и этимологический анализ фразеологических единиц, содержащих компоненты цвета;
- 4) классифицировать фразеологизмы, в состав которых входят цветообозначения.

В работе нашли применение следующие методы исследования: анализ словарных дефиниций, метод семантического и сопоставительного анализа.

Фразеологические единицы стали объектом исследования для многочисленных ученых в области лингвистики. В числе наиболее известных исследователей следует выделить: В. Е. Чернявскую, Н. В. Шведову, А. К. Бириха, В. В. Виноградова, Ю. Н. Караулова, А. В. Кунина, В. М. Мокиенко, В. Н. Телия, Н. М. Шанского.

Фразеологизм по определению В. Н. Телия – это «общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [8, с. 43].

И. И. Чернышева считает, что фразеологизмы – «устойчивые воспроизводимые раздельнооформленные сочетания слов различных структурных типов с единичной сочетаемостью компонентов, значение которых возникает в результате семантического преобразования компонентного состава» [9, с. 199]

По мнению А. В. Кунина, «фразеологическая единица – это устойчивое сочетание слов, имеющее полностью или частично переосмысленное значение» [4, с.161].

Опираясь на вышеизложенные определения, можно сделать следующие заключения: фразеологизм представляет собой фиксированное выражение, состоящее из нескольких слов, которые в данном сочетании используются как единое целое. Это означает, что порядок слов и их комбинация не подлежат изменению без потери смысла. Значение фразеологической единицы может отличаться от буквального значения слов, входящих в ее состав. Это означает, что фразеологизмы часто имеют метафорический или идиоматический смысл, который не может быть выведен из значений отдельных слов. Например, выражение «бить баклуши» не означает буквально «бить обрубков древесины», а используется для обозначения безделья или праздности. Переосмысленное значение может быть как полным, так и частичным. В случае полного переосмысленного значения фразеологизм имеет значение, которое совершенно не связано с его составными частями. В случае частичного переосмысленного значения можно увидеть связь между значением фразеологизма и значениями отдельных слов, но она не является прямой. Таким образом, фразеологическая единица – это важный элемент языка, который обогащает его выразительность и позволяет передавать сложные идеи и эмоции через устойчивые выражения.

В русском языке существует множество фразеологических единиц, в состав которых входят слова, обозначающие цвета. Эти выражения отражают культурные и исторические особенности народа, а также его восприятие окружающего мира.

Цветобозначения – это слова, служащие для обозначения цветов. Каждый цвет может нести определенные культурные и эмоциональные коннотации. Например, красный ассоциируется с любовью и страстью, черный – с печалью и смертью.

Фразеологизмы с компонентами цветобозначения – это устойчивые сочетания слов, в которых цвет выступает как символический элемент, придающий выражению определенное значение. Например, «белый флаг» может означать капитуляцию, а «чёрный список» – перечень нежелательных лиц или объектов.

Цветобозначения во фразеологизмах могут выполнять различные функции. Они могут служить для создания образности, выразительности, передачи эмоций и оценки явлений. Например, фразеологизм «чёрная душа» используется для описания человека с плохими

качествами, а «белая ворона» – для обозначения человека, который выделяется из толпы. Также цветовые компоненты могут указывать на происхождение фразеологизма. Например, выражение «красная девица» связано с традицией на Руси, когда девушки носили красные сарафаны, что символизировало их молодость и красоту.

В данной работе для анализа фразеологических единиц с элементами цветообозначения мы использовали фразеологизмы, в состав которых входят следующие цвета: *красный, белый, черный, зеленый, синий, голубой, розовый, желтый и коричневый*.

Красный цвет один из самых распространенных в составе фразеологических единиц:

1. **Красная девица.** Данный фразеологизм употребляется в двух значениях: 1) так говорят в шутливо-иронической форме *о застенчивом, робком, нерешительном молодом человеке*; 2) в народной речи – *красавица*, «устойчивое обозначение молодой красавицы из простонародья, часто употребляемое в фольклоре» [1, с. 146–147]. Эпитет «красный» здесь не обозначает цвет, а сохраняет древнее славянское значение «красивый».

2. **Как на быка красная тряпка.** Выражение используется в ситуации, *когда кто-то или что-то вызывает агрессию, раздражение и недовольство кого-либо*. «Оборот – калька с английского “like a red rag to the bull”. Во время корриды тореадор дразнит быка куском красного полотнища» [1, с. 63–64].

3. **Красная шляпа** – *это устаревшее выражение, которое использовалось, когда речь шла о солдате*: «в старину каждый сдатчик, ставивший за себя рекрута, обязан был снабдить его красной шапкой, бердышом» [5, с. 344]

4. Фразеологизм «**пустить красного петуха**» имеет интересное происхождение и значение, связанное с народными традициями и символикой. Обычно выражение используется в значении «разжечь огонь» или «начать пожар». В переносном смысле он может означать «вызвать беспорядок» или «создать проблемы». Часто этот фразеологизм употребляется в контексте, когда речь идет о том, что кто-то невольно или неосмотрительно создает ситуацию, которая может привести к негативным последствиям. В крестьянской культуре петухи часто использовались в ритуалах, связанных с огнем и урожаем. Пускание «красного петуха» могло быть связано с попытками обеспечить хороший урожай или защитить дом от бедствий.

6. **Красный как рак** – фразеологизм, употребляющийся для обозначения *человека, к лицу которого прилила кровь от волнения, смущения или стеснения*, в результате чего он покраснел. Рак краснеет из-за уникального состава панциря, содержащего каротиноиды. Однако в период возникновения фразеологизма люди не знали о существовании таких природных органических пигментов, дающих яркий окрас покровам, из-за чего способность менять цвет действовала на них магически.

7. **Красный как помидор** – фразеологизм, используется при описании человека, *покрасневшего от стыда, гнева, смущения или возмущения*. Фразеологизм появился в результате сравнения цветовой палитры помидора и визуальной человеческой физиологической реакции организма на эмоциональный всплеск.

8. Фразеологизм «**красное слово**» в простонародье использовалось для характеристики *красивой и остроумной речи*. Оборот мог возникнуть по семантике слова «красный» – «красивый», а также в результате сокращения русской пословицы «ради красного словца не пожалее и родного отца».

9. **Красная цена** – в современном мире означает *самую низкую, выгодную цену*. Но изначально выражение означало максимальную цену, «красная цена» использовалась в

экономическом пространстве для обозначения оптимальной стоимости, ниже которой товар не мог быть продан.

Фразеологизмы с употреблением *белого* цвета:

1. **Ясно как белый день** – *совершенно ясно*. «В выражении отражено не только временное, но и мифологическое противостояние светлых и темных частей суток» [1, с. 154].

2. Фразеологизм «**до бела света**» используется для обозначения времени, когда наступает рассвет или утро. В переносном смысле он может означать «очень рано», «с самого утра» или «до наступления дня». Часто это выражение употребляется в контексте, когда речь идет о том, что кто-то начинает какое-то дело или активность с раннего утра или продолжает работать до рассвета. Происхождение фразеологизма «до бела света» связано с описанием природных явлений, а именно – с переходом от ночи к дню. «Белый свет» в данном контексте символизирует светлое время суток, когда солнце поднимается над горизонтом и освещает окружающий мир.

3. **Белая кость**. *О человеке благородного происхождения – барского или дворянского*. В исходной семантике фразеологизма слово *белый* имело положительное значение, основанное одобрительной оценкой данного цвета в русском языке. Позже цветовое значение и положительное определение изменились, фразеологизм стал употребляться в ироническом контексте.

4. Фразеологизм «**белая ворона**» используется для обозначения человека, который выделяется из окружающей среды, отличается от других, является необычным или не вписывается в общепринятые нормы и стандарты. Это выражение часто применяется к людям, которые имеют нестандартные взгляды, поведение или интересы, и может носить как положительный, так и отрицательный оттенок в зависимости от контекста. Скорее всего происхождение фразеологизма связано с наблюдениями за природой. Вороны, как правило, имеют черный цвет, и появление белой вороны является редким и необычным явлением. Белая ворона воспринимается как нечто экстраординарное, что и стало основой для метафорического использования этого выражения.

5. **Дела как сажа бела** – *говорят о плохо идущих делах*. «Семантическая целостность фразеологизма основана не только на оксюморне (белая сажа), но и на рифмовке (дела – бела). Бела – краткая форма от прилагательного белая, употреблена в качестве определения к существительному сажа» [1, с. 147].

Черный цвет как компонент фразеологических единиц:

1. **Черный глаз** – фразеологизм, описывающий людей способных *наводить взглядом порчу*. Оборот символизирует магическую силу взгляда и связан с народными поверьями о «порче глазом».

2. **Беречь на черный день**. *Откладывать что-либо на трудный, тяжелый период*. *Черный* издревле символизирует беду и несчастье.

3. **Видеть все в черном свете** – *замечать плохие стороны чего-либо* (калькой с французского «avoir des idées noires»). Есть мнение, что «оборот возник в противоположность сочетанию *видеть всё в розовом свете*» [10, с. 56].

4. **Черный как смоль** – *чаще всего так говорят о волосах, имея ввиду их очень черный цвет*. «Слово *смоль* в этом устойчивом сравнении употребляется в значении "березовый деготь"» [7, с. 59].

5. Фразеологизм «**выдавать черное за белое**» («**из черного делать белым**») означает представлять что-то плохое, неправильное или недостойное в лучшем свете. Это выражение

используется для описания ситуации, когда кто-то пытается обмануть или ввести в заблуждение. Происхождение фразеологизма "выдавать черное за белое" связано с контрастом между черным и белым цветами, которые символизируют противоположные качества. Черный цвет часто ассоциируется с негативом, злом, ложью или чем-то плохим, тогда как белый цвет символизирует чистоту, правду, доброту и положительные качества.

6. **Черная дыра** – это относительно новый фразеологизм, который изначально использовался в публицистике. *Выражение описывает некое пространство, в котором что-либо или кто-либо исчезает бесследно и безвозвратно.* Фразеологизм является калькой с английского «black hole» – космическая область с наисильнейшей гравитацией, которая засасывает все вокруг, включая все другие космические объекты.

7. **Черная кошка пробежала.** Фразеологизм используется, *когда между людьми испортились отношения, произошла ссора.* Выражение восходит к древнему общеславянскому суеверию, суть которого заключается в умении колдунов, ведьм, чародеев перевоплощаться в кошку черного цвета. Также это устойчивое сочетание употребляется, когда у кого-либо *началась полоса неудач, несчастий;* другими словами, **черная полоса** – *череда неудач.*

8. **Черная страница** – выражение считается книжным, *описывающее неудачное время.* «В основе выражения намек на неприятное, грустное, тяжелое время, как бы описанное на страницах книг» [6, т. 2, с. 500].

9. **Черное золото** – *нефть.* Основанием для возникновения фразеологизма послужило цветное и ценностное значение нефти. Это природная горючая жидкость имеет черный (темный) цвет.

В русском языке в небольшом количестве существуют фразеологизмы с колоративами зеленый, синий, голубой, розовый и желтый.

1. **Зеленое вино** – *речь идет о спиртосодержащих напитках – алкоголе.* Этот оборот является поэтическим, винограду вино дали название по цвету продукта, из которого оно делалось. Однако, из-за пагубного влияния алкоголя фразеологизм со временем стал нести отрицательную характеристику, люди придумали новое название – **зеленым змий**.

2. **Зеленый шум** – *народно-поэтическое выражение, сообщающее о наступлении весны.* Оборот в русском литературном языке сыскал популярность благодаря стихотворению «Зеленый Шум» Н. А. Некрасова.

3. **Зеленая улица** – *вид наказания, основанный на прогоне наказуемого сквозь строй солдат со шпицрутенами.* «В основе развития переносного значения – метафорическое сравнение строя солдат с улицей (по принципу прохождения вдоль); компонент зеленая мотивирован цветом солдатских мундиров» [3, с. 229].

4. **Синий чулок.** В современном языке фразеологизм может использоваться как *ироничное или уничижительное обозначение для женщин, которые слишком увлечены учебной или интеллектуальной деятельностью, пренебрегая при этом традиционными женскими интересами, такими как мода или романтические отношения.* В XIX веке «синие чулки» использовались для обозначения женщин, стремящихся к образованию и интеллектуальному развитию, часто в ущерб традиционным женским ролям. Это выражение возникло в Англии и первоначально относилось к участницам литературных и культурных салонов, которые носили синие чулки как символ своего статуса. В этом контексте данный оборот стал синонимом образованной, но, возможно, не очень привлекательной женщины.

5. **Синяя борода.** В современном языке может использоваться как метафора для *обозначения мужчин, которые представляют опасность или имеют темное прошлое, а*

также для обсуждения тем насилия в отношениях. «Синяя Борода» – это персонаж из французского фольклора, ставший известным благодаря одноименной сказке, написанной Шарлем Перро в XVII веке. В сказке рассказывается о богатом и таинственном человеке с синей бородой, который женится на молодой женщине. Однако у него есть мрачная тайна: он убил своих предыдущих жен и спрятал их тела в закрытой комнате.

6. **Синяя птица** – символ счастья и мечты. Наиболее известное использование этого фразеологизма связано с пьесой бельгийского драматурга Мориса Метерлинка «Синяя птица». Благодаря данному фразеологизму, был создан другой: **гоняться за синей птицей** – искать счастья.

7. **Голубая кровь** – используется для обозначения аристократии, знатного происхождения или принадлежности к высшему обществу. Этот термин подразумевает, что человек происходит из благородной семьи, имеет привилегированный статус и, как правило, обладает определенными правами и привилегиями.

8. **Розовые мечты** – говорят о идеалистических, нереалистичных или слишком оптимистичных представлениях о будущем или о жизни в целом. Он подразумевает, что человек видит мир через призму романтических иллюзий, не учитывая реальных обстоятельств и возможных трудностей.

9. Фразеологизм «**смотреть сквозь розовые очки**» означает воспринимать реальность слишком оптимистично или наивно, игнорируя негативные аспекты или проблемы. Это выражение используется для описания людей, которые видят мир в слишком благоприятном свете, не замечая или не желая замечать его недостатков и трудностей. Часто такой подход может привести к заблуждениям или неадекватной оценке ситуации. «Розовый цвет ассоциировался с добрым здоровьем и благополучием, с благодушием и совершенством. Символическое значение слова розовый вошло в литературу в XX в.» [2, с. 93–94].

10. **Желтый билет** – выражение может обозначать как исторический документ, так и символ особого статуса или ограничения в современном контексте. Изначально билет желтого цвета служил альтернативой паспортному документу, который в Российской империи давал право легально заниматься проституцией.

11. **Желтый дьявол** – выражение имеет презрительную тональность, обозначая наживу, алчность. Фразеологизм появился по названию очерка М. Горького «Город Желтого Дьявола».

Итак, при анализе фразеологических единиц с цветообозначениями мы пришли к выводу, что данные фразеологические единицы можно классифицировать по нескольким признакам.

1. По семантике:

- 1) фразеологизмы, обозначающие внешность человека (например, «красная девица» означает красивую, юную девушку);
- 2) фразеологизмы, характеризующие характер или эмоциональное состояние человека (например, «красный как помидор» – описание покрасневшего от злости или смущения лица человека; «серая мышь» – используется для описания тихого, незаметного человека);
- 3) фразеологизмы, описывающие умения и способности человека или отсутствие у него талантов (например, «черный глаз» – глаза человека, способные навести порчу, сглаз; «белые ручки» – об изнеженном, не привыкшем к труду человеке);
- 4) фразеологизмы, описывающие ситуации или явления (например, «чёрная полоса» – период неудач, несчастий в жизни; «серые будни» – скучные, однообразные дни).

2. По структуре:

- 1) простые фразеологизмы, состоящие из двух слов (например, «белая ворона», «серый кардинал»);
- 2) сложные фразеологизмы, состоящие из нескольких слов или словосочетаний (например, «выдавать черное за белое», «шито белыми нитками»).

3. По функциональному назначению

- 1) оценочные фразеологизмы (например, «желторотый птенец» – очень молодой, неопытный, наивный человек).
- 2) описательные фразеологизмы (например, «красный как рак» – о человеке, который сильно смущен или стыдится).
- 3) предупреждающие фразеологизмы (например, «красный флаг» – предупреждение о чем-то опасном).

В результате исследования мы пришли к выводу о том, что русские фразеологизмы с цветообозначениями представляют собой интересный и богатый пласт языка, который отражает культурные, исторические и эмоциональные аспекты восприятия цвета в русской культуре. Символика цвета в русских фразеологизмах выглядит следующим образом:

1. Красный цвет символизирует красоту, любовь, огонь, энергию. Однако в некоторых фразеологических единицах он может также обозначать опасность, злость и гнев.
2. Белый цвет имеет одобрительную оценку в русской национальной культуре, его древняя общеславянская семантика «свет, невинность, чистота».
3. Черный является антонимом белого цвета, обычно он связан с негативными коннотациями, такими как смерть, горе или зло,
4. Синий цвет может символизировать как печаль и грусть, так и спокойствие.
5. Зеленый прежде всего ассоциируется с природой, молодостью и жизнью.
6. Розовый цвет в русской фразеологии может ассоциироваться с наивностью и доверчивостью.
7. Желтый – цвет солнца, но в русской фразеологии нередко несёт ярко выраженную негативную оценку.

Таким образом, фразеологические единицы с компонентом цветообозначения представляют собой важный аспект русского языка, демонстрируя его богатство и многогранность. Они отражают культурные представления и эмоциональные восприятия, что делает их незаменимыми в коммуникации. Изучение таких единиц не только углубляет знание языка, но и позволяет лучше понять саму культуру.

Список литературы:

1. Бирих А. К. Словарь русской фразеологии [Текст]: Ист.-этимол. справ. / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; С.-Петербург. гос. ун-т. Санкт-Петербург: Фолио-пресс, 1998. 700 с.
2. Гвоздарев Ю. А. Пусть связь речений далека... Ростовн/Д., 1982. 208 с.
3. Иллюстров И. И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. СПб., 1915. 480 с.
4. Кунин А. В. Курс современного английского языка. М.: Высшая школа, 1996. 381 с.
5. Максимов С. В. Крылатые слова [Текст] / По толкованию С. Максимова; [Послесл. и примеч. Н. С. Ашукина]. Москва: Гослитиздат, 1955. 448 с.

6. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. Т. 2. СПб., 1903. 832 с.
7. Судоплатова М. Н. Устойчивые компаративные сочетания и компаративная фразеология // Современная русская лексикография. 1977. М., 1979. С. 48–61.
8. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
9. Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка [Текст] / И. И. Чернышева. Москва: Высш. шк., 1970. 199 с.
10. Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Краткий этимологический словарь русской фразеологии // РЯШ. 1979. № 2. С. 52–59.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Нальчик, РФ

УДК 811.1/.2

Е. Г. Пермякова**ФЕНОМЕН ЭКВИФИНАЛЬНОСТИ В ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ**

Предметом в данной статье является феномен эквифинальности, наблюдаемый в употреблении глаголов получения и отчуждения. Эквифинальностью глаголов называют динамическое свойство семантической системы глаголов в разных языках достигать одного и того же значения разными путями при контекстуальном употреблении. В статье рассматриваются примеры реализации свойств эквифинальности в системах разных языков. На основе исследования происхождения свойств эквифинальности выявляется общность и различия в разных языках. Свойство эквифинальности также является следствием семантических сдвигов, раскрывающихся в контекстуальном окружении.

Ключевые слова: эквифинальность; глагол; контекст; семантический сдвиг; вторичная номинация.

E. G. Permyakova**THE PHENOMENON OF EQUIFINALITY IN VERBAL SEMANTICS**

The subject of this article is the phenomenon of equifinality observed in the use of verbs of getting and taking. Equifinality of verbs is the dynamic property of the semantic system of verbs in different languages to achieve the same meaning in different ways when used contextually. The article contains examples of the implementation of equifinality properties in systems of different languages. Based on the study of the origin of equifinality properties similar and distinct features are revealed in different languages. The property of equifinality is also a consequence of semantic shifts that are revealed in the contextual environment.

Keywords: equifinality; verb; context; semantic shift; secondary nomination.

В общем смысле, 'эквифинальность' в языкознании означает, что конечная цель достигается схожими или разными способами. Применительно к лексическому уровню, в частности, к глагольной семантике, этот термин подразумевает, что в значении разных глаголов может выражаться значение приобщения, даже если они изначально имеют разное происхождение, структуру или употребление. Необходимо уточнить, что искомое значение приобщения может быть достигнуто в глагольной лексике при определенных обстоятельствах, при особом эмоциональном состоянии говорящего и в конкретном контекстуальном окружении.

Предвестником эквифинальности считают учение писателя-фантаста Александра Богданова, который изначально настаивал на том, что устойчивость любой динамической системы можно достичь, приводя ее противоположности в баланс. Как результат любое усиление противоречий в системе повлечет за собой или упадок системы, деградацию, или ее обновление, преобразование. Позже в 50-х годах 20 столетия Людвиг фон Бергаланфи дополнил данную теорию терминами открытой и закрытой систем. При этом в закрытой системе компоненты функционируют независимо от внешней среды, например, применительно к исследованию языка. Это может быть изучение с применением методов дефиниционного и компонентного анализа, по словарным статьям, изолированно от контекста. По итогу такой анализ не демонстрирует развитие семантических значений глаголов, а лишь

доказывает устоявшиеся значения. Открытые системы, напротив, находятся в постоянном взаимодействии с окружающей средой, которая в свою очередь, оказывает влияние на функционирование системы в устной и письменной речи. В этом случае наиболее актуален на современном этапе является функционально-семиологический подход, предложенный Н. Н. Болдыревым, как совокупность приемов, в результате применения которого выявляются новые, нетипичные употребления глаголов и как следствие проявление новых значений [1].

Эквифинальность в применении к исследованию значений глаголов приобщения один из наименее исследованных феноменов. Сам термин означает, что современные глаголы, реализуя свое начальное словарное значение, могут получить новое конечное значение, при условии семантического отклонения в процессе вторичной номинации. Другими словами, разные пути могут привести к одной и той же цели. В данном случае может иметь место 'семантическое принуждение' или 'коэрсия', термин, который впервые был введен в современных работах по когнитивной лингвистике в работе Марка Моенса и Марка Стидмана по компьютерной лингвистике при изучении искусственного интеллекта [13, p. 990–991]. Коэрсия представляется важным когнитивным механизмом приспособления лексических единиц и к намерениям говорящих, и к требованиям ситуации. Этот механизм может определять общую способность слова производить новые значения посредством рутинных лексических и грамматических правил, а также предлагать возможность различных интерпретаций толкования или объяснять возникшее непонимание.

Концептуальная система человека очень чувствительна к любым изменениям под влиянием факторов окружающей среды. Выражение мысли на языковом уровне изучается как результат последствий изменений устоявшихся значений и появление новых, спонтанных или обдуманных. Социальное развитие в стране характеризуется существенной зависимостью от языковых факторов, имеющих стихийный характер и находящихся в постоянном взаимодействии с процессом человеческого познания. Например, непредвиденные ситуации могут спровоцировать случайное или неслучайное употребление того или иного глагола, семантика которого не предназначена для конкретной ситуации. Напротив, событие, произошедшее и повлиявшее на человека в определенное время и в определенном месте может инициировать семантическое развитие и смену значения конкретного глагола. Такая случайная смена в значении слова еще не до конца изучена в настоящее время, и поэтому остается актуальным направлением в когнитивной лингвистике.

Учитывая описанные выше особенности феномена эквифинальности и механизма коэрсии в глагольной семантике, объектом исследования являются глаголы приобщения, в частности глаголы получения или отчуждения. Целью исследования становится изучение случайностей и их влияние на семантический процесс формирования новых нетипичных глагольных значений. Поставленная цель предполагает решение таких задач, как изучение реализации феномена эквифинальности в развитии лексических систем; выявление оценочно-характерологической направленности при вторичной номинации в рамках синтаксических конструкций с глаголами приобщения в контексте.

Исследование в соответствии с избранным объектом, целью и задачами становится возможным комплексной методикой с применением функционально-семиологического подхода.

В ходе начального этапа исследования был проведен компонентный анализ, благодаря которому были внесены уточнения к дефинициям толковых словарей Oxford Learner's Dictionaries, нового словаря русского языка Ефремовой Т. Ф. и Centre National de Ressources

Textuelles et Lexicales. Компонентный анализ лексикографических источников показал семантическую структуру каждого глагола и наметил направление категориальных и дифференциальных сем в глагольных значениях.

Так, концептуальный анализ показал наличие инвариантного признака «привативность» и дифференциальных признаков: «неволитивность», «интенсивность» и «источник». Дополнительно обнаружены признаки «квантитативность» и «фазовость», а для английского и французского глаголов дополнительно признак «тотальность».

Следующий этап исследования проводился на контекстуальном уровне. Проанализировано более 1000 примеров в английском, русском и французском языке на материале национальных корпусов. Контекст принципиально важен для выявления нетипичных употреблений глаголов, изначально не отнесенных к глаголам приобщения.

Метод когнитивного моделирования проводился на заключительном этапе. Ментальные модели являются тем инструментом, который позволяет приблизиться к пониманию когнитивного механизма реализации нового значения глагола и описанию когнитивного сценария глагола и объяснению когнитивных стратегий говорящего.

Рассмотрим первые примеры с глаголами *to milk*, доить и *traire*. В своем прототипическом значении исследуемые глаголы описывают действие, связанное с сельским хозяйством и соотносимое с областью источником, зоонимическим концептом «КОРОВА». Вторичная номинация глаголов образуется на основе механизма зооморфной метафоры и имеет концептуальное содержание, соотносимое с концептом «ПОЛУЧЕНИЕ».

В приведенных предложениях реализуется признаковая составляющая «глупость», которая имеет оценочный характер. В ней реализуется глубинная модель «привативант это глупый человек» как область цели в описании бенефактивно-привативной ситуации. Областью источника служит образная модель «корова это бестолковое животное».

A papa в жизненных делах ничего не понимал, любой слесарь или сантехник мог из него выдоить тройную цену за ремонт бачка, не говоря о мошенниках покрупнее... [4].

The woman used her disease to milk money out of poor people who probably believe all of it [9].

L'automobiliste est sûrement une vache à lait mais qu'il ne donne pas non plus les moyens à l'état de se faire traire [10].

В приведенных примерах описывается человеческая глупость через незнание или неопытность, когда человек сам является причиной своей неудачливости и несчастий из-за собственной несообразительности [3, с. 115].

Следующие примеры употребления глаголов *to squeeze*, выжать, *pressurer* со значением «удаления объекта» описывают процесс конструирования оценочных смыслов и основываются на установлении межконцептуальных связей между разными когнитивными областями, которые выявляются в ходе контекстуального анализа вторичных значений данных глаголов. Исходя из семантики исследуемых глаголов, мы определяем, что доминантной когнитивной областью форматирования знаний о мире является «ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБЪЕКТ».

Перейдем к анализу ассоциативного знания глаголов в следующих примерах.

Худшие из нас, как ты догадываешься, думали только о том, чтобы выжать из людей как можно больше баблоса [4].

*Une telle vivait avec un monsieur très bien, recevait tant par mois, et toutes d'admirer son nouveau médaillon, ses bagues, ses boucles d'oreilles ; toutes de la jalouser et de **pressurer** leurs amants pour en avoir de semblables [10].*

*In 'What's In Your Life For Me?' or 'And I Don't Love You' or 'Into Each Rain Some Life Must Fall' or a score of others, Smokey thinks through the problems of modern love and **squeezes** music out of them that drips like honey from a spoon [7].*

В приведенных выше примерах в качестве ориентира выступает дополнительно область «АРТЕФАКТЫ», как знание о ценностях, инкорпорированное в контексте глаголов. Представление о доступности бенефактино-привативного объекта является основой для взаимодействия когнитивных областей «ЧЕЛОВЕК» и «АРТЕФАКТЫ», в результате чего конструируется новый смысл «человек это источник ценностей». Межконцептуальные связи устанавливаются с опорой на причинно-следственные отношения, которые реализуются с выраженной негативной оценкой, т.к. речь идет о несоответствии морально-этическим нормам или даже о незаконном способе получения денег.

Для последующих примеров, мы выбрали глаголы поглощения пищи при помощи зубов *to bite off*, откусывать и *grignoter*.

Благодаря механизму принуждения обеспечивается контекстуальная интерпретация домена «Экономика». В приведенных примерах образные единицы называют денежное вознаграждение, материальные средства, характеризующие финансовое положение. Объекты и источники финансирования транслируют метафорическую модель «материальные ценности – это еда» [5, с. 105]. Объект материального мира отражает аналогию с высокой пищевой ценностью и вкусом продукта.

В следующих предложениях материальные ценности профилируются через калорийность продукта, а именно, пирога или торта. Ассоциативно эти блюда связаны с сытными калорийными продуктами, которые необходимы для существования, ассоциативно уподобляемые процессам получения прибыли как важным для жизнедеятельности человека в деловом сообществе.

*Apple could **bite off** a hefty chunk of the market [9].*

*Потому, что в такой атмосфере всеобщего нарушения законов легче вымогать взятки, легче самим **откусывать** от государственного пирога [4].*

*The more promising the investment direction, the more there are those who want **to bite off** their hunk from the investment pie [12].*

*Sur la plupart des routes qu'elle exploite, Transavia est en concurrence directe avec d'autres low cost ou avec des compagnies régulières, mais elle réussit à **grignoter** chaque année des parts de marché [10].*

В примерах описывается физиологическое действие через отделение пищи посредством механических действий, совершаемых зубами.

Прототипическое значение исследуемых глаголов связано с процессами, протекающими в живом организме и его частях. В результате конструируется новый смысл «отнять долю прибыли, привлекая покупателей к своему продукту».

Осмысленное целое значение получается благодаря возможности изучить соединения глагола с другими языковыми единицами в контексте. Указательный минимум раскрывает ситуацию конкурентной борьбы на рынке, которая в структуре данных образных представлений актуализирует агрессивную среду живого организма (желудочный сок, кислота и т.п.) как бы воздействие на объект до полного или частичного разрушения [6, с. 111]. Вывод

оценочной имплицатуры, опираясь на данные контекста, несет отрицательную оценку, потому что конкуренция на рынке метафорически проецируется со стремлением участников привести противника к утрате лидирующих позиций на рынке.

По предварительным результатам исследования можно сделать главный вывод, что окказиональные значения глаголов могут появляться спонтанно и также пропадать из употребления. У языковых единиц проявляется особая форма полиморфизма как способность многозначных глаголов менять значения в контексте при разных жизненных ситуациях.

Процесс развития языковой системы представляет собой изменение ее структуры, т.е. преобразование. Описание изменений в глагольной семантике осуществляется посредством заданных начальных значений глагола. При изменении изначального значения, глагол определяет свою новую структуру и контекстуальные связи посредством вторичной интерпретации. В результате в некоторых случаях такое преобразование может внести существенные вариации в значения многозначного глагола. В реальности число потенциально возможных изменений значений глагола может быть велико. На практике ограниченность разнообразия глагольных форм ведет к проявлению нетипичных употреблений глаголов, изначально не относящихся к семантике глаголов получения или отчуждения. Явление изоморфизма между концептуальной системой и конкретным глаголом является «катализатором» свойств эквифинальности, придавая характер спонтанности в употреблении глагола. В результате, можно констатировать, что проявление феномена эквифинальности является следствием преобразования глагольной семантики, обусловленной разнообразием глаголов со значениями ассоциативно связанными с приобщением при определенном стечении обстоятельств. Исследования автора показали, что все открытые системы представляет собой процесс образования новых значений благодаря когнитивным механизмам метафоры, метонимии, коэрсии. В рамках когнитивной лингвистики возможно представление системы как изменяющейся при воздействии внешних условий и развивающейся как следствие возникновения противоречий между глаголом и его значением с его контекстуальным употреблением, что непременно продуцируется в новом значении.

Список литературы:

1. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка: коллективная монография. Москва, 2009. Вып. 4. С. 25–78.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 03.07.2022).
3. Лызлов А. И. Концепт «корова» во фразеологизмах английского языка // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 111–118. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.111.
4. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 03.07.2022).
5. Юрина Е. А., Балдова А. В. Пищевая метафора в процессах концептуализации, категоризации и вербализации представлений о мире. Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 98–115. DOI: 10.17223/19986645/48/7.
6. Юрина Е. А., Живаго Н. А. Метафоризация поглощения пищи в образном строе русского языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3 (35). С. 107–121. DOI 10.17223/19986645/35/9.

7. British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 13.07.2025).
8. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. Источник: <https://www.cnrtl.fr/corpus/> (дата обращения: 13.07.2025).
9. Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 13.07.2025).
10. Leipzig University Corpora Collection. URL: <https://corpora.uni-leipzig.de/> (дата обращения: 13.07.2025).
11. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 13.07.2025).
12. Reverso Context. URL: <https://context.reverso.net/> (дата обращения: 13.07.2025).
13. Ziegeler D. A word of caution on coercion. *Journal of Pragmatics*, 2007, № 39, P. 990–1028.

Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, РФ

УДК 81.25

Д. М. Терентьева
КОЛЛЕКТИВНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ:
ОБЗОРНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Настоящая статья посвящена анализу понятия «языковая личность». Представлен краткий обзор трех подходов к исследованию данного феномена: лингвокультурологический, лингводидактический, лингвопсихологический. Детальное внимание уделяется изучению модельной (коллективной) языковой личности как совокупности наиболее типических признаков определенной группы. Рассмотрены современные монографические подходы к проблеме исследования коллективной языковой личности.

Ключевые слова: языковая личность; коллективная (модельная) языковая личность; лингвокультурологический, лингводидактический, лингвопсихологический подходы.

D. M. Terentyeva
COLLECTIVE LINGUISTIC PERSONALITY: REVIEW AND ANALYTICAL STUDY

The article is devoted to the analysis of the concept of «linguistic personality». A brief review of three approaches to the study of this phenomenon – linguocultural, linguodidactic, linguopsychological – is given. A detailed attention is paid to the study of the model (collective) linguistic personality as a set of the most typical features of a certain group. Modern monographic approaches to the problem of the collective linguistic personality research are considered.

Keywords: linguistic personality; collective (model) linguistic personality; linguocultural, linguodidactic, linguopsychological approaches.

Создаваемые автором речевые произведения воспроизводят особенности его личности: Уровень психоэмоционального развития человека, его отношение к миру получают выражение в производимых им текстах, поэтому ни одно языковое исследование не может быть проведено без пристального внимания к человеку как к объекту исследования. В связи с этим в науке сформировался антропоцентрический подход к исследованию языка, а в новой лингвистической парадигме на первый план выходит понятие языковой личности (далее – ЯЛ), проявляющей себя в речевой деятельности, в совокупности потребляемых и производимых текстов. Многочисленные трактовки данного феномена привели к тому, что в настоящее время сформировалось три подхода к изучению ЯЛ: лингвокультурологический, лингводидактический и лингвопсихологический.

Лингвокультурологический подход рассматривает ЯЛ в аспекте национально-языковой специфики: ЯЛ изучается как этносемантический объект, сформированный на основе мировоззренческих установок, ценностей и поведенческих стереотипов, отраженных в языке. В.И. Карасик, отмечает, что в рамках данного подхода ЯЛ отражает языковое сознание, являя собой «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [4, с. 19].

Лингводидактический подход при описании ЯЛ рассматривает человека как носителя языка с точки зрения его способности к речевой деятельности. Г.И. Богин, основоположник подхода, дал следующее определение ЯЛ: «человек, рассматриваемый с точки зрения его

готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [1, с. 3].

Ю. Н. Караулов определяет ЯЛ как «совокупность способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [5, с. 245]. Исследователь предлагает семиотическую модель ЯЛ, имеющую трехуровневую организацию: вербально-семантический (структурно-семантический) уровень, лингвокогнитивный (тезаурусный) и мотивационный уровни [5, с. 69].

Все последующие исследования ЯЛ основываются на изысканиях В. И. Карасика и Ю. Н. Караулова. Современные ученые развивают и дополняют предложенную ими теорию, предлагая видоизмененные трактовки существующих концепций. Некоторые исследователи выделяют еще один уровень в структуре ЯЛ, который можно условно обозначить как рефлексивно-творческий. Он отражает владение речевыми жанрами и эмоционально-образными богатствами речи. На этом уровне особенности речевого поведения ЯЛ обусловлены такими личностными установками и ценностями коммуникантов, которые определяют их индивидуальность, делают их речевые произведения творчески наполненными и духовно богатыми.

К. Ф. Седов представляет четырехуровневую дискурсивную модель ЯЛ: а) грамматический уровень; б) прагмалингвистический уровень; в) психолингвистический уровень; г) социолингвистический уровень [11, с. 11–14].

В. А. Маслова, в дополнение к трем уровням, предложенным Ю. Н. Карауловым, выделяет содержательный компонент ЯЛ, который состоит из следующих параметров: а) мировоззренческий; б) культурологический компонент; в) личностный компонент [9, с. 119].

Лингвопсихологический подход определяет ЯЛ как «сложную многоуровневую функциональную систему, включающую три уровня: владение языком (языковая компетенция), владение способами осуществлять речевое взаимодействие (коммуникативная компетенция) и знание мира (тезаурус)» [12, с. 109]. В рамках данного подхода понятие ЯЛ было сформулировано в концепции С.А. Сухих (1998). Для каждого уровня дискурса исследователь выделяет языковые черты – «устойчивые и повторяющиеся особенности вербального поведения» [там же].

Современные ученые разрабатывают усредненный тип ЯЛ, который получил название модельной (коллективной) ЯЛ [4, с. 11], выстраиваемый на основе анализа группы носителей языка, объединенных сходными типами вербального поведения, например, старшеклассник, студент, переводчик и т. д.

Под модельной (коллективной) ЯЛ понимается «прототипный образ, границы которого весьма вариативны» [там же]: обобщенно-типичный образ личности, стереотипная проекция носителей определенного языка, личность, обладающая типическими, наиболее релевантными, для своей группы признаками и в то же время индивидуальностью. Это может быть представитель определенного этноса (русская ЯЛ, бурятская ЯЛ), профессии (ЯЛ адвоката, ЯЛ телеведущего, ЯЛ блогера, или виртуальная ЯЛ), социальной группы (ЯЛ школьника, ЯЛ старшеклассника). Коллективная (модельная) ЯЛ – это некий прототип, стереотипный образ лиц, принадлежащих отдельной группе общества, который воплощает в себе основные характеристики и нормы вербального поведения и лингвокультуры данной группы, что делает ее представителей узнаваемыми участниками конкретного сообщества.

Представление коллективной ЯЛ в современной науке носит отчасти фрагментарный характер. Далее представлена попытка обобщения имеющиеся исследования коллективной (модельной) ЯЛ и приведен краткий обзор кандидатских и докторских диссертаций.

В докторской диссертации А. Г. Фомина объектом исследования является гендерная ЯЛ. В работе представлены результаты сопоставительного анализа гендерных особенностей речевого поведения российских и американских студентов и разработана модель гендерной ЯЛ. А. Г. Фомин вводит понятие лингвогендера как совокупности дискурсивных репрезентаций личности и выделяет особый тип дискурса – гендерный [14]. Под гендером понимается когнитивная категория, являющаяся компонентом речевой деятельности и проявляющаяся в иерархической системе вербальных стереотипов. В работе выделяется и сопоставляется три типа гендерной личности: маскулинный, феминный и андрогинный, которые признаются социокультурными понятиями, а не биологическими феноменами.

Материалом для исследования послужили данные, полученные в ходе проведения эксперимента со студентами из США и РФ. В результате эксперимента установлены основные гендерные конвенциональные стереотипы российских и американских студентов с учетом культурной принадлежности, выявлены характеристики языкового ситуативного поведения. Произведено сравнение речевого, ситуативного и ассоциативного поведения каждого респондента с точки зрения биологического пола и гендера; полученные данные прошли статистическую обработку. Разработана концепция гендерной ЯЛ, а модель ЯЛ дополнена еще одним уровнем – лингвогендерным, который находит отражение в речевом поведении личности.

Особое внимание А. Г. Фомин уделяет характеристике категории андрогинности, интегрирующей маскулинные и феминные черты. Данная категория представлена как функциональный феномен, результат приспособления личности к социальной среде и разрушения закрепленных в культуре гендерных стереотипов, который репрезентируется в вербальном поведении. Установлено, что вербальные гендерные стереотипы приобретаются индивидом в процессе социализации, задают стандарты жизни и оценочно-ориентированные ассоциации; гендерная схема организует и направляет восприятие личности и функционирует как упреждающая структура, определяющая характер восприятия; предполагается наличие гендерных когнитивных схем, организующих содержание поступающих стимулов и являющихся стабильным компонентом речевой деятельности [14]. В работе представлены фрагменты модели ЯЛ российского студента, российской студентки, американского студента и американской студентки.

В диссертации Н. В. Варнавских исследуются типологические черты речевого поведения представителей социальной группы адвокатов, говорящих на русском и английском языках. В работе автор использует понятие речевого поведения как автоматизированного и стереотипного речевого проявления. Выявление автором типичных национальных, профессиональных и личностных качеств представителей социальной группы адвокатов на основе анализа их речевого поведения позволяет говорить о коллективной ЯЛ адвокатов.

Объектом исследования является речевое поведение адвокатов, предметом исследования – особенности актуализации нюансов смысла при построении защитительной речи. Автор проводит типологическое исследование английской и русской защитительной речи с позиции прагмалингвистики, выявляет сходства и различия в речевом поведении англо- и русскоговорящих адвокатов, определяемые их национальной принадлежностью и профессиональной спецификой.

В результате установлено:

а) речевое поведение адвокатов характеризуется эмотивно ориентированными и коннотативно направленными речевыми стратегиями скрытого воздействия на получателя текстового сообщения;

б) скрытое воздействие реализуется в виде тонких нюансов смысла, которые не осознаются представителями профессии адвоката в связи с массовыми повторениями в типичных ситуациях, а являются привычными и употребляются автоматически;

в) сравнение средних речевых величин позволяет выявить типологические (эталонные) речевые свойства представителей профессии адвокатов, а выявление показателей, отклоняющихся от этой величины – национальные и индивидуальные отличия русскоговорящих и англоговорящих судебных защитников [2].

Диссертация И. П. Василюка посвящена лингвокультурологическому исследованию национальной (русской) ЯЛ. Автор обращается к национально-культурному аспекту языкового содержания и выявляет особенности культуры, мировоззрения и менталитета носителей русского языка, которые находят отражение во фразеологизмах. Предметом исследования являются фразеологические единицы, поскольку именно они, по мнению автора, являются наиболее культуроемкой частью языка. Объектом исследования является русская национальная ЯЛ.

В результате установлено:

а) методика преподавания русского языка в качестве иностранного не может осуществляться без усвоения особенностей национального мышления и культуры изучаемого языка, т. е. изучения национальной языковой ментальности;

б) с помощью лингвокультурологического подхода становится возможным объяснить не только языковые ситуации сегодняшнего дня, но и общие изменения в лингвокультуре этноса;

в) лингвокультурологический анализ русской фразеологии позволяет выявить особенности национально-культурной специфики языка;

г) лингвокультурологическое исследование фразеологических единиц обеспечивает непосредственную связь современного видения мира с традициями национальной культуры [3].

Докторская диссертация М. Н. Пановой посвящена ЯЛ государственного служащего России на рубеже XX–XXI веков. Автор исследует, как демократические изменения в обществе и отмена цензуры повлияли на профессионально-языковую картину мира и речевое поведение политиков и чиновников. ЯЛ государственного служащего рассматривается с позиций социолингвистики, лингвокультурологии, теории дискурса, культуры речи, функциональной стилистики. Объектом исследования является профессиональный русский язык в сфере государственного управления, предметом исследования – речевое поведение работников сферы государственного управления и ЯЛ как обобщенный образ представителей данной профессии.

В результате установлено:

а) определяющими показателями реализации ЯЛ государственного служащего являются экстралингвистические факторы: характер госслужбы, управленческой деятельности, социально-профессиональной среды;

б) на вербально-грамматическом уровне устная речь характеризуется ограничением профессионального лексикона и разнообразием выбора языковых средств в отличие от строго регламентированной письменной речи;

в) профессиональная речь государственного служащего представляет собой отдельную форму языка и образует отдельный административно-политический социолект, характеризующийся тематическими, функционально-стилистическими и грамматическими чертами;

в) в профессиональной языковой картине мира государственного служащего доминирует представление о вертикальном устройстве мира, иерархичности;

г) на лингвопрагматическом уровне важную роль играет интонация как признак служебной субординации;

д) административный дискурс характеризуется интенциональностью, идеологической обусловленностью и иерархическим типом служебного общения и проявляется в выборе определенных языковых средств, речевых стратегий и тактик;

е) представленный в работе вариант ЯЛ государственного служащего рассматривается как модель (коллективная ЯЛ) профессионала-работника аппарата государственного управления [10].

В диссертации С. В. Мамаевой исследуется формирующаяся коллективная ЯЛ школьников 5–7 классов. Автор устанавливает специфику лексикона и иных составляющих структур ЯЛ подростков возрастного периода 10–13 лет, поскольку именно в этом возрасте детская ЯЛ открыта для влияния различных форм речи, литературных и нелитературных, а также содержит большое количество подростковых слов, что позволяет проследить эволюционные моменты формирования ЯЛ и коммуникативной компетенции школьников. Предметом исследования являются особенности речи и речевого поведения коллективной ЯЛ школьников 5–7 классов. Материалом для исследования послужили диктофонные и ручные записи спонтанной устной речи школьников-подростков, полученные в результате устных интервью, записи неподготовленной устной речи во внеурочное время и заполненные анкеты. В эксперименте приняли участие 150 учащихся средних школ.

В результате выявлены групповые особенности речевого поведения коллективной ЯЛ школьников-подростков на всех системно-языковых уровнях:

а) фонетическом (ослабленная артикуляция и нечеткая дикция, сопровождающиеся редуциацией гласных и усечением слогов с полной утратой согласных звуков; стяжение гласных звуков и более долгая артикуляция гласных в сильной позиции);

б) словообразовательном (использование усечения как способа словопроизводства; ненормированное словообразование, свойственное экспрессивной и фамильярной речи);

в) лексическом (широкая, свободная сочетаемость слов; школьный сленг);

г) морфологическом (предпочтение именительного падежа при употреблении имен существительных; употребление форм единственного и множественного числа существительных в одном высказывании; высокая частотность глаголов несовершенного вида и местоимений; отсутствие причастий и деепричастий);

д) синтаксическом (преобладание односоставных предложений; использование простых предложений с однородными членами или обращением) [8].

Данный подход отличается глубиной исследования коллективной ЯЛ и четкой структурой анализа.

В диссертации Т. П. Тарасенко исследуется ЯЛ старшеклассника в возрасте 15–17 лет. Исследование проводится в трех аспектах: лингвокультурологическом (степень сформированности основных лингвокультурных концептов), социолингвистическом (ценностные ориентации, определяющие социальное и речевое поведение) и прагмалингвистическом (особенности речевой специфики). Объектом исследования являются речевые реализации региональной ЯЛ старшеклассника города Краснодар. Материалом для исследования послужили записи устной речи старшеклассников и данные ассоциативного эксперимента. В результате установлено:

а) коллективная ЯЛ школьника старших классов характеризуется, с одной стороны, наличием базовых вневременных национально-культурных ценностей, а с другой – стремлением к разрушению этих ценностей, что выражается в жаргонизации речи;

б) специфические черты ЯЛ могут быть выявлены с помощью методики интегративного анализа, отражающего особенности речевого поведения и социолект, и ассоциативный эксперимент, определяющий реакции респондентов на слова-стимулы, означающие базовые концепты: «Родина», «достоинство», «совесть», «милосердие» и др.;

в) основными жизненными ценностями старшеклассников являются традиционные (дружба, любовь), историко-культурные (долг, честь, Родина) и эгоистичные (деньги, богатство);

г) дифференцирующие черты ЯЛ старшеклассника наиболее ярко проявляются в неформальном общении благодаря употреблению школьного жаргона, в котором отражаются основные моральные и нравственные установки коллектива, уровень его культуры [13].

В докторской диссертации Н. С. Котовой исследуется амбивалентная ЯЛ, которая определяется как существующий в языковом пространстве тип ЯЛ, отличающийся совмещением взаимоисключающих характеристик и его представленностью языковыми средствами. Объектом исследования являются лексические, грамматические и прагматические единицы, характеризующие амбивалентную ЯЛ. Они называются маркерами амбивалентности и конкретизируются автором как маркеры-ориентиры, маркеры-амбисемии, маркеры-смены лексических регистров [6]. Личностная амбивалентность проявляется в разноплановых языковых средствах, в интеграции нескольких плоскостей дифференциации. Амбивалентная ЯЛ представлена тремя проявлениями: собственной речевой деятельностью, заимствованной речевой деятельностью от другой ЯЛ и их взаимодействием.

Предметом исследования являются те свойства единиц и связей, которые сигнализируют об амбивалентности ЯЛ, а именно: «семантическое расстояние» между отдельными компонентами значения, контактность – дистантность обладателей разных характеристик, взаимосвязь между лексическими, грамматическими и прагматическими характеристиками. В качестве эмпирического материала послужили классические и современные художественные, публицистические, научные и официально-деловые тексты, из которых методом пропорционально-сплошной выборки извлечено в общей сложности 2600 контекстов и впоследствии отобрано 260 контекстов, прошедших лексикографическую обработку.

В результате установлено: а) амбивалентная ЯЛ выделяется в типологии ЯЛ как особый феномен, соотносимый с описанными ранее типами; б) характеризуется свойством взаимодействия противоположностей, что определяет систему языковых средств, представленных в дискурсах; в) характеризуется целостным образом, интегрирующим контрастные грани личности; г) обладает специфической корреляцией между лексической семантикой,

грамматикой и прагматикой, передающей взаимодействие контрастов (лексическая энантиосемия, отдельные виды категориальных сопоставительных отношений, амбисемия) [6].

В диссертации Д. А. Шляхового рассматривается виртуальная ЯЛ – личность в коммуникативном пространстве Интернета. Автор исследует особенности речевого поведения блогеров, являющихся активными участниками коммуникации в сети Интернет. Объектом исследования является виртуальная ЯЛ военного блогера в ее речевой реализации. Материалом исследования послужили тексты военнослужащих, принимающих участие в блог-коммуникации: 496 постингов из 54 блогов (индивидуальные блоги-дневники и тематические блоги: военная политика, военная история, блог солдатских жен и т. д.), а также 1430 постингов микроблогов, размещенных в социальных сетях. С помощью методов дискурсивного и фреймного анализа автор выявляет основные коммуникативные стратегии и тактики военных блогеров; с помощью методов семантического, морфологического, синтаксического, стилистического и контекстуального анализа – определяет критерии самоидентификации и самопрезентации ЯЛ в Интернете, создает глоссарий единиц речевого общения военного блогера; с помощью метода лингвистического моделирования речевого портрета – создает модель ЯЛ немецкого военного блогера, исследует влияние виртуального коммуникативного пространства на язык участников коммуникации.

Для изучения проблемы идентификации ЯЛ автор вводит понятие виртуальной социальной группы – виртуального сообщества дистантных субъектов, стремящихся к интеграции, пользующихся общим языковым кодом и социально-групповыми метками (хештегами) для идентификации в сети Интернет [15].

В результате установлено:

а) виртуальная ЯЛ – принципиально новое понятие в науке. Языковая реальность Интернета, характеризующаяся виртуальностью среды и дистантностью коммуникантов, реформирует и ускоряет дискурсогенные процессы, что, с одной стороны, приводит к появлению новых форм коммуникации: блоги и микроблоги, а с другой – расширяет лексическую, грамматическую и стилистическую вариативность языка: эмодзи, аббревиация, акронимы, сленг, портманто;

б) блог – особый вид дискурса, отличающийся от общеязыкового дискурса, в котором осуществляется интерференция устной и письменной форм общения, присутствует возможность выразить эмоциональное отношение к ситуации с помощью графико-пунктуационных форм, аудиовизуальных средств, графонов, эмодзи;

в) важной чертой блога как социокультурной среды является замкнутость, благодаря которой исчезает привычная статусная иерархия по возрасту, профессии и т. д. Данная особенность способствует частичному обособлению речи блогосферы от общепринятой языковой нормы, которое состоит в смещении форм индивидуального, разговорного и публичного общения, и формированию новых языковых норм, которые запечатлеваются в речи коллективной ЯЛ;

г) виртуальная ЯЛ формирует свое коммуникативное поведение в рамках виртуального сообщества, используя определенные стратегии и тактики, которые характеризуются темпоральностью и экспрессивностью и являются средством самопрезентации и принадлежности к группе;

д) виртуальная ЯЛ сохраняет общепринятые черты ЯЛ, при этом использует специальные знаки и индексы, необходимые для социализации в Интернете [15].

Таким образом, в ряде современных исследований представление о ЯЛ связано не с отдельным носителем языка, а с некой научной абстракцией, моделируемой сущностью, отвлеченной от конкретного исполнителя. Коллективная (модельная) ЯЛ характеризуется свойствами собирательности, безличности, абстрактности и эталонности, что отличает ее от индивидуальной (конкретной) ЯЛ, которая характеризуется своими отличительными особенностями. Таким образом, следует выделить два подхода к определению ЯЛ, которые сформировались в современной науке: обозначение конкретного носителя языка и представление типов ЯЛ.

Список литературы:

1. Богин Г. И. Современная лингводидактика. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. 61 с.
2. Варнавских Н. В. Типологические черты речевого поведения русско- и англоговорящих адвокатов (прагмалингвистический подход): автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Ростов-на-Дону, 2004. 16 с.
3. Василюк И. П. Лингвокультурологическое исследование национальной (русской) языковой личности (на материале афористики): автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Москва, 2004. 20 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
6. Котова Н. С. Амбивалентная языковая личность: лексика, грамматика, прагматика: автореферат дис. ... доктора филологических наук. Краснодар, 2008. 39 с.
7. Макаренко О. В. Динамика когнитивного стиля 'ригидность-флексibilität' через решение творческих задач учащимися (семиклассниками): автореферат дис. ... кандидата психологических наук. Бийск, 2003. 17 с.
8. Мамаева С. В. Речевой портрет коллективной языковой личности школьников 5–7 классов: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Самара, 2007. 18 с.
9. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
10. Панова М. Н. Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования: автореферат дис. ... доктора филологических наук. Москва, 2005. 32 с.
11. Седов К. Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности: автореферат дис. ... доктора филологических наук. Саратов, 1999. 48 с.
12. Сухих С. А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: дис. ... доктора филологических наук. Краснодар, 1998. 257 с.
13. Тарасенко Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Краснодар, 2007. 25 с.
14. Фомин А. Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности: автореферат дис. ... доктора филологических наук. Барнаул, 2004. 45 с.
15. Шляховой Д. А. Виртуальная языковая личность в дискурсивном пространстве военной блогосферы (на материале немецкого языка): дис. ... кандидата филологических наук. Москва, 2021. 208 с.

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, РФ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82

Е. А. Балашова НЕ-ВОЗВРАЩЕНИЕ С ВОЙНЫ КАК СЮЖЕТ

Не-возвращение с войны – сюжет не менее значимый, чем уход на войну, сама война и возвращение с войны. В статье, раскрывающей тему не-возвращения солдат с Великой Отечественной войны, автор обращается к малоизвестной поэзии и анализирует основные мотивы, сгруппировавшиеся вокруг трагического сюжета – невозможности вернуться к мирной жизни после войны. Анализируя стихотворения в историко-литературном контексте, автор делает акцент на причинах этой драматической составляющей рассматриваемых произведений. В конце статьи намечена типология стихотворений второй половины XX века, реализующих мотив невозвращения с войны.

Ключевые слова: русская поэзия XX века; лирика о Великой Отечественной войне; Александр Морев; невозможность возвращения с войны.

E. A. Balashova NON-RETURN FROM WAR AS A PLOT

Not returning from the war is an equally significant topic as leaving for the war, the war itself, and returning from the war. In this article, which explores the theme of soldiers' non-return from the Great Patriotic War, the author appeals to lesser-known poetry and analyzes the main motifs that revolve around the tragic theme of not being able to return to a peaceful life after the war. By examining the poems in a historical and literary context, the author highlights the reasons behind this dramatic aspect of the works under consideration. At the end of the article, a typology of poems from the second half of the 20th century that implement the motif of non-return from the war is outlined.

Keywords: Russian poetry of the 20th century; lyrics about the Great Patriotic War; Alexander Morev; impossibility of returning from the war.

Люди, прошедшие войну, неоднократно свидетельствовали: этот опыт не проходит бесследно. Война «не отпускает», инерция прошлого способна ломать человеческие судьбы. Речь и пойдет о тех немногих, особо чутких поэтах, которые уловили эту инерцию войны, ставшую творческим импульсом.

Действительно, возможно ли полное, подлинное возвращение с войны? Начнем со стихотворения о таком «возвращении» солдата Великой Отечественной. Оно принадлежит Александру Мореву. Дата написания стихотворения неизвестна (родился поэт в 1934 году, войну пережил ребенком в блокадном Ленинграде):

Он пришел с войны,
ночью лег на кровать,
лег он подле жены.
Надо было где-то смертельно устать,
чтоб с женою молчать,

чтоб жену не ласкать, –
нужно было мертвецки устать.
О, какой был покой простыней и перин!
О, какой был покой –
как у снежных долин,
когда в соснах плывет луна!
Только
ночью проснулась жена:
тишина...
Тронула стену – стена холодна.
Мужа нет,
снова нет.
Снова – одна.
На пол крест положила луна.
Он бежал от пикейных больших одеял,
он бежал от жены, как из плена бежал!
Дом ему – как блиндаж, как вокзал.
Он лежал на полу у дверей в углу,
Он, накрывшись солдатской шинелью, спал
и во сне он жену целовал... [1, с. 785].

Герой истории (очевидно, рядовой, непосредственный участник событий) вернулся в, казалось бы, объективно счастливое существование. Внешний драматизм отсутствует: он жив, его дождались, дом цел. Это не герой страшных стихотворений М. Исаковского, А. Барковой, Г. Оболдуева, рассказывающих о победителях, не встреченных Родиной достойно, обделенных всем после победы. Нет социальной подоплеки, но стихотворение тоже «страшное», из тех, которые не вписывались в парадигму официальной «победной» поэзии.

Не случайно, по воспоминаниям Бориса Тайгина [2], Морев, сдавший свое стихотворение в комиссию по подготовке сборника-альманаха «День поэзии Ленинграда – 1967 год» и получив одобрение к публикации, был разочарован: из-за цензуры эти стихи в книжку не попали!.. Новому времени нужен был другой герой – «сознательный», «светлый», деятельный, а не опустошенный.

Морев выбирает интимную ситуацию, потому что об этом не рассказывают, как почти никогда не рассказывают (а если рассказывают, то не всё...) о душевной смуте, о тревоге. Это личное пространство было «больным местом» у многих поэтов. Так, например, у М. Светлова в стихотворении 1945 г. «Возвращение» герой «пришел к родным, он спит с женой», но тут же автор осторожничает, как будто отказываясь от ответственности представлять счастливую ситуацию типичной:

И парят над ним у изголовья
Ангелы, придуманные мной... (курсив мой. – Е.Б) [3].

В герое стихотворения А. Морева бьется «солдатское сердце» – сердце человека, победившего войну. На самом деле война лишь оттеснена, убрана на периферию, и при любой

– неконтролируемой! – ситуации, принесенная с собой сюда, в мирную жизнь, война остаётся с человеком.

Герой А. Морева лёг спать на полу возле двери – свидетельство того, что он не стал прежним. Демобилизация не освободила его от войны! Военные атрибуты (шинель, блиндаж) – санкционированный внешний маркер, выражающий то, что это тот же самый человек на том же самом военном месте. Бесплезно «возвращаться» – герой А. Морева и не пытается.

Показательно, что, по материалам опубликованных в последнее время свидетельств, 1946–1947 годы характеризовались экономическим кризисом, массовым голодом, а власти считают приоритетом восстановить семейные ценности. Здесь можно вспомнить Указ Президиума ВС СССР от 8 июля 1945 г. об отмене прав матерей-одиночек. Характер войны – отечественной, справедливой – предполагал определенное единение в рамках решения национальной задачи – противостояния врагу. Это единение необходимо было продлить и дальше. Семья – это не дело двоих. С точки зрения государства это общественная политическая задача. Стало быть, вернувшийся солдат обязан был сделать счастливой собственную семью. Ситуация, в которую втянуты двое, воссозданная поэтом, показывает, что война заканчивается только для тех, кто убит. Все остальные – вернувшиеся и их близкие – страдают. Данная семейная трагедия приобретает статус типической. В прозе, как мы помним, этот мотив был реализован в рассказе А. Платонова «Возвращение».

Можно по-разному реагировать на пережитое. Если прошлое не «отпускает», то, например, оно навязчиво возвращается в снах; всплывают ужасные, неприятные сцены, связанные с пережитым. Но здесь мы не наблюдаем «непрощеных» ночных кошмаров. Наоборот! Только во сне герой и может испытывать чувства любви и радости, может прощать себя. И, кстати, именно сон открывает личное. Из-за – пусть опосредованного – введения сна композиция стихотворения носит весьма причудливый, прихотливый характер: в центре его настоящее, когда он видит прошлые (военные мечты) о будущем. Так хронологическая деформация отражает деформированное бытие, казалось бы, вернувшегося.

Рассматриваемое стихотворение А. Морева аккумулирует в себе все важнейшие образы и детали, свойственные мотиву возвращения. Думается, что прозорливость поэта обусловлена тем социальным, историческим и социально-политическим контекстом послевоенного времени, который был реальностью для возвращающихся фронтовиков.

Какие системы норм и ценностей санкционировались политической властью через официальную литературу?

И тут стоит вспомнить другое стихотворение, автор которого Михаил Луконин. Стихотворение написано в 1944 году двадцатилетним участником двух войн – советско-финской 1939–1940 гг. и Великой Отечественной. Конечно, первым был Луконин (не Морев), но нас интересует не хронологический порядок, а то, что луконинский вариант есть своеобразное продолжение, сюжетное противопоставление стихотворению А. Морева и массе подобных по настроению авторов, своеобразный «социалистический ответ» упадническим настроениям. М. Луконин предлагает в стихотворении «Приду к тебе» героя-идеолога. Тем самым он даёт идеальный мотив возвращения в духе социалистического реализма:

Ты думаешь:

Принесу с собой

Усталое тело свое.

Сумею ли быть с тобой
Целый день вдвоем?
Захочу рассказать о смертном дожде,
Как горела трава,
А ты –
    и ты жила в беде,
Тебе не нужны слова.
Про то, как чудом выжил, начну
Как смерть меня обожгла,
А ты –
    ты в ночь роковую одну
Волгу переплыла.
Спеть попрошу,
а ты сама
Забыла, как поют...
Потом
    меня
        сведет с ума
Непривычный уют.
Будешь к завтраку накрывать,
А я усядусь в углу,
Начнешь,
    как прежде,
        стелить кровать,
А я
    усну
        на полу.
Потом покоя тебя лишу,
Вырою щель у ворот,
Ночью,
    вздрагнув,
        тебя спрошу:
– Стой! Кто идет?!
Нет, не думай, что так приду,
В этой большой войне
Мы научились ломать беду,
Работать и жить вдвойне.
Не так вернемся мы!
Если так,
То лучше не приходить.
Придем работать,
    курить табак,
В комнате начадить.
Не за благодарностью я бегу –
Благодарить лечу.

Все, что хотел, я сказал врагу.
Теперь работать хочу.
Не за утешением –
                                утешать
Переступлю порог.
То, что я сделал,
                                к тебе спеша,
Не одолженье, а долг.
Друзей увидеть,
                                в гостях побывать
И трудно
                                и жадно
                                жить.
Работать – в кузницу,
                                спать – в кровать.
Слова про любовь сложить.
В этом зареве ветровом
Выбор был небольшой, –
Но лучше прийти
                                с пустым рукавом,
Чем с пустой душой.
1944 (612).

Таким образом, в контексте «поэтических возвращений» в русской поэзии о Великой Отечественной войне стихотворение А. Морева оказалось архетипическим. Необнародованное, неизвестное широкой публике, оно в то же время вобрало в себя все основные мотивы, ситуации, ставшие центральными в многочисленных и самых разных стихах, воссоздающих драму вернувшихся победителей.

В стихотворениях других авторов на ту же тему, как правило, находим вариации и развитие какого-то одного моревского мотива, образа или интенции.

В целом же, анализ поэтического возвращения (а точнее не-возвращения) в русской поэзии второй половины XX века позволяет наметить следующую типологию стихотворений, реализующих данный мотив:

1. Возвращение как обманутое ожидание. Представлено несколькими вариациями (А. Баркова «Чем торгуешь ты, дура набитая?...», М. Исаковский «Враги сожгли родную хату...», Г. Оболдуев «Песенка английских солдат»). Все эти тексты говорят об обманутых ожиданиях. Но, например, в стихотворении А. Барковой разочарованным в возвращении оказывается вовсе не главный герой (он убит), а обиженные за него друзья-фронтовики. По-видимому, надеясь на публикацию, Г. Оболдуев прибегает к мистификации, поскольку у него нищие победители – некие английские военные не ясно какой войны.

Несколько иную модификацию предлагает стихотворение Б. Слуцкого «Когда мы вернулись с войны...», показывающее женскую веру и верность, потому что мотив «ненужного» возвращения здесь оказывается всего лишь побочным.

2. Возвращение как преодоление: испытание возвращением, «инициация героя». См. стихотворение С. Орлова «Перед порогом»:

Все то же – дом и тополь
Комолый у ворот.
Все то – от трав до стекол,
Лишь только я не тот.
Не тот я, не мальчишка
С веселым вихорком,
Знакомый лишь по книжкам
Со всем, с чем я знаком:
С дорогой, с расставаньем,
Со смертью и свинцом,
Со страшным расстоянием,
Где дым и пыль в лицо.
И вот я дверь открою,
И в рубленый проем
Вдруг хлынет все такое,
Что помнится с трудом.
Стою, и силы нету
Тугую дверь открыть.
Хоть кто-нибудь ракету
Додумался б пустить! [4, с. 60].

Герой испытывает явный или тайный мужской страх, что возвращение не станет полноценным, как в стихотворении К. Ваншенкина «Возвращение»:

Вернулся муж с большой войны.
Ушла родня, все гости тоже,
И слушал он шаги жены,
Уже в постели мягкой лежа.

В буфет посуду убрала,
Поднять окурок наклонилась,
Сняла скатерку со стола
И, наконец, угомонилась.

Шинели тронула рукав,
Щекой припала, вся зарделась,
Потом прошла за старый шкаф,
Свет погасила и разделась.
1960 [5, с. 177].

3. Возвращение как разрыв, как не-встреча. Чувствуя себя победителем, тем, на чьих плечах вынесена победа, герой хочет быть счастливым, а значит, вернуться в другой дом, о котором не смел думать раньше, – как у Высоцкого в «Балладе о детстве»: «Возвращались отцы наши, братья / По домам, по своим да чужим» [6, с. 477].

Вспомним финал стихотворения К. Ваншенкина «Проездом»:

Лег на нары зализывать рану,
Утешая себя: «Не беда!
Будет случай – заеду, застану...»
Больше там не бывал никогда [7, с. 61].

4. И, наконец, неполноценное, неподлинное возвращение. Мнимое, так и не произошедшее возвращение см. в стих. А. Межирова:

Прощай, оружие!

В следующем году было много побед.
Э. Хемингуэй

Ты пришла смотреть на меня.
А такого нету в помине.
Не от вражеского огня
Он погиб. Не на нашей mine
Подорвался. А просто так.
Не зазвонкой чеканки песню,
Не в размахе лихих атак
Он погиб. И уже не воскреснет.

Вот по берегу я иду.
В небе пасмурном, невысоком
Десять туч. Утопают в пруду,
Наливаясь тяжелым соком,
Сотни лилий. Красно. Закат.
Вот мужчина стоит без движенья
Или мальчик. Он из блокад,
Из окопов, из окружений.

Ты пришла на него смотреть.
А такого нету в помине.
Не от пули он принял смерть,
Не от голода, не на mine
Подорвался. А просто так.
Что ему красивые песни
О размахе лихих атак, –
Он от этого не воскреснет.

Он не мертвый. Он не живой.
Не живет на земле. Не видит,
Как плывут над его головой
Десять туч. Он навстречу не выйдет,

Не заметит тебя. И ты
Зря несешь на ладонях пыл.
Зря под гребнем твоим цветы –
Те, которые он любил.

Он от голода умирал.
На подбитом танке сгорал.
Спал в болотной воде. И вот
Он не умер. Но не живет.

Он стоит посредине Века.
Одинешенек на земле.
Можно выстроить на золе
Новый дом. Но не человека.

Он дотла растрочен в бою.
Он не видит, не слышит, как
Тонут лилии и поют
Птицы, скрытые в ивняках [8, с. 301].

Список литературы:

1. Строфы века. Антология русской поэзии / Составитель Евг. Евтушенко. М.: «Полифакт. Итоги века», 1999. 1056 с. Далее ссылки на это издание с указанием страницы в круглых скобках.
2. Тайгин Б. Шутка художника // У голубой лагуны. Т. 5-а. режим ввода: <http://kkk-bluelagoon.ru/tom5a/morev2.htm>
3. Светлов М. Собрание сочинений в 3 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1974. 314 с.
4. Соколов В. Стихотворения; поэмы. М.: Худ. лит., 1987. 268 с.
5. Ваншенкин К. Характер. М.: Сов. писатель, 1973. 387 с.
6. Высоцкий В. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1993. 639 с.
7. Ваншенкин К.Я. Характер. М.: Сов. писатель, 1973. 387 с.
8. Межиров А. Стихотворения. М.: Худ. лит., 1973. 412 с.

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 82

А. Н. Билецкая
«ДВОЙНОЕ ДНО» «ШИНЕЛИ» Н. В. ГОГОЛЯ

В статье дана нетрадиционная интерпретация образа главного героя повести «Шинель» Николая Васильевича Гоголя, которая отличается от привычного восприятия «маленького человека» как типа литературного героя. Такой подход к анализу позволяет избежать однобокого восприятия при изучении «маленького человека» на уроках литературы в иных произведениях и глубже понять авторский замысел.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь; «маленький человек»; мечта; Петербург; существо.

A. N. Biletskaya
«DOUBLE BOTTOM» OF N. V. GOGOL'S «SHINEL»

The article provides an unconventional interpretation of the main character in Nikolai Vasilyevich Gogol's story «The Overcoat», which differs from the usual perception of the «little man» as a type of literary character. This approach to analysis allows us to avoid a one-sided perception of the «little man» in literature classes in other works and to gain a deeper understanding of the author's intention.

Keywords: N. V. Gogol; «little man»; dream; Petersburg; being.

Повесть Н. В. Гоголя «Шинель» входит в сборник «Петербургских повестей». Она была написана в 1842 году. В 20–30-е годы 19 века появляется новый тип литературного героя – «маленький человек», который представляет собой человека низкого социального статуса, ничем не выдающегося и весьма заурядного. Кроме того, это, как правило, жалкая и безобидная личность, испытывающая унижение и страдающая от несправедливого к себе отношения со стороны окружающих. Безусловно, подобный герой вызывает сострадание у читателей, поскольку кажется невинно обиженным и угнетенным. Таковым и является главный герой повести Н. В. Гоголя – Акакий Акакиевич Башмачкин. Писатель подчеркивает, что герой его даже имени собственного не был удостоен, а получил имя свое от отца: «Ну, уж я вижу», сказала старуха: «что, видно, его такая судьба. Уж если так, пусть лучше будет он называться, как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий». [1, с. 1].

Фамилия героя имеет самое приземленное и вещественное толкование, ибо происходит от простого башмака. Внешность Башмачкина не менее заурядная: «чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица что называется геморроидальным...» [1, с. 1]. Да и речь героя оставляет желать лучшего. Это всего лишь бессвязный набор слов и нелепых высказываний: «Нужно знать, что Акакий Акакиевич изъяснялся большею частью предложениями, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения. Если же дело было очень затруднительно, то он даже имел обыкновение совсем не оканчивать фразы, так что весьма часто, начавши речь словами: «Это, право, совершенно того...» [1, с. 2] – а потом уже и ничего не было, и сам он позабывал, думая, что все уже выговорил». Имя выбрано тоже неслучайно. С одной стороны, оно несет вполне положительный смысл, поскольку переводится как «беззлобный» и «невинный», да и назван им был

преподобный Акакий Синайский, отличающийся необыкновенной кротостью, праведностью и незлобивостью. Но, с другой стороны, неблагозвучие имени еще раз демонстрирует никчемность и комичность персонажа [2, с. 3].

Всю свою жизнь Акакий Акакиевич провел в департаменте за одним и тем же занятием – переписыванием бумаг. И никто не выказывал ему за эти годы ревностной службы никакого уважения: «В департаменте не оказывалось к нему никакого уважения. Сторожа не только не вставали с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, как будто бы через приемную пролетела простая муха» [1, с. 2]. И все издевательства, и обиняки, сыплющиеся на его голову, он бессловесно сносил, и только иногда, доведенный до отчаяния, робко и жалостливо произносил: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» [1, с. 2]. Стоит заметить, что переписывание бумаг приносило ему истинное удовольствие и делал это он с большой любовью, однако на большее, чем простое копирование текста, он не был способен. И когда ему предложили иную работу, требующую напряжения ума, Башмачкин заявил: «Нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь» [1, с. 3]. С тех пор оставили его навсегда переписывать. Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало. И буквы ему виделись и мерещились в чем угодно и где угодно, поскольку ежедневное переписывание было единственным занятием его и в департаменте, и дома. Ничто более не беспокоило и не занимало Акакия Акакиевича. И так бы и продолжалось, наверное, и до его глубокой старости, скучной и никчемной, если бы однажды не обнаружил он, что его прежняя шинель, а точнее сказать старый капот, изрядно износился и не представлял уже никакой защиты от наступающих в Петербурге холодов. Вот с этого-то самого момента мысли героя начинает занимать иной объект – та самая новая шинель, одержим которой он становится на протяжении дальнейшего повествования. Да, безусловно, это желание обладать новой шинелью, такой вожденной и такой недоступной в силу бедственного финансового его положения вполне естественно и понятно: человек просто пытался уберечь себя от холодов. Не роскошь, не блажь, а обычная шинель, которая может согреть в морозы. И это вполне так, если бы не одно «но».

Акакий Акакиевич мечтает о дорогой, статусной шинели, которая будет не только утеплять его в морозы, но и подспудно ставить его на одну ступеньку с сослуживцами выше его рангом. По сути, он мог бы приобрести и более недорогую одежду, но, запустив однажды эту мечту в свою голову, Башмачкин становится буквально одержим идеей приобрести эту, самую важную теперь в его жизни, шинель. И на что же он идет ради воплощения своей мечты? На еще более скудное, лишенное обычных человеческих потребностей и радостей существование, которое и до того было у него предельно однообразным и нелепым. Герой Гоголя доходит до полного аскетизма, начиная голодать и экономя даже на свечах.

Следует заметить, что с течением времени, герой даже привыкает к такому образу жизни и не замечает своих лишений. Обратимся к тексту повести: «Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки, хотя, по крайней мере, в продолжение одного года: изгнать употребление чаю по вечерам, не зажигать по вечерам свечи, а если что понадобится делать, идти в комнату к хозяйке и работать при ее свечке; ходя по улицам, ступать как можно легче и осторожнее, по камням и плитам, почти на цыпочках, чтобы таким образом не истереть скоровременно подметок; как можно реже отдавать прачке мыть белье, а чтобы не занасивалось, то всякий раз, приходя домой, скидать его и оставаться в одном только демикотоновом халате, очень давнем и щадимом даже самим временем. Надобно сказать правду, что сначала ему было несколько трудно

привыкнуть к таким ограничениям, но потом как-то привыкло и пошло на лад; даже он совершенно приучился голодать по вечерам; но зато он питался духовно, нося в мыслях свою вечную идею будущей шинели». [1, с. 10] Живя в лишениях, Башмачкин становится обладателем желанной шинели и с гордостью идет на службу в департамент. И вот оно так нежно лелеемое в душе признание со стороны коллег, такое сладкое и значимое, что для Акакия Акакиевича, с одной стороны так приятно, а с другой, так странно и непривычно, что ему даже сделалось стыдно. И вот уже отчасти принятый в круг более значимых и важных чиновников, он робко и не без некоторого опасения бредет по улицам Петербурга, оказавшись странным и неожиданным образом приглашенным на званый ужин в честь приобретения своей же шинели к другому чиновнику в богатый район города. Впервые в жизни Башмачкин оказался на празднике и выпил два бокала шампанского. Он позволил себе веселиться среди вышестоящих его по статусу. Вот какие преимущества давала ему шинель. Мелкий чиновник всерьез подумал, что жизнь его переменялась. Он шел из гостей в самом веселом расположении духа, но веселость его постепенно сменялась тревогой и смятением с приближением к дому. Улицы становились менее освещенными, почти безлюдными и мрачными. Так же мрачно становилось и у него на душе, словно в предчувствии скорой беды. Страхи оказались не напрасны. Домой Акакий Акакиевич пришел без шинели и в полном отчаянии: «Акакий Акакиевич прибежал домой в совершенном беспорядке: волосы, которые еще водились у него в небольшом количестве на висках и затылке, совершенно растрепались; бок и грудь и все панталоны были в снегу» [1, с. 14]. Шинель была жестоко сорвана с него двоими с усами. Он даже не смог защитить себя и спасти обретенную мечту. Пинком отброшенный в снег, он тщетно пытался найти помощь. Так бедный Башмачкин лишился мечты своей жизни, так недолго тешившей его. Он снова надел свой старый изношенный донельзя капот и вновь оказался предметом насмешек некоторых чиновников. Попытки найти украденную шинель путем обращения к частному и значительному лицу, девизом которого были ничего не значащие слова: «Строгость, строгость и – строгость», не принесли никакого результата, и Акакий Акакиевич, до смерти напуганный и незаслуженно обруганный чиновником, удалился и после того больше не встал со своей постели: «Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом и никак не мог стоять: если бы не подбежали тут же сторожа поддержать его, он бы шлепнулся на пол; его вынесли почти без движения. А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже ожидание, и совершенно упоенный мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределенном состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх». Ушел Акакий Акакиевич так же бесследно из жизни, как и появился. После себя он не оставил ничего, лишь «пучок гусиных перьев, десть белой казенной бумаги, три пары носков, две-три пуговицы, оторвавшиеся от панталон, и уже известный читателю капот...» Гоголь, описывая уход Башмачкина, замечает: «И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нем его и никогда не было» [2, с. 3].

На этом следовало бы и закончить повесть, но Н. В. Гоголь вводит в финале один из своих любимых приемов – гротеск, используя фантастический образ привидения того самого Акакия Акакиевича, который является прохожим в шинели и снимает ее с них, пытаясь найти свою. Так он мстит обидчикам, желая найти того самого, обругавшего его и до смерти напугавшего чиновника, значительное лицо. И это ему даже удается. Мертвец-призрак схватил за ворот значительное лицо и до смерти напугал его: «Бедное значительное лицо чуть

не умер». Вроде бы все хорошо и торжествует справедливость, вроде бы наказано зло и добро одержало верх пусть даже и после смерти героя. Однако Гоголь рисует мытарства призрака Башмачкина со свойственной ему иронией [3, с. 1]. Сцены с призраком, должны производить как минимум мрачное, устрашающее впечатление, вызывают лишь смех. Гоголь смеется над своим героем, выставляя его даже после смерти в нелепом виде: «Не успел будочник, закрывши пальцем свою правую ноздрю, потянуть левою полгорсти, как мертвец чихнул так сильно, что совершенно забрызгал им всем троим глаза».

В такой ироничной форме Гоголь говорит о приказе поймать мертвеца-призрака, доставляющего горожанам беспокойство: «В полиции сделано было распоряжение поймать мертвеца во что бы то ни стало, живого или мертвого, и наказать его, в пример другим, жесточайшим образом, и в том едва было даже не успели». Для чего же это нужно писателю? Зачем выставлять посмешищем главного героя даже после смерти? Так ли он сочувствует ему и жалеет его в ходе повествования? Безусловно, нет. Гоголь дает понять читателю, что вся жизнь Башмачкина была сущей бессмыслицей. Если при жизни он был совершенно бесполезным существом, а никак не мучеником (идея мученичества героя высмеивается на протяжении всей повести), то после смерти он тем более ничего не стоящее призрачное существо, которое жалко и смешно [3, с. 2].

Акакий Акакиевич до пятидесяти лет прослужил в своем департаменте, так ничему и не научившись, кроме как переписывать готовые тексты. Малейшая работа, требующая мыслительного процесса, была для него непосильной. По службе он не продвинулся, семьей не обзавелся, даже одинокое его существование было для него тяжелой ношей с финансовой точки зрения. Акакий Акакиевич мелок душой. Даже мечта у него мелочная: какая-то шинель, бездушная по сути вещь, возведенная в культ, ставшая идолом для этого маленького человека. Он не заслужил уважения среди коллег, жил неприметно и влачил жалкое существование. Гоголь не жалеет своего героя. Нет. Он дает понять читателю, что жалеть его по истине и не за что. Что он такого сделал, чтобы заслужить любовь и уважение? Чем он полезен и нужен обществу? Уход его никто не заметил. Никто не ощутил потери, потому как и любить его было не за что. Башмачкин прозябал по доброй воле, он сам выбрал такой путь – путь в никуда. Однажды лишь жизнь его озарилась желанием владеть новой шинелью, но, по сути, эта мечта и убила его. Башмачкин – крайне приземленное существо, да и мечты его приземленны и мелочны. Герой умирает за своей ненужностью и бесполезностью. Он не способен к духовному взрослению и просветлению, да и, по сути, не способен быть полноценным человеком, богатым духовно, а не влачащим жалкое существования ради обретения какой-то шинели. Гоголь не случайно подчеркивает, что герой его уже не молод, ему за пятьдесят. Это возраст, к которому человек приходит с определенным багажом. Человек в эти годы должен быть зрел духовно и чего-то достичь в жизни. А Акакий Акакиевич внешне стар, а внутри совсем еще дитя, которое только вступило на стезю взрослой жизни, которое стоит еще на первой ступени своего развития.

Итак, кто же перед нами? Бедный и жалкий маленький человек, несчастный и обездоленный? Обиженный жизнью, властью, окружающими? Или это жалкий человечиска, который сам ничего не добился и не пытается, а только сносит унижение и оскорбление в свой адрес, потому что ему нечем гордиться, потому что до пятидесяти лет он просидел в переписчиках? Стоит ли жалеть подобных людей? Этот вопрос автор повести адресует нам, читателям. И ответ у всех свой. На мой взгляд, Гоголь иронизирует, насмехается над своим главным героем и говорит о том, что не стоит жалеть людей, которые сами ничего не хотят

добиться, которые молча сносят обиды и унижение, не умея постоять за себя, которые напрочь лишены чувства собственного достоинства и которые мелки душой. Только после смерти Акакий Акакиевич научился ответить обидчикам, но это смешно и нелепо, это бесполезно и никчемно, ибо творить и вершить нужно при жизни, созидать и создавать следует вовремя, чтобы жизнь не была прожита впустую и чтобы ты не исчез после смерти, подобно призраку, которого словно и не было никогда.

Список литературы:

1. Гоголь Н.В. Шинель. Интернет-источник: <https://nukadeti.ru/rasskazy/gogol-shinel> (дата обращения 15.08.2025)
2. Как сделана «Шинель» Гоголя. Интернет-источник: <http://feb-web.ru/feb/gogol/critics/ein-306/eih-306-.htm> (дата обращения 15.08.2025)
3. Образ «маленького человека» в повести Н.В. Гоголя «Шинель». Интернет-источник: https://otherreferats.allbest.ru/literature/00221135_0.html (дата обращения 15.08.2025)

МБОУ СОШ № 46 г. Калуги, Калуга, РФ

УДК 82

В. А. Ермилова
ЛИТЕРАТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА
В ЗЕРКАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Данная статья посвящена исследованию взаимосвязи между человеком и культурой через призму художественного текста. Мы рассматриваем концепцию литературной антропологии как инновационный подход к анализу взаимодействия человека и культуры в литературе. В статье обсуждаются ключевые принципы и методы литературной антропологии, а также ее значение для понимания человеческой природы и культурного контекста.

Ключевые слова: литературная антропология; художественный текст; человек; культура; анализ.

V. A. Ermilova
LITERARY ANTHROPOLOGY: MAN AND CULTURE
IN THE PRISM OF A LITERARY TEXT

This article explores the relationship between human beings and culture through the lens of literary texts. We examine the concept of literary anthropology as an innovative approach to analyzing the interaction between humans and culture in literature. The article discusses the key principles and methods of literary anthropology, as well as its significance for understanding human nature and cultural context.

Keywords: literary anthropology; literary text; man; culture; analysis.

Введение

Человек, как биологическое существо – вершина эволюционной цепочки, апогей развития всех живых организмов. Но вопрос превращения обезьяноподобных предков в человека разумного по-прежнему остается неразгаданной тайной, полной противоречивых гипотез и теорий. Литература и искусство неразрывно связаны с развитием человека как биологического вида, поскольку с появлением письменности ученые пытались изложить свои концепции в письменные постулаты. Но всего ближе литература к развитию человека как существа духовного, внутреннего. Об этом говорит прежде всего попытки авторов утвердить и распространить среди читателей разнообразные философские учения, а также отразить в характере персонажей общие настроения и образ мысли народа. В данной статье будет проанализировано взаимодействие психологического и духовного мира человека с литературными текстами. Помимо этого, ряд заданий, позволяющих лучше раскрыть внутренний мир персонажа на основе литературного произведения, будут предложены для применения в курсе преподавания литературы в школе.

Начнем с того, что литература не является наукой, так же как и писатели не могут считаться учеными в виду того, что она не преподносит читателям фактической информации и зачастую является искаженной формой перцепции авторов. Итак, анализ поведения персонажей, их внутреннего мира, результата деятельности в рамках литературного произведения называется литературной антропологией. Однако данная формулировка не отражает полного смысла концепта, поскольку литературная антропология представляет собой междисциплинарное философское учение, изучающая такие аспекты как «типология

героев», «экзистенциальное сознание героев», «художественная персонология» и ряд смежных концептов в рамках данной дисциплины. Более того, литературная антропология может быть воспринята как два разных аспекта предмета. Первая точка зрения на данную дисциплину предполагает восприятие литературной антропологии как возможности авторов выразить самих себя, свое собственное мировоззрение и образ мыслей через произведения литературы. Например, термин «нигилизм» впервые появился в публицистике благодаря публикации романа «Отцы и дети» Ивана Сергеевича Тургенева. Тогда же в России распространились идеи нового веяния, подхваченные молодыми людьми высшего общества.

Однако другая перспектива на данную философию подразумевает отражение культурных и социальных настроений в обществе в характере и манере поведения персонажей. Одним из ярких примеров данного концепта является агония и смятения Раскольникова в романе «Преступление и наказание» Фёдора Достоевского. В данном произведении автор поднимает темы вины и искупления, которые взаимосвязаны с культурными потрясениями в России XIX века. Кроме этого, Лев Толстой взаимодействие между жизнями отдельных людей и историческими силами, предлагая понимание русского духа во время наполеоновских войн.

Антропология тесно переплетается с литературой, символизм и темы в произведениях разных времен и эпох можно связать с культурным и историческим контекстом определенного временного периода. Например, средние века с охотой на ведьм, молчаливыми женщинами, рыцарством и готикой ясно отражают и раскрывают данные темы в литературе. Викторианцы воспевали ангелов и превозносили детские черты, в то время как романтики обращались к природе для поиска ответов на жизненные вопросы. Ознакомившись с историей каждого из приведенных выше периодов, можно заметить, что все упомянутые символы стали определителями культурного контекста каждого из времен.

Исследование

Русская литература всегда стремилась отражать путь развития общества, включала в себя наиболее яркие периоды его становления, а под витиеватыми и наполненными скрытыми смыслами элементами зачастую скрывались истинные комментарии о положении дел в стране. Наиболее удачным с точки зрения раскрытия культурных, политических, экономических и философских веяний можно по праву считать 19-ый век, Золотой Век русской литературы. Данный период в литературе можно охарактеризовать как время, максимально отражающее разнообразие всех жизненных сфер. Люди, поддерживающие разные направления, несущие разнообразные ценности и философские убеждения, привносили в литературу 19-ого века всевозможные концепты, порой абсолютно противоречащие идеологии друг друга. Символизм процветал, пытаясь уместить все скрытые смыслы, заложенные авторами во избежание прямых высказываний, противоречащих основной политической и культурной идеологиям.

Ключевыми историческими событиями, повлиявшими на развитие русской литературы, стали Великая Французская революция (1789–1799), Отечественная война (1812), восстание декабристов (1825) и другие знаковые для становления русского общества идеи. Российская община того времени стала как никогда открыта и подвержена западным идеям и убеждениям, пропагандирующим либерализм, свободу общества, самоидентификацию и самоопределение личности, свободу выражения слова и мысли, что было кардинально противоположным действующему политическому и идеологическому курсу.

«Литература есть самовыражение общества, как речь есть самовыражение человека», – данное высказывание Луи де Бональда прекрасно отражает особенности литературной антропологии 19-ого века. Русские авторы, подхватившие идеи либерализма и свободы общества, поднимали темы отмены крепостничества, равенства, братства в своих произведениях. Иван Тургенев был одним из писателей, яростно отстаивавших в своих работах отмену крепостного права. Сам автор поклялся никогда в жизни не связывать свою судьбу с людьми, поддерживающими крепостное рабство, более того, пытался предпринять ряд антикрепостнических мир у себя в имении. Другим писателем, увлеченным идеями равенства и братства, был один из самых знаменитых авторов русской литературы – Александр Пушкин. Литератор не только транслировал либеральные идеи в своих произведениях, но и состоял в соответствующих тематических кругах и литературных клубах. Одними из ярчайших произведений, передающих отношение автора к происходящему в стране, стали стихотворения «Вольность», «Деревня», «Послание к Чаадаеву» и ряд других произведений, ярко определявшую его позицию к теме либерализма. Без всяких сомнений, идеи авторов находили отклик в сердцах читателей, отражали внутренний голос обычного народа, что и служит свидетельством того, как литература рефлексует и отражает народную истину.

Другой интересной особенностью связи литературы и общества является форма развития литературы, напрямую зависящая от развития самого общества. Помимо отвержения традиционной политической и философской идеологии происходит также и разрыв канонов литературы. Авторы уходят от привычного литературного классицизма в поиск новых форм. Романтизм стал одним из пекулярных веяний русской литературы, особой почвой для его развития послужило восстание декабристов и последствия данного восстания. Воспевая народных героев, писатели нередко проводили скрытую аллегорию и отсылки некоторые строки к участникам восстания.

Реалистичный роман – еще одна новая форма литературного произведения конца 19-ого века. Уделяя внимание яркой оппозиции, авторам очень легко потерять внимание обычных людей, с их бытовыми проблемами, вопросами, сложностями. Новым популярным видом письма стал реалистичный роман, отражающий вещи такими, какие они есть на самом деле. Яркий представитель данного течения, Федор Достоевский, пытался изобразить прототипы знакомых для него людей, тем самым проникнув в глубину русского социума, рассмотреть его пороки и потребности.

Одна из наиболее прогрессивных и востребованных характеристик в русской литературе 19-ого века – внимание к психологии героя, что еще прочнее связывает литературу с развитием человека. В философии и психологии русского общества стали обозревать новаторские психологические теории и концепции. Авторы стали уделять внимание размышлениям героя, его внутренним монологам, конфликтам, потоку мыслей, все это показывает взаимосвязь развития духовной части жизни общества и литературы, как единого целого.

В связи с вышеперечисленным можно утверждать о том, что в контексте литературы человек рассматривается как источник и носитель памяти, продолжение истории, сохранение идентификационного кода, настроений и народных идеологий. С помощью лирических героев писатели могут анализировать и влиять на образ мысли более широких народных масс, распространять определенное мировоззрение, узнавать подлинные ощущения людей. Изучая литературу любой страны, любой эпохи, можно узнать и прочувствовать общую культурную, духовную атмосферу в стране. Ровно так же, художественный текст всегда

может дать четкую подсказку об общем эмоциональном и духовном фоне человека, что говорит о тесной взаимосвязи между литературой и антропологией.

В дальнейшем будут рассмотрены конкретные литературные характеристики, помогающие определить внутреннюю философию персонажа и перенести ее на круг читателей. Сам термин «восприятие текста» обычно подразумевает способность человека к анализу образов и нарративов на основе предшествующего социального и духовного опыта. Значительное воздействие на восприятие любого текста оказывают наши собственные эмоции: уровень эмпатии, сострадания, отношение к литературному объекту, собственный человеческий опыт. Анализ и интерпретация произведения литературы всегда напрямую зависит от аудитории: уровня интеллекта (в том числе и эмоционального), характера и темперамента, человеческих качеств, общего уровня кругозора и эрудиции. Именно поэтому один и тот же отрывок литературы может быть трактован абсолютно в разных плоскостях в зависимости от личности. Именно по анализу текста можно узнать о качествах читателя.

Другой способ сделать вывод о характере читателя – оценить уровень глубины чтения произведения. В любое произведение автор закладывает определенный подтекст, который может быть завуалирован под призмой символов и метафор, однако опытный читатель сможет распознать тот глубинный смысл работы, который может скрываться за, казалось бы, совсем тривиальными темами произведения. Читатель, несфокусированный на поиске подлинного смысла текста, увлеченный лишь быстрым поверхностным чтением, может произвести впечатление человека невдумчивого и неосновательного. Наоборот, попытки обуздать истинный смысл работы отличают более сознательного и проникновенного читателя.

Изучая характер литературного героя всегда следует учитывать и брать во внимание особенности политической и культурной обстановки времени создания работы. Ярким примером двойственности интерпретации является произведение Эрнеста Хемингуэя «Кошка под дождем». При первом прочтении у аудитории складывается крайне примитивное и банальное мнение о главной лирической героине рассказа. Однако анализируя политический контекст, аудитория может узнать, что произведение, созданное после первой мировой войны, транслирует желание обычных людей в простых жизненных радостях, что кошка является скрытой метафорой к самой лирической героине, желающей также быть спрятанной от всех невзгод и жизненных проблем, прикрытых дождем. Исходя из всего вышесказанного можно смело полагать, что без развития человека нет развития литературы, ровно как и без развития литературного общества нет развития для личности.

Каким же образом на уроках литературы установить контакт между читателями и литературным произведением? Как связать текст и личность?

Основным приемом установления такой коннекции будет являться комплексный анализ литературной работы. Ниже будет приведен перечень заданий, которые могут применяться на уроках литературы для более подробного анализа персонажей и читателей при помощи произведений литературы.

1. Полный экскурс в биографию писателя: временная эпоха, в которой жил писатель, место, чем было ознаменовано и очерчено то время. Социальные проблемы того времени, политические настроения, открытия и свершения. Вся эта информация в дальнейшем анализе может быть применена для установки главных тем произведений писателя, особенностей его стиля, языка, выбора средств выразительности.

2. Погрузиться во время и место действия внутри самого произведения. Отметить характеристики данных пунктов, сравнить, есть ли корреляция с фактической биографией автора.
3. Составить и обсудить список вопросов, значительных для понимания истины и смысла текста. Вопросы могут быть как поверхностными (общее понимание сюжета, описание героев), так и более глубинными (поиск скрытых подтекстов, аллегорий, связь культурно-исторического контекста с сюжетом рассказа, поступками героев)
4. Найти наиболее неоднозначные моменты в произведении и предложить ученикам дискуссию по фрагментам. Данное задание способствует раскрытию собственного мнения читателей, что также может помочь преподавателю оценить уровень вовлеченности студентов в процесс чтения, а студентам – ознакомиться с необычными точками зрения и перспективой на одну и ту же ситуацию.
5. Для развития чувства сострадания и проявления эмпатии можно предложить ученикам представить себя на месте главного лирического героя. Данное задание помогает переключиться на чувства и восприятие других людей, оценить ситуацию с другой стороны. Задания такого типа можно применять на спорных произведениях литературы, вызывающих острую и разноплановую реакцию у читателей. Например, поступок главной героини Анны Карениной в одноименном произведении Льва Толстого всегда вызывает абсолютно полярные мнения. Перестановка человека на место героини, рассказ истории от первого лица может помочь распознать глубинные причины данного рокового поступка и изменить мнение относительно персонажа.
6. Попробовать написать письмо главному лирическому герою произведения. Данная активность может способствовать более тесной связи читателя и мыслей/философии автора, спрятанной за образом героя. Часто через призму письма можно проанализировать истинное отношение читателя к герою, подлинные чувства, которые он испытывает. Все это в дальнейшем может также помочь оценить степень вовлеченности читателя в сюжет и анализ произведения. Более того, такая деятельность раскрывает психологический образ читателя. По эмоциям, которые описывает автор письма, речевым конструкциям, стилю, форме, отношению к написанному можно расписать психологический портрет автора, проанализировать уровень эмоционального интеллекта, эмпатии и проявления сострадания. Можно узнать некоторые черты характера человека, ведь нередко человек подмечает и нацеливается именно на те особенности и характеристики, которыми наполнен он сам.

В заключение отметим, что литературная антропология предстает как междисциплинарная область, объединяющая методы и концепции литературоведения и антропологии для глубокого изучения взаимосвязи между человеком и литературным миром. Она позволяет рассматривать литературу не просто как эстетический объект, но и как культурный артефакт, отражающий и формирующий человеческие ценности, верования и социальные практики.

Исследование литературных текстов через призму антропологии раскрывает, как литература влияет на формирование идентичности, конструирование гендерных ролей, осмысление ритуалов и традиций. В свою очередь, антропологические данные обогащают интерпретацию литературных произведений, позволяя увидеть в них отражение конкретных культурных контекстов и универсальных человеческих стремлений.

Заключение

Взаимосвязь развития человека и литературного мира очевидна: литература, с одной стороны, является продуктом человеческой деятельности, отражением его внутреннего мира и социального опыта, а с другой – оказывает мощное воздействие на формирование личности, мировоззрения и культурной идентичности. Литературная антропология позволяет нам лучше понять эту сложную и многогранную взаимосвязь, открывая новые перспективы для изучения литературы и культуры в целом. Более того, используя приведенные в статье задания, ученики могут наиболее полно окунуться в корреляцию между литературой и внешним развитием человека, лучше понять смысл литературных произведений, а также обменяться своим видением и перспективой с другими учениками. Антропология литературы помогает на глубинном уровне воспринимать литературные работы, видеть больше скрытого смысла, глубже анализировать, казалось бы, привычные и обыденные для читателей произведения.

Список литературы:

1. Литературная антропология в общих терминах // Издательство Анкара URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/2692497#:~:text=The%20field%20of%20literary%20anthropology,%2C%20social%2C%20and%20institutional%20theory> (дата обращения: 10.08.2025).
2. Литературная антропология и поэтика персонажа // Издательство Грамота URL: <https://philology-journal.ru/article/phil20131024/fulltext> (дата обращения: 10.08.2025).
3. Юнг: Символизм, мифология и индивидуация // Киберленинка URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yung-simvolizm-mifologiya-individuatsiya/viewer> (дата обращения: 10.08.2025).

Тарусская средняя общеобразовательная школа № 1 им. героя России М. Г. Ефремова, Таруса, РФ

УДК 82-3

Е. И. Крит
КОНФЛИКТ В РАССКАЗЕ В. ШУКШИНА
«МОЙ ЗЯТЬ УКРАЛ МАШИНУ ДРОВ»

В статье представлен разбор рассказа Василия Шукшина «Мой зять украл машину дров». Анализируются его особенности и содержание. Проводится параллель с другими известными произведениями и устанавливается их взаимосвязь. Особое внимание уделяется анализу героев произведения, разбирается конфликт между ними и отмечаются особенности их поведения в этом конфликте с точки зрения психологии.

Ключевые слова: маленький человек; повод конфликта; причина конфликта; третья сторона конфликта; стили поведения в конфликте; власть; манипуляция; внушение.

E. I. Krit
THE CONFLICT IN V. SHUKSHIN'S STORY
«MY SON-IN-LAW STOLE A FIREWOOD CAR»

The article presents an analysis of Vasily Shukshin's story «My son-in-law stole a firewood car» The features of the story and its content are analyzed. A parallel is drawn with other famous works and their interrelation is established. Special attention is paid to the analysis of the characters of the work, the conflict between them and the peculiarities of their behavior in this conflict are analyzed from the point of view of psychology.

Keywords: little man; cause of conflict; cause of conflict; third party to conflict; styles of behavior in conflict; power; manipulation; suggestion.

Вопрос о специфике характеров и типологии героев занимает особое место в шукшиноведении. Любой подход к анализу творчества В. Шукшина окажется односторонним, если не учитывать такой важной составляющей поэтики, как художественный конфликт. Рассказ В. М. Шукшина «Мой зять украл машину дров» анализирует нравственно-социальные вопросы, нравственно-психологические проблемы, экзистенциальные вопросы, духовные поиски персонажей.

Автор сразу вводит читателя в курс дела одним предложением, в котором уместается главное событие произведения: «Веня Зяблицкий, маленький человек, нервный, стремительный, крупно поскандалил дома с женой и тещей» [7, с. 408]. Однако все детали в нём не переданы. Конфликт назревает и разрешается на фоне нестандартного языка рассказа: в каждом предложении происходит действие, и всё выглядит так, как будто автор записывает либо чей-то пересказ события. На это, например, указывают вводные слова: «В общем, поговорили...», «В тот день Веня, к счастью, не нашёл жену...» [7, с. 410–412]. Кроме того, нет длинных и больших абзацев с описанием каких-либо событий. Они встретятся только в конце при размышлениях главного героя, причём в самый напряжённый момент – на суде после речи обвинения.

Основную часть рассказа занимают диалоги. Речь героев бывает и обрывистая, и полная, но передана со свойственными им чертами характера и живостью. Так, у людей из обывательской жизни речь полна ругани и жаргонизмов (ухайдакала, дармоеды, молокосос, сопляк, курва, сажалка, сожрала) [7, с. 408–410], а речь представительного человека на суде –

красивых фраз (Нет, товарищи, наша гуманность будет именно в том, что сейчас мы не оставим без последствия этот проступок обвиняемого) [7, с. 412].

Но только благодаря этому стилю рассказа, его графической структуре и речам героев удаётся проникнуться происходящим. Кажется, сидишь и слушаешь историю от самого героя. Каждого героя автор раскрывает далеко не сразу, а на протяжении всего произведения. Так, например, происходит с главным действующим лицом – Вениамином, или, как его называет автор, Веней. Взятое имя совершенно не классическое для русских произведений, учитывая ещё и то, что в самом рассказе фигурирует Соня, Лизавета Васильевна, Колька, Михайло.

В первом предложении рассказа автор называет Веню *маленьким человеком*. Это «обозначение довольно разнородных героев, объединенных тем, что они занимают одно из низших мест социальной иерархии и что это обстоятельство определяет их психологию и общественное поведение (приниженность, соединенная с ощущением несправедливости, уязвленной гордостью)» [5, с. 494–495]. Такие герои встречались в произведениях Пушкина, Чехова, Достоевского, Зошенко и других литературных деятелей. Уязвлённая гордость и приниженность ярко видна у Вениамина. А то, что он копил деньги на кожаное пальто и не получил его, является намёком на произведение Н. В. Гоголя «Шинель». В произведении Веня – жертва власти своей тёщи. Хоть и знакомый в деревне всем отроду, прилежный сирота, рабочий, однако он восстаёт против всеми уважаемой Елизаветы Васильевны и проигрывает на суде. Вместе с этим он «одним махом взял и всё перечеркнул: и семью разрушил, и репутация уже не та...» [7, с. 414]. Печальное зрелище, если брать в расчёт то, что всё случилось из-за разбитой женой Вениной мечты – когда-нибудь надеть кожанку и пройтись в выходной день по селу в ней нараспашку. Только если посмотреть шире, можно понять, что дело здесь не просто в какой-то вещи. Необходимо отличать причину возникновения конфликта от его повода. *Поводом конфликта* служит явление, которое способствует его возникновению, но не определяет появление конфликта с необходимостью. В отличие от причины повод возникает случайно и может создаваться совершенно искусственно, как говорят, «на пустом месте». *Причина* же отражает закономерную связь вещей [4]. В рассказе случай с кожанкой – лишь повод к скандалу. А вот его причиной были другие обстоятельства.

Стоит начать с того, что Соня с начала отношений издевалась над Веней: «Вспомнились разом все обиды, какие нанесла ему Соня: как долго не хотела выходить за него, как манежила и изводила у своих ворот». Он её не первый муж, ведь бывший сидит в тюрьме за пьяную драку. На момент скандала у девушки было уже зимнее пальто, но алчность захватила её, и она потратила деньги любимого на шубу самой себе. Когда же супруг начал обвинять её в покупке шубы на его деньги, девушка сразу, словно маленькая, кинулась жаловаться маме, а не просить прощения за свой эгоистичный поступок. В данном случае она выбрала *стиль избегания* своего конфликта с мужем. Он означает, что индивид отстаивает свои права, ни с кем не сотрудничает для выработки решения или уклоняется от решения конфликта. Для этого используются уход от проблемы (выход из комнаты, смена темы и т.д.), игнорирование ее, перекалывание ответственности за решение на другого, отсрочка решения и т.п. [2]. В данном случае Соня перекалывает ответственность решения на мать. После этой крупной ссоры фигура жены в рассказе больше не появляется, а только упоминается другими персонажами. Вениамин очень любил Соню – чего стоит только его горькая боль о её потере в конце произведения. Он готов был её забрать подальше от её матери и

зажить с ней отдельно. Однако тут в силу вступает авторитет Лизаветы Васильевны, которая заправляет всем в доме и против которой Соня ни за что бы не пошла.

При зарождении конфликта женщина, придя защищать дочь, говорит о том, что зятю стоило бы порадоваться за свою супругу, ведь «красивая жена украшает мужа», а ему надо бы об этом подумать – «не красавец». Для действительно некрасивого Вени, который переживал за свой внешний вид, это стало ударом, из-за которого он и обозвал тещу. Тут Соня в последний раз подаёт голос за рассказ – обиженная за мать, она кидает оскорбление в адрес мужа. Так она становится *третьей стороной конфликта*, которая призвана мирно урегулировать конфликт либо по просьбе противоборствующих оппонентов, либо изъявив желание самостоятельно. Третья сторона не может оказывать помощь только одной стороне. В этом случае третья сторона становится участником конфликта [1]. Поэтому в данном случае Соня не способствует ни примирению двух близких людей, ни защите своего супруга, а встаёт на сторону матери. Стоит отметить, что ранее Лизавета Васильевна тоже являлась третьей стороной, которая точно также не стала примирителем.

В ходе острого диалога выясняется, что Лизавета Васильевна была создательницей первых колхозов. У неё ломятся сундуки от разных богатств, однако женщина даже не удосужилась выделить зятю рубаху за его труды и работу. Даже во время войны она не голодала, а вот Вене приходилось с десяти работать, чтобы самому себя содержать, поскольку отец его погиб на войне, а мать умерла от переработки в тех самых колхозах. И вот, ситуация повторяется – вся власть и деньги принадлежат Лизавете Васильевне, она пять лет уже не работает, все её в деревне уважают и доносят сведенья, даже побаиваются. Основной доход в дом приносит зять, отдавая всё до копейки и вкалывая выше нормы, и, несмотря на это, он является ишаком, а не хозяином. А когда терпение мужчины лопаётся и он идёт против крепкой и телом, и нравом тещи, та его списывает со счетов и пытается посадить, как будто желая удержать всё богатство и авторитет в своих руках. При написании заявления в милицию женщина ни разу не упомянула об украденных из государственного леса Веней дровах, которыми она лично пользовалась, что подтверждает её намерения. До этого женщина посадила своего мужа и бывшего мужа Сони. По крайней мере, об этом говорит слух. Однако если бы они получили срок действительно по своей вине без содействия со стороны, стала бы Лизавета Васильевна просиживать свой авторитет впустую? Ведь у неё есть связи со всем районным начальством в округе, с ней считались, так почему же она не уговорила кого-то выпустить обвиняемых? Это единственное подтверждение тому, что женщина и помогла посадить родственников в тюрьму, а теперь хочет посадить и ещё одного за банальное оскорбление.

Власть – это инструмент достижения целей, который можно использовать до бесконечности, стремясь к большим достижениям и подтверждению своего авторитета. И в погоне за господством над всем и вся некоторые люди способны зайти очень далеко. Особенно при отсутствии развитого сочувствия. А ещё подчинение других может вызывать у имеющего власть ощущение приумножения собственных сил вплоть до обожествления себя. В этом случае его нормы поведения искажаются и критическое мышление снижается [1]. Это наглядно показано на поведении Лизаветы Васильевны: она восхваляет себя как первую создательницу колхозов, отрицает в себе какие-то плохие черты, смотрит на зятя сверху вниз и всячески напоминает о его месте. Для сохранения своего спокойствия и авторитета она готова пойти на многое, что видно из её последующих действий.

За первое заявление привлекать человека к уголовной ответственности нельзя, а вот если бы ситуация повторилась и обвиняемый был бы в пьяном виде, всё бы сработало. Тёща настолько загорелась в своей цели, что как будто подсовывает Вени его «не то что дружка – хорошего товарища Кольку Волобуева». На содействие женщины в этом может указывать размышления Вени о её злобе и упоминание черта, который часто фигурирует в рассказе: «Чёрт её знает», «На кой чёрт родиться такой», «Какой к чёрту хозяин». Возможно, что сам чёрт решил помочь Лизавете Васильевне и подшутить над парнем, прямо как в рассказе Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» он украл луну. Как бы там ни было, а всё выходит достаточно благополучно для женщины: зять выпивает вместе с другом и слышит от того совет проучить жену и тещу. Под влиянием прошлых обид и алкоголя Вени идёт домой и заколачивает женщину в уборной. Таким образом, создаются идеальные условия для того, чтобы привлечь его к уголовной ответственности.

Чтобы точно добиться своего, женщина на суде заливается слезами и рассказывает о своих переживаниях и заслугах чуть ли не с визгом. Ей очень хотелось посадить Вению, именно поэтому она использовала *манипуляцию* – способ воздействия на мышление и поведение другого человека с помощью различных приемов, которые позволяют добиться нужного результата. Манипулировать можно разными способами – убеждением, угрозами, обещаниями, лживой информацией и т.д. Очень часто манипуляции носят скрытый характер и не заметны на первый взгляд [8]. В картине, представленной в рассказе, Лизавета Васильевна воспользовалась исполнением роли жертвы. Её манипуляции начались ещё в доме, когда она со слезами просила Вению выпустить её из заточения. Такая крепкая женщина даже всхлипнула, но не принесла никаких извинений, что подтверждает её намерения.

Интересно, что само разбирательство происходило в клубе, становясь тем самым показательным. Это могло быть ещё одним желанием тещи завоевать к себе доверие, выставив себя пострадавшей, а своего зятя – настоящим тираном. Вначале сельчане, несмотря на все комментарии женщины, протестовали против посадки отроду знакомого им парня в тюрьму. Особенно наглядно выступил в адрес защиты Вени Михайло Кузнецов, который явно не был под влиянием власти знакомой чёрта, напротив – он прямо указывал на преувеличение пострадавшей, на то, что никаких заслуг перед обществом у неё на самом деле нет, и никаких трудностей она в жизни не знала. Только вот тут вышла и сторона обвинения в виде представительного мужчины, который прежде никогда не видел Вению. Как бы здесь Михайло Кузнецов не пытался ему противостоять, но тот настаивал на посадке в тюрьму на три года и приводил доказательства, говоря при этом уверенно и воздействуя на публику одной своей манерой поведения. Стоит только вспомнить, какой ужас он нагнал на Вению: «Он так в него всмотрелся, что и теперь, когда его уже не было за столом, видел его как живого: спокойный, умный, веселый... И доказывает, доказывает, доказывает – надо сажать» [7, с. 413]. Одной из сильнейших психологических уловок в споре является *внушение*. Это позволительная уловка, особенно велика ее роль в устном споре. Еще М.В. Ломоносов в своей риторике подчеркивал, что люди статные, дородные внушают доверие. В устном споре привлекает соперник с громким, внушительным голосом, умеющий спокойно рассуждать. Он имеет огромное преимущество перед своим оппонентом. Если человек твердо убежден в своей идее и умеет показать свою «непоколебимость», он импонирует даже противнику, особенно, если у того нет такой убежденности [6]. Именно поэтому с такой непоколебимостью и силой духа Михайло не хватило против объективных рассуждений, да и сам Вени даже ничего

не стал говорить в своё оправдание. Два условных года, которых так добивалась сама власть, были назначены.

Так значит ли это, что Веня на суде с тещей проиграл по воле справедливости? Однозначно сказать про это нельзя. Возможно, что тот представительный мужчина являлся знакомым Лизаветы Васильевны, ведь, как узнаётся в самом конце, он являлся прокурором. Здесь можно предположить, что мужчина тоже использовал манипуляцию, однако это только при условии, если от посадки Вени у него могла быть выгода, например, одобрение от Лизаветы Васильевны или какое-то поощрение. Без его выступления исход всего рассказа мог быть совершенно другим, ведь чаша весов до его слов склонялась на сторону Вени. Но не зря Шукшин уделил столько внимания тому, какой крепкой особой была теща. Её авторитет оставался непоколебимым, и идти против него казалось безрассудным, тем более учитывая судьбы её мужа и бывшего зятя. Однако Вениамин, в своём роде маленький человек, всё-таки решился ей противостоять. Он не стал терпеть издевательства над собой, не стал потакать нуждам двух Киселёвых, и хотя и чувствовал страх, но всё-таки отстаивал свою честь до конца. В примере, который озвучил Михайло, был солдат, поначалу тоже испугавшийся врага, но в итоге он погромил двух огромных фашистов. Этого смельчака Кузнецов и сравнивает с Веней, и это довольно точное сравнение, ведь в конце рассказа Зяблицкий всё равно решается подшутить над прокурором, пугая его до побледнения. При этом Веня не плачет, нет – он, наоборот, смеётся, ведь лицо пассажира показалось ему смешным. Когда же парень остаётся один, ему становится даже спокойней и лучше от своей выходки. Прокурор ожидал, что он запьёт, но он не запил, а как будто зажил, даже выехал рано в рейс, в район. Вчерашнее судилище ему казался просто неприятным, тяжёлым сном.

Разве можно при этом сказать, что он проиграл полностью? Определённо, нет, ведь всё равно на его сторону встали, за него заступились, и его защитник даже поколебал авторитет обвинителя. Веня, не сказав что-то в своё оправдание, сохранил свою гордость. Зачем попусту тратить силы на ту, что играет в сплошные манипуляции и добивается всего простой властью, а не действительно заслуженным доверием и авторитетом? В глазах Лизаветы Васильевны, быть может, зять и остался простым маленьким никчёмным человеком, но на деле это не так. «Горе маленькому человеку, если он, считая себя „не имеющим чести быть знакомым с г. генералом“, не поклонится ему или на балу не уступит места, хотя бы этот маленький человек готовился быть великим человеком!» – писал Белинский [3, с. 486]. В рассказе Шукшина маленький человек показал себя, подал голос, предъявил свои права. Веня потерял семью, потерял репутацию, но разве жизнь в таком контроле и неуважении – это жизнь? Зяблицкий должен быть главой семьи, он должен руководить всем, но не теща. Ему, возможно, следовало пойти другим путём, чтобы доказать свою власть в доме, только вот совет Кольки и влияние алкоголя направили его в другом направлении. И всё же, невзирая на то, что на него смотрят все сверху вниз, он выше обвинивших его людей, пускай он и маленький человек.

При прочтении сцены в суде вспоминается роман Харпер Ли «Убить пересмешника». При словах защиты и обвинения простые слушатели в зале суда были точно так же сбиты с толку манипуляциями жертвы – слезами, её словами, криками. Власть была у тех, кто имел эту власть, – присяжных. Они решили судьбу обвиняемого несправедливо и так, как хотелось им, и никто им не мог возразить: «Есть в нашей жизни что-то такое, от чего люди теряют облик человеческий: они бы и хотели быть справедливыми, да не могут» [9, с. 325]. Однако маленький шаг для защиты чёрных смог посеять сомнения в народе и поменять

взгляды людей на текущее положение дел: «На суде я окончательно доказал, что ни одному его слову верить нельзя, если ему до этого хоть кто-нибудь верил» [9, с. 322], «Это один только шаг, крохотный, младенческий, а всё-таки шаг вперёд» [9, с. 319]. Так, возможно, случилось бы и в продолжении рассказа, если бы оно было – народ мог бы усомниться в авторитете Лизаветы Васильевны и со временем перестать ей помыкать. А если бы прокурор посмотрел на дело под другим углом и видел бы в Лизавете Васильевне только жертву, возможно, и Вене дали бы другой приговор, а не назначили бы срок.

Казалось бы, эта история – простая домашняя склока, на которую даже милиция не стала обращать внимания до суда. Однако в любом конфликте и рассказе кроится нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Почему Лизавета Васильевна стала участвовать в таком диком деле? Потому что хотела сохранить свой авторитет, поставить на место Веню за его оскорбление, ведь она – создательница колхозов, и, по мнению зятя, была всегда злая, и остаётся злой. Вениамину было просто обидно за самого себя – сколько денег он отдаёт женщинам, а остаётся простым тружеником без права голоса. Оба участника конфликта при этом не пошли на *компромисс*, не участвовали активно в разрешении конфликта и не старались сотрудничать друг с другом. Однако они отстаивали в первую очередь свои интересы и не приносили их в жертву, что говорит об отрицании *стиля приспособления* и активном использовании *стиля конкуренции (соперничества)* [2]. Веня не решился идти на сотрудничество с самого начала, да и Лизавета Васильевна и вовсе не думала о примирении. Только один раз она сыграла жертву при заточении, вроде пытаюсь как-то упросить зятя отступить от своих целей, но затем снова принялась за нападение. Хотелось бы ей компромисса – она бы отказалась от суда и попробовала сама поговорить с мужем дочери. Однако женщина продолжила думать только о своих интересах, не заботясь о судьбе зятя.

В заключение хочется сказать, что Веня не потерял Соню – скорее, он избавился от гнёта её семьи. Теперь даже при сроке мужчина может быть вполне спокоен и счастлив вдали от людей. Он принял свой исход без истерик, ведь является маленьким, но стремительным человеком, который смог украсть машину дров.

Список литературы:

1. Акинина К. О. Роль третьей стороны в конфликте // Скиф. 2021. №7 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-tretiey-storony-v-konflikte> (дата обращения: 30.06.2025).
2. Багаева В. В. Стратегии поведения в конфликте // СТЭЖ. 2015. №1 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-povedeniya-v-konflikte> (дата обращения: 30.06.2025).
3. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 3. Статьи и рецензии. Пятидесятилетний дядюшка. 1839–1840. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 420–486;
4. Конфликты: избегать или форсировать? всё о конфликтных ситуациях на работе, в бизнесе и личной жизни / Д. А. Шевчук. М.: ГроссМедиа: Российский Бухгалтер, 2009. 438 с.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / редкол.: А. Н. Николюкин (гл. ред.) [и др.]; РАН, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. М.: Интелвак, 2001. 1596 с. Имен. указ.: с. 1277–1483. Предм. указ.: с. 1484–1595.
6. Неклюдов В. Д. Искусство спора // Вестник БГУ. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvo-spora> (дата обращения: 30.06.2025).

7. Полное собрание рассказов в одном томе: рассказы / Василий Шукшин; [отв. ред.: Н. Розман]. М.: Эксмо, 2012. 941 с. (Полное собрание сочинений).
8. Шевцевленко С. И., Бенелли Л. Н., Скрипачева Е. Н., Казначеева А. А. Подходы к пониманию термина «Манипуляция» в отечественной и зарубежной психологии // Вестник Московского информационно-технологического университета, Московского архитектурно-строительного института. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-ponimaniyu-termina-manipulyatsiya-v-otchestvennoy-i-zarubezhnoy-psihologii> (дата обращения: 30.06.2025).
9. Убить пересмешника...: [роман] / Харпер Ли; [пер. с англ. Н. Галь, Р. Облонской]. М.: Издательство АСТ, 2019. 416 с. (Эксклюзивная классика).
10. Алиса Лахтина. Как власть влияет на людей [Электронный ресурс] // skillbox.ru образовательная платформа с онлайн-курсами. 2015. URL: <https://skillbox.ru/media/growth/how-does-power-affect-people> (дата обращения: 30.06.2025).

МБОУ СОШ № 21 г. Калуги, Калуга, РФ

УДК 82

И. В. Ксенофонов
«...И БУДЕТ КАРТОЧКА ПЫЛИТЬСЯ...» (ПЕСНЯ-НЕКРОЛОГ В ПОЭЗИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

В статье исследуются жанровые черты песни-некролога, формы песенной необрядовой лирики, получившей широкое распространение в годы Великой Отечественной войны. В центре внимания – история возникновения и бытования жанра а также причины вариативного характера военных песен. В статье анализируются сублимирующие формы отражения реальности, проявившиеся во фронтовой лирике, запечатлевшей героические события военной поры.

Ключевые слова: песня-некролог; мотив смерти; вариативный характер; сублимация.

I. V. Ksenofontov
«...AND THE CARD WILL GATHER DUST...» (AN OBITUARY SONG
IN THE POETRY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR)

This article explores the genre characteristics of the obituary song, a form of non-ritual lyric poetry that became widespread during the Great Patriotic War. It focuses on the history of the genre's origins and development, as well as the reasons for the variable nature of war songs. The article analyzes the subliminal forms of reflecting reality that emerged in frontline lyrics capturing the heroic events of the war.

Keywords: obituary song; death motif; variable nature; sublimation.

Поиск смысла жизни, обращенность к личности, стремление к свободе внутренней и внешней – главные темы культуры XX века. «Мир вступил в античеловеческую эпоху, характеризующуюся процессом дегуманизации. Но трагический опыт ... истории подготавливает совершенно новую эпоху в судьбах человека. То, что происходит на поверхности истории, не может пошатнуть веры в творческое призвание человека, связанное с метафизическими глубинами», – писал Н.А. Бердяев в своей работе «Самопознание» [2, с. 410]. Опираясь на это высказывание, можно предположить, что в XX веке произошёл кризис в отношениях человека и культуры, которая часто превращается в жёсткую схему, заставляющую следовать её установкам. Однако страдания могут подтолкнуть человека к искусству, обращенному к пограничным состояниям. По мнению Н.А. Бердяева, главной причиной одиночества человека и его незащищенности является зависимость от объективированной среды, суть которой – конечность, тлен: «Тоска, в сущности, всегда есть тоска по вечности, невозможность примириться со временем... Время есть тоска, неутоленность, смертоносность» [2, с. 348].

Поэзия войны всегда тесно связана с понятиями бытия и небытия. Применительно к фронтовой лирике можно привести определение, данное А.Я. Гуревичем: «Время мыслится в качестве чистой длительности, необратимой последовательности протекания событий через прошлое в настоящее и будущее. Человек не рождается с чувством времени...» [3, с. 43]. Это понятие времени постоянно пересекается с понятием смерти, и данный мотив для военной лирики чрезвычайно важен. М. Хайдеггер писал об этом так: «...Наше присутствие по самой своей сути состоит в отношении к сущему, каким оно и не является и каким оно само

является, в качестве такового присутствия оно всегда происходит из заранее уже приоткрывшегося Ничто. Человеческое присутствие означает выдвинутость в Ничто» [6, с. 22].

Безусловно, мотивы смерти и посмертного существования повсеместно присутствуют в текстах многих песен периода Великой Отечественной войны. Известный учёный-фольклорист В.П. Аникин назвал принципы художественного отражения реальности в фольклоре искусством художественных сублимаций, говоря: «...фольклорное искусство в процессе осознания фактов минует стадию правдоподобия, переходит на уровень столь широкого обобщения, что правдоподобие становится для него обременяющим моментом. Здесь нет обязательного отражения жизни в форме самой жизни, допускается условность» [1, с. 196]. Другими словами, фольклорный творец, воссоздавая реальную жизнь, преображает её в духе своего идеала.

Сублимирующие формы отражения реальности особенно ярко проявляются в песнях периода Великой Отечественной войны, характерной особенностью которых является типизация образов, условность, широта обобщения, собирательность образ героя, защитника родной земли. Это делает песню близкой и понятной и тем, кто сражается с врагом, и тем, кто ждёт родных и близких с фронта. Песни военных лет не только несут в себе информацию, связанную с тем или иным событием на фронте, но и свидетельствуют об эмоционально-психологическом восприятии действительности её создателями. Они передают мысли людей, объединившихся в стремлении победить врага. Обращаясь к чувствам, песня сближается с переживаниями бесчисленного количества людей и обретает особенный тип жизненных обобщений: фронтовики открывают в услышанной песне будто только им предназначенное заветное слово и про их жизнь, и про битву с врагом и про смерть, которая становится обыденным явлением. Присутствие искренних непосредственных чувств участников событий придаёт песням высокую степень сублимации. Особенно ярко это проявляется в песнях-некрологах, лирическом жанре, тематически развивающем мотив смерти. Песни-некрологи, как правило, содержат элементы биографии умершего или погибшего, сообщают о том, где и как он воевал, о его достижениях, наградах. Часто в такой песне сообщается о причине смерти, месте похорон. Завершается некролог обычно прощальными словами, выражением скорби по погибшему, причём сама его гибель осознаётся как высокая миссия защитника Родины. Ярким примером этого жанра можно считать песню, начинающуюся словами «На поле танки грохотали...».

Простая распевная мелодия, проникновенный текст и медленно-торжественный ритм сделали её одной из любимых военных песен. Её действительно можно назвать народной, и не только благодаря огромной популярности, но и потому, что нигде нет упоминания ни о её композиторе, ни об авторе слов. Её мелодия позаимствована у старой шахтёрской «Песни о коногоне», известной как минимум с начала XX века. Официально она впервые прозвучала в фильме режиссёра Л. Лукова «Большая жизнь» (1939 г.). На самом деле у этой песни есть несчётное количество куплетов (в распространённых версиях – до 25), насыщенных шахтёрским жаргоном, но в фильме звучат только три:

Гудки тревожно загудели,
Народ бежит густой толпой.
А молодого коногона
Несут с разбитой головой.
Прощай, Маруся плитовая,

И ты, братишка стволовой.
Тебя я больше не увижу –
Лежу с разбитой головой.
Ах, то был ярый коногонщик,
Я ухажёлочка твоя,
Тебя убило здесь на шахте,
А я осталася одна.

Само происхождение этой песни часто связывают с традицией то трудовых, то даже казачьих песен, но нам показалось интересным обращение к стихотворению поэта Н.Н. Минаева «На поле боя», написанному в 1915 году:

Туман окутал поле боя,
Ночь прилегла на грудь земли,
И звезды – вестники покоя –
Свои светильники зажгли.
И под покровом влажной ночи,
В глубокий сон погружены,
Лежат, смежив навеки очи,
Отчизны верные сыны.
Весна баюкает их сказкой,
Благоухают им цветы,
И ветер освежает лаской
Их утомленные черты.
Когда же ясен и спокоен
Затеplit день востока нить, –
Сойдет с небес крылатый воин,
Чтоб павших сон благословить.
[5, с. 41].

В данном произведении поэта, считавшего себя акмеистом, явно звучит гумилёвская интонация, однако проявляется и собственный голос. Нам особенно любопытны первая и завершающая произведение строки, в которых сначала локализуется, а потом обобщается гибель «отчизны верных сынов». Учитывая, что при жизни Минаева его стихотворение не было напечатано, мы можем предположить, что на фронте оно получило распространение именно по законам фольклорного жанра. Разумеется, при отсутствии свидетельств нельзя утверждать, что оно повлияло на возникновение песни «По полю танки грохотали», но и стихотворный размер, и образная система, и смысловое наполнение этих произведений очень близки.

Что касается фронтового варианта текста на мотив «Песни о коногоне», то он впервые был напечатан в сборнике военной лирики 1947 года под названием «По полю танки грохотали» [7, с. 54]. Несмотря на заглавие в нём не упоминаются ни танки, ни танкисты, так как песня рассказывает о судьбе одесского моряка:

По полю танки грохотали,
Братишки шли в последний бой,
А молодого краснофлотца
Несли с разбитой головой.
Прощай, Одесса, мать родная,
Прощай, корабль мой боевой!
К тебе я больше не вернусь –
Лежу с разбитой головой.
Я так любил тебя, Одесса,
Тебя я грудью защищал,
И за тебя, любимый город,
Жизнь молодую я отдал.
Недолго будешь ты томиться
В руках заклятого врага,
Ведь черноморские матросы
Не зря прославили себя.
Чего ж вы, девушки, боитесь
Шинели черного сукна,
Под нею с жизнью растает
Душа героя-морьяка.

Здесь, как и в пратексте, звучит голос умирающего или даже уже умершего героя, что позволяет говорить о сублимирующем эффекте. Прекращение жизни осознаётся как вклад в победу над захватчиками и необходимое условие освобождение родного города от «заклятого врага». Именно этот эффект, скорее всего, определяет широкое распространение песни по всем фронтам и даже за их пределами. Известна, например, её партизанская версия:

Мы шли на дело ночью темной
Громить коварного врага,
Кипели злобой неумной,
Нам жизнь была недорога.
Подкрались к вражескому стану,
Команда подана «Вперед!»
Залился песнею веселой
Наш друг «максимка» – пулемет.
В смертельной схватке враг проклятый
Бежал куда глаза глядят,
Вдогонку залп последний грянул –
Влетел в деревню наш отряд.
Свистели пули, ветер злился,
Кругом кипел кровавый бой,
Товарищ мой вдруг повалился,
Сраженный пулей роковой.
Прощай, товарищ, храбрый воин –
Пусть пронесется злой буран.

Высокой чести ты достоин,
Отважный брянский партизан. [8]

Здесь уже не звучит голос погибшего, но торжественный пафос песни определяется самим фактом смерти того, кто достоин «высокой чести» быть победителем в «смертельной схватке» с врагом.

Говоря о «танковом» варианте песни, следует заметить, что наиболее старый из дошедших до нас документально зафиксированных вариантов той самой песни о танкистах приведён в повести Виктора Курочкина «На войне как на войне», написанной в 1965 г. Только вот строк «На поле танки грохотали...», ставших названием песни, в ней нет, о чём свидетельствует следующее повествование:

«Осторожно, тщательно выговаривая слова, запел Щербак на мотив шахтерской песни о молодом коногоне:

Моторы пламенем пылают,
А башню лижут языки.
Судьбы я вызов принимаю
С ее пожатием руки.

На повторе Щербака поддержали наводчик с заряжающим. Домешек – резко и крикливо, Бянкин, наоборот, – очень мягко и очень грустно. Это была любимая песня танкистов и самоходчиков. Ее пели и когда было весело, и так просто, от нечего делать, но чаще, когда было невольно тоскливо. Второй куплет:

Нас извлекут из-под обломков,
Поднимут на руки каркас,
И залпы башенных орудий
В последний путь проводят нас, –

начал Бянкин высоким тенорком и закончил звенящим фальцетом» [4, 78].

Далее в песне самоходчиков звучат такие слова:

И полетят тут телеграммы
К родным, знакомым известить,
Что сын их больше не вернется
И не приедет погостить...
В углу заплачет мать-старушка,
Слезу рукой смахнет отец,
И дорогая не узнает,
Какой танкиста был конец.

И будет карточка пылиться
На полке позабытых книг,
В танкистской форме, при погонах,
А он ей больше не жених.

Прощай, Маруся дорогая,
И ты, КВ, братишка мой,
Тебя я больше не увижу,
Лежу с разбитой головой... [4, 79]

Широкая популярность этого варианта во многом объясняется её искренним исполнением актёрами, сыгравшими роли экипажа самоходного орудия в одноимённом фильме, снятом режиссёром В. Третьяковым в 1968 году. В процессе бытования, казалось бы, нормативного варианта в последующие годы возникло много версий. Например, вместо строки «И полетят тут телеграммы» пелось «И похоронка понесётся», что хорошо рифмуется со строкой «Что сын их больше не вернётся», а вместо «В углу заплачет мать-старушка» было «И мать от горя зарыдает» (созвучно с – «И дорогая не узнает»). Вариативный характер часто объяснялся вполне объективными причинами. Например, строка «В танкистской форме, при петлицах», которая хорошо рифмовалась со строкой «И будет карточка пылиться», порой исчезает, и вместо неё появляется стих «В танкистской форме, при погонах». И действительно, Строевой Устав 1943 года, вводивший ношение новых знаков отличия, формировал в массовом сознании иной образ солдата-победителя, который даже своей гибелью утверждает торжество Победы.

При этом отдельные фактические неточности (моторы танка не могут «пылать», так как и у САУ, и у знаменитой «тридцатьчетвёрки» мотор всего один, да и «залпы башенных орудий» велись из одного ствола) только придают песне эпический размах и определяют осознание трагедии гибели танкиста как исполнение высокой миссии защитника Родины.

Многочисленные варианты песен были скомпилированы певцом Сергеем Чиграковым («Чижом»), который на концертах исполняет, на данный момент, наиболее устойчивую версию:

На поле танки грохотали,
Солдаты шли в последний бой,
А молодого командира
Несли с пробитой головой.

По танку вдарила болванка,
Прощай родимый экипаж.
Четыре трупа возле танка
Дополняют утренний пейзаж.

Машина пламенем объята,
Вот вот рванёт боекомплект
А жить так хочется ребята.
И вылезать уж мочи нет.

Нас извлекут из под обломков,
Поднимут на руки каркас
И залпы башенных орудий
В последний путь проводят нас.
И полетят тут телеграммы
Родных и близких известить,
Что сын Ваш больше не вернётся

И не приедет погостить.
В углу заплачет мать старушка
Смахнет слезу старик отец.
И молодая не узнает,
Какой у парня был конец.
И будет карточка пылиться
На полке пожелтевших книг.
В военной форме, при погонах,
И ей он больше не жених.

В данном примере обстоятельства гибели героя не просто сублимируются в соответствии с реальными боевыми условиями, в которых приходилось действовать данному роду войск – они превращаются в способ обобщения темы смерти на войне. Погибший экипаж боевой машины, исполнив воинский долг, словно уходит в высший мир, и к родным долетают лишь весточки о том, что их больше нет. Горе старых родителей и молодой жены словно утверждает высоту и трагизм судьбы каждого из бойцов, а сама смерть становится легендарной. В песне происходит обобщение с высоким уровнем типизации, когда она, утратив связь с конкретным лицом лицом, живет как песня о безымянном герое. То есть именно она, а не пылящаяся на фоне пожелтевших книг карточка, становится знаком продолжения бытия погибшего среди живых.

Подводя итоги, следует заметить, что фронтовые песни-некрологи противопоставлены официальному искусству, выводя на первый план образ личности человека, становящегося на войне героем и отдающего свою жизнь во имя Родины. Песня реализует каноны некролога двояко: с одной стороны, в ней констатируется смерть героя, с другой – утверждается его право на бессмертие и долгую память. Они лишены официоза и звучат как искреннее воплощение горя. При этом в них происходит отход от конкретности и перевод художественных обобщений на ступень универсализма, что и делает их подлинно народными.

Список литературы:

1. Аникин В. П. Русский фольклор: учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1987.
2. Бердяев Н. А. Самопознание. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998.
3. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984.
4. Курочкин В. А. На войне как на войне: Повести и рассказы. М.: Современник, 1979.
5. Минаев Николай. Нежнее неба. Собрание стихотворений. М.: «Водолей», 2014.
6. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М., 1993.
7. Сборник военной лирики. М.: Библиотечка журнала «Советский воин», 1947.
8. Фольклорные песни брянских партизан. Интернет-источник: Архив сайта Администрации Брянской области 2002–2013 / Брянская область / История / «Партизанская республика» (дата обращения 15.05.2025).

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 821.161.1

М. А. Кучерова
ДУХОВНО-СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС ЭПОХИ В РЕЦЕПЦИИ
Л. Н. ТОЛСТОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «ЮНОСТЬ»)¹

В статье исследуется повесть Л. Н. Толстого «Юность» как завершающая часть автобиографической трилогии, раскрывающая не только процесс взросления главного героя Николеньки Иртеньева, но и общественные противоречия 1840–1850-х годов. Особое внимание уделяется социальной проблематике: критике крепостничества, сословных предрассудков, лицемерия светской среды и формализма в образовании и религии. Через анализ ключевых эпизодов показывается, как Толстой разоблачает нравственные «заблуждения» героя и его среды. Подчеркивается, что «Юность» – не просто история личного становления, но художественное осмысление общественных противоречий эпохи, предвосхищающее поздние произведения Толстого.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; биографическая трилогия; кризис дворянства; светское общество; культурно-исторический контекст.

М. А. Kucherova
THE SPIRITUAL AND SOCIAL CRISIS OF THE EPOCH IN THE RECEPTION
OF LEO TOLSTOY (BASED ON THE STORY «YOUTH»)

The article examines Leo Tolstoy's novella «Youth» as the final part of an autobiographical trilogy that reveals not only the growing up process of the main character Nikolienka Irtenyev, but also the social contradictions of the 1840s and 1850s. Special attention is paid to social issues: criticism of serfdom, class prejudice, hypocrisy of the secular environment and formalism in education and religion. Through the analysis of key episodes, it is shown how Tolstoy exposes the moral «misconceptions» of the hero and his environment. It is emphasized that «Youth» is not just a story of personal formation, but an artistic interpretation of the social contradictions of the era, anticipating Tolstoy's later works.

Keywords: L. N. Tolstoy; biographical trilogy; the crisis of the nobility; secular society; cultural and historical context.

Одна из дневниковых записей, сделанная Л. Н. Толстым в ноябре 1852 года по мере осмысления идейного содержания первого литературного произведения, гласит: «Четыре эпохи жизни составят мой роман до Тифлиса... И как роман человека умного, чувствительного и заблудившегося, он будет поучителен...» [6, с. 150–151]. Соответственно, автобиографическая трилогия, в основу которой впоследствии легли наброски «Четырех эпох развития» изначально задумывалась не просто как произведение о формировании человеческой личности, но как произведение критической направленности, вскрывающее «корни

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20226 «Контексты биографической трилогии Л. Н. Толстого: XXI век», <https://rscf.ru/project/25-28-20226/>

“заблуждений” своего героя» и обнаруживающее «то, что препятствовало развитию его богатых от природы нравственных и умственных способностей» [2, с. 24].

В отличие от предшествующих повестей трилогии, сосредоточенных в большей степени на тех впечатлениях, которые складывали мировосприятие героя в домашнем кругу, в юности Николенька оказывается в более широкой социальной среде (обучение в университете, новые знакомства и кумиры, визиты к представителям знати и т.д.), непосредственно оказывающей влияние на формирование его мировоззрения. Именно в «Юности» заостряется социальная проблематика, в связи с чем для правдоподобного и критического изображения общественных противоречий 1840–1850-х годов становится необходимым обращение к реалиям российской действительности. Более того, сама трилогия становится художественным воплощением тех ключевых проблем общественного устройства, которые волновали Толстого в указанный период и которые в той или иной мере отражены в дневниках писателя. По справедливому замечанию Е. Н. Купреяновой, «переход от дневниковой формы самонаблюдения и самоанализа к развернутому изображению сложного процесса своего духовного развития... вывел его [Толстого] на путь широких художественных обобщений» [2, с. 23]. Так, посредством типизации отрицательных сторон нравственного развития представителя высшего общества Толстой показывает многие «заблуждения», в которых оказывается молодой человек из дворянской среды по мере своего становления.

Одной из центральных общественных проблем, нашедших художественное воплощение в повести, является проблема социального неравенства. Несмотря на то, что представители передовой демократической мысли требовали решительных действий в отношении отрицания крепостничества, воспитанный в патриархальной семье молодой Толстой еще не осознавал истинных причин бедственного положения крестьян. Тем не менее, уже тогда вслед за Н. В. Гоголем, видевшем основной причиной общественного «нестроения» в духовной деградации помещичьего дворянства Толстой ставит акцент на тех отрицательных качествах представителей высшего света, которые мешали им «заботиться не только о материальном, но и о нравственном состоянии крестьян» [4, с. 383]. Примечательно, что еще в конце 1840-х годов Толстой, составляя подробный комментарий к Наказу Екатерины II, оставляет следующее замечание: «В заключении о дворянстве она [Екатерина II] говорит, что пользоваться славой и почестями имеют право те, которых предки достойны были славы и почестей. – После басни Крылова о гусях против этой ложной мысли ничего больше сказать нельзя...» [6, с. 22]. Уже тогда, почти за десять лет до выхода в свет «Юности», Толстой иронизирует над формальными, мнимыми достоинствами господствующего класса. Отсюда и специфика его философских представлений, «основанных на идеях просветительства... актуализирующих проблему нравственного воспитания человека как пути духовного возрождения человека» [1, с. 6].

В «Юности» же даже самые достойные представители большого света подчас оказываются неспособны преодолеть социальные предрассудки. Показательной в этом отношении становится сцена унижения князем Дмитрием Нехлюдовым своего слуги Василия. Ведомый дурным расположением духа вследствие физического недомогания Дмитрий «...из всех сил несколько раз ударил по голове кулаком Васюку...» [5, с. 221]. Несмотря на то, что Нехлюдов изображается и как совершенство через призму восприятия Николеньки, и как объективный образец для подражания во многих аспектах, в том числе в доброте к людям, ему оказывается не чужда жестокость по отношению к представителям более низших социальных сословий. При этом и Дмитрий, и Николенька, ставший свидетелем упомянутой

сцены, осознают бесчеловечность подобного поведения. Так, осмыслив низость своего поступка, Дмитрий долго и усердно молится, а его размышления полны сожаления о содеянном: «...я знаю и чувствую, что я дурен, и Бог видит, как я желаю и прошу его, чтоб он сделал меня лучше; но что ж мне делать, ежели у меня такой несчастный, отвратительный характер?» [5, с. 221]. Примечательно, что в последней фразе констатируется беспомощность перед обстоятельствами: князь как бы снимает с себя ответственность за совершение безнравственного поступка. Именно такая беспомощность является характеристической чертой представителей дворянства, находящихся в положении между стыдом за низость подобного общественного устройства и собственным бездействием.

Тем не менее следует отметить, что приведенная автохарактеристика Нехлюдова не в полной мере ему соответствует. Именно стремление относиться ко всем с равной добротой вне зависимости от социальной принадлежности и материальной состоятельности составляет одно из ключевых отличий Нехлюдовых от других дворян, образы которых представлены в произведении, в том числе Николеньки Иртеньева. Достаточно вспомнить, что Варенька, младшая сестра Дмитрия, еще будучи ребенком, «отдала без позволения все свои платья и башмаки крестьянским детям» [5, с. 257]. Кроме того, сам Дмитрий с радушием принимает в гостях «...оборванного, грязного, необразованного» студента Безобедова [5, с. 259], который вызывает презрение и отвращение у Николеньки, попавшего под влияние окружающей среды и убежденного в том, что неблаговоспитанные люди недостойны внимания благовоспитанных. В показательной ссоре с Нехлюдовым, произошедшей именно на почве различного восприятия социальных барьеров, Николенька ему замечает: «Как я уверен, ... тебе несносен этот Безобедов так же, как и мне, потому что он глуп и Бог знает что такое...» [5, с. 260], на что, к его удивлению, получает отрицательный ответ Дмитрия.

Неготовность представителей дворянства к решительным действиям даже с учетом осознания социальной несправедливости в большей мере отражено в поступках Николеньки. Так, например, в главе «Мечты» молодой человек демонстрирует свою сознательность: «Буду каждое воскресенье ходить непременно в церковь, и еще после целый час читать Евангелие, потом из беленькой, которую я буду получать каждый месяц, когда поступлю в университет, непременно два с полтиной... буду отдавать бедным...»; «...человека же ничего для себя не буду заставлять делать. Ведь он такой же, как и я»; «...а ежели мне дадут дрожки, то продам их и деньги эти отложу тоже на бедных...» [Толстой 2000: 157]. Однако, как читатель узнает впоследствии, продвигаясь вглубь сюжета повести, ни одно из своих первоначальных намерений Николенька так и не осуществляет, продолжая «мечтать и ничего не делать» [5, с. 156].

Более того, попав под негативное влияние светского окружения, Николенька не только забывает о своих благородных мечтах, но и движется в прямо противоположную сторону, тратя деньги на дорогостоящие и бессмысленные увлечения (покупка статусных вещей, курение, кутежи, балы и т.п.). Причем нарочитое подчеркивание Николенькой своего социального превосходства во взаимоотношениях с представителями различных сословий пропорционально степени этого влияния на его мировоззрение. Вследствие подобного заблуждения в душе Николеньки смещаются приоритеты, и он «проваливается», причем не только в плане обучения в университете, но и в нравственном отношении. Так, если в начале повести он лишь внутренне возмущается вольности гимназистов в обращении с ним («...я считал себя гораздо выше этих гимназистов и полагал, что они не должны были позволять себе со мною такой фамильярности» [5, с. 172–173]) и ведет себя довольно скромно, то в конце

произведения он открыто насмехается над ними, демонстрируя собственные снобизм, грубость и невежество («Я сел на лавку в той стороне, где сидели князья, графы и бароны, стал разговаривать с ними по-французски... Я хладнокровно смотрел на тех, которые подходили экзаменоваться, и даже позволял себе подтрунивать над некоторыми» [5, с. 274]).

Та же «барская снисходительность» проявляется в поведении Николеньки и по отношению к Иленьке Грапу, сыну бедного иностранца («...мне было несколько неприятно, что он такой же студент, как и я...» [5, с. 192]), и по отношению к тем студентам, которые обучаются за счет государства (казеннокоштным), а не за счет собственных денежных средств: «...я начинаю убеждаться в том, что все казенные воспитанники, может, и очень учены, но они для меня... совсем не то, *ce ne sont pas des gens comme il faut* [это люди неблаговоспитанные]...» [5, с. 248]. И в целом, стремясь в художественной форме воплотить кризис дворянской идентичности, Толстой иронизирует над искусственностью светских норм. Например, в сцене визита Николеньки к Корнаковым молодому человеку приходится следовать правилам светского поведения, фальшь которых осознается самим героем: «С четверть часа эта княжна занимала меня разговором весьма свободно... Но уж слишком заметно было, что она занимает меня, и поэтому она мне не понравилась» [5, с. 197]. Тем сильнее оказывается впечатление, которое производят на него искренние взаимоотношения между Нехлюдовыми: «...было приятно видеть настоящие отношения этого семейства, выказывающиеся вследствие спора...» [5, с. 214]. Именно к этому семейству, заостряющему внимание не на преградах между социальными сословиями, а на нравственных человеческих качествах Николенька в действительности испытывает расположение.

Контраст между светским обществом и представителями семейства Нехлюдовых обнаруживается и в характере организации досуга. Кутежи, карточные игры, балы подаются как бессмысленная трата времени, свидетельствующая о пустоте светских развлечений. Примечательным в этом отношении оказывается отказ Дмитрия Нехлюдова следовать моде: он не курит, не играет в карты, не рассказывает, в отличие, например, от Дубкова, о кутежах, отдавая предпочтение совершенствованию умственных способностей.

Кроме того, взаимоотношения между студентами, представителями высшего общества, зиждутся исключительно на искусственности друг перед другом («...все только почему-то считали необходимым притворяться...» [5, с. 255]), тогда как дружеские отношения между студентами-демократами, общество которых Николенька первоначально презирал, т.к. они не соответствовали его пониманию «благовоспитанных» людей, существуют в действительности. Показателен в данном случае эпизод коллективной поддержки, которую Зухин, Оперов и другие студенты, в числе которых оказывается и Николенька, оказывают Семенову, из-за нехватки денежных средств попавшего в рекруты. Тронутый искренними переживаниями студентов о своем товарище Николенька, в сущности, беззлобный молодой человек, заблудившийся под воздействием окружающей среды, замечает: «...мне так приятно было знать себя участвующим в общем товарищеском деле...» [5, с. 272].

Собственно, поиск духовных ориентиров в условиях разрушения традиционных патриархальных ценностей составляет идейное ядро произведения. Выявление несовершенств образовательной системы, формализации религии, пренебрежение к нравственным идеалам, т.е. «не только социальные условия, но и духовная часть человеческого существования» [3, с. 23] оказываются в центре внимания Толстого уже в начале его творческого пути и находят художественное воплощение в «Юности». В контексте общественных дискуссий о необходимости реформ в сфере образования Толстой осуждает «казенщину» и формализм,

изображая обучение Николеньки в университете как личное разочарование героя. Так, уже на вступительном испытании Николенька сталкивается с несправедливостью, пристрастностью и протекционизмом: поступающих оценивают не столько по знаниям, сколько по степени их «благовоспитанности». Возвышенные ожидания Николеньки в период обучения также не были оправданы: «...меня поразило то, что профессор начал лекцию вводной фразой, в которой, по моему мнению, не было никакого толка. Я хотел, чтобы лекция от начала до конца была такая умная, чтобы из нее нельзя было выкинуть и нельзя было к ней прибавить ни одного слова...» [5, с. 247]. Это разочарование впоследствии сказалось на мотивации к обучению в целом, в том числе на расстановке Николенькой приоритетов – предпочтении дурных привычек знаниям.

Избыточный формализм проникает и в религиозную сферу: в поведении Николеньки наглядно отражается противостояние подлинной веры и религии как обряда. Так, Николенька забывает на исповеди об одном из грехов и искренне переживает об этом: «Слова молитвы перед исповедью вспомнились мне и не переставая звучали у меня в ушах. Все мое спокойствие мгновенно исчезло... Долго я ворочался с боку на бок, ...ожидая Божьего наказания» [5, с. 164–166]. В то же время и подготовка к исповеди («...причесал волосы кверху, что, по моему убеждению, давало мне задумчивый вид» [5, с. 163]), и самодовольство вследствие очищения от всех грехов свидетельствуют об отсутствии веры как таковой. Показателен в этом отношении фрагмент, в котором Николенька признается: «...я уже думал о том, как теперь духовник... думает, что такой прекрасной души молодого человека, как я, он никогда не встречал в жизни, да и не встретит, что даже и не бывает подобных» [5, с. 168].

Таким образом, в повести «Юность» Толстой мастерски изображает процесс нравственного становления личности, одновременно вскрывая острые общественные проблемы эпохи. Николенька Иртеньев, проходя через череду разочарований, заблуждений и внутренних кризисов, постепенно осознаёт ложность светских идеалов, формализм образовательной системы и губительность сословных предрассудков. Однако его путь к самопознанию остаётся незавершённым – герой лишь на пороге истинного прозрения, которое, как показывает дальнейшее творчество Толстого, возможно лишь через отказ от эгоистических устремлений и искреннее стремление к нравственному совершенству.

Через изображение нравственных исканий Николеньки, через сатирическое изображение светского общества Толстой демонстрирует, что подлинная зрелость заключается не в следовании условностям, а в осознании ответственности перед собой и окружающими. «Юность» становится не только историей взросления одного человека, но и художественным исследованием кризиса целого сословия, стоящего на пороге глобальных социальных перемен.

Список литературы:

1. Васильева Е. Ю. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Л. Н. Толстого. Автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. Томск, 2006. 25 с.
2. Купреянова Е. Н. Молодой Толстой. Тула: Тульское книжное издательство, 1956. 216 с.
3. Ланская О. В. Пространство и время в повести Л. Н. Толстого «Юность» // Русская словесность, 2013. №4. С. 23–29.
4. Толстой Л. Н. Воспоминания // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 34. Произведения 1900–1903. М.: Художественная литература, 1952. С. 345–393.

5. Толстой Л. Н. Юность // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 100 т. Художественные произведения в 18 т. Т. 1. 1850–1856. М.: Наука, 2000. С. 154–276.
6. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 46. Дневник 1847–1854. М.: Художественная литература, 1937. 614 с.

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула, РФ

УДК 821.161.1 + 82.02

Н. И. Симак, А. К. Поезжаева
УСТРОЙСТВО ПОЭТИКИ РУССКИХ СИМВОЛИСТОВ
В СВЕТЕ УЧЕНИЯ А. Ф. ЛОСЕВА О ПЕЙЗАЖНОЙ ОБРАЗНОСТИ

На материале стихотворения Иннокентия Анненского «NOX VITAE» в свете теории А. Ф. Лосева исследуется поэтика символизма. Анализируется взаимодействие метафоры, символа и мифа. Доказывается, что ключевой мотив размытия границ между жизнью и смертью трансформирует метафору в миф, где её элементы становятся единственными. Стилистические приёмы и образная система трактуются как онтологическая основа художественной реальности, порождающая эффект «призрачности».

Ключевые слова: поэтика символизма; имманентность; трансценденция; символ; русский символизм; пейзажная образность.

N. I. Simak, A. K. Poezhaeva
THE STRUCTURE OF RUSSIAN SYMBOLIST POETICS
IN THE LIGHT OF A.F. LOSEV'S TEACHING ON LANDSCAPE IMAGERY

Based on the material of Innokenty Annensky's poem «NOX VITAE» in the light of A. F. Losev's theory, the poetics of symbolism is studied. The interaction of metaphor, symbol and myth is analyzed. It is proved that the key motive of blurring the boundaries between life and death transforms a metaphor into a myth, where its elements become consubstantial. Stylistic techniques and the figurative system are interpreted as the ontological basis of artistic reality, generating the effect of «ghostliness».

Keywords: poetics of symbolism; immanence; transcendence; symbol; Russian symbolism; landscape imagery.

Введение

Основой для методологии данного исследования послужит учение Алексея Фёдоровича Лосева о живописной образности, описанное им в труде «Проблема вариативного функционирования поэтического языка». Терминологический инвентарь, дающий дефиниции основных литературных тропов, заимствован отсюда же.

Основным тропом, на который структурно опирается миф и символ, является метафора. Состоит она из двух «моментов», и «те два момента, из которых она состоит, вполне равноправны» [3, с. 433]. При этом эти два «момента» должны быть равноправны и сущностно субстанциональны: оба «момента метафоры одинаково автономны; и автономны они не только в структурном отношении, но и вполне существенно» [3, с. 434].

Миф от метафоры отличается степенью реальности: если метафора мыслится как нечто исключительно поэтическое, то миф как нечто абсолютно реальное, «правдивое», как истина. При этом автономность моментов мифа при таком условии теряется, так как миф переходит в разряд эйдоса, – ещё один термин Лосева, описанный им в работе «Философия имени», противопоставленный логосу, – то есть неделимого образа, неделимость которого обоснована существованием в природе, который в связи с этим же имеет «внерациональный, интуитивный, органический характер» [5, с. 744]. Метафора в таком случае переходит в плоскость логоса, в котором «по порядку перечисляется то, что совокупно и как единый

организм дано в эйдосе» [5, с. 744]. Логос, таким образом, «как методологический конструкт, т.е. не онтологически, а эпистемологически» [9, с. 744], что также дополняет сущность метафоры, обнаруживая в ней совокупность атомов того или иного мифа, которые хотя и неотделимы друг от друга, в силу причастности к одному и тому же мифу в рамках эйдоса, но и являются автономными в силу природы логоса.

Символ же – это метафора, которая «не имеет самодовлеющего значения, а свидетельствует еще о чем-то другом, субстанциально не имеющем ничего общего с теми непосредственными образами, которые входят в состав метафоры» [3, с. 439]. То есть помимо бытия метафоры в символ добавляется ещё и третий момент – её инобытие, к которому бытийные моменты отсылают. Стоит отметить, что миф также может перерасти в метафору, если субстанция мифа также обогатится некой посторонней абстракцией. Стоит также сказать, что в данном анализе опускается критерий «истинности» в понимании мифа в силу его неактуальности для современных европейских литератур.

Также в методологию исследования введено учение Наталии Витольдовны Павлович о парадигматичности поэтического образа. В соответствии с этой концепцией образ будет нами определен как «небольшой фрагмент текста, в котором отождествляются противоречащие в широком смысле понятия, т.е. такие, которые в нормативном общелитературном языке не отождествляются» [4, с. 11]. Нельзя также не заметить, что данное определение практически полностью соответствует определению метафоры по Лосеву, а это значит, что и теорию о парадигмах образов можно ввести и наложить на терминологический аппарат, описывающий пейзажную образность. Ключевым для наших изысканий понятием из теории Павлович станет понятие инвариант – общий смысл для всех членов ряда родственных по какому-то признаку образов.

Целью исследования является определение особенностей внутреннего устройства символической поэзии в свете учения А.Ф. Лосева о живописной образности.

За основу исследования будет взято конкретное стихотворение Иннокентия Анненского – «NOX VITAE» как наиболее репрезентативное для раскрытия всех реализаций и потенциала символической поэтики в данной сфере. Таким образом, объект исследования – стихотворение Иннокентия Анненского «NOX VITAE», предмет исследования – поэтика данного стихотворения.

Исследование

Центральный мотив стихотворения «NOX VITAE» – преодоление границы между двумя мирами – проявляется уже в первых двух строках:

Отраднa тeнь, покa крушин
Вливaет крoвь в хлорoз жасминa...

Он проявляется на субстанциональном уровне, в миниатюре демонстрируется то, что происходит после в более крупных масштабах: что-то живое, умирая, делится своей жизнью с чем-то мертвым; причём мертвое и живое уже даются в как бы перетекающих состояниях, перетекающих друг в друга, они лишены константности. Уже на этом этапе смываются границы между жизнью и смертью. Не зря также выбраны для описания этого процесса именно образы растений, так как растения в наивно-мифологическом понимании находятся на границе между живым и мёртвым. С научной точки зрения они живы, но для несведущего человека это совсем не очевидно в силу отсутствия у вегетативной жизни одного самого

очевидного вида движения – пространственного (при сохранении субстанционального, количественного и качественного). С этим связана позиция вегетативной жизни на границе между живым и мёртвым: всеми признаками она похожа на мёртвую материю, а жизнь в ней реализуется скрытно, имплицитно.

Размытие границ между живым и неживым подчеркивается образом тени, который эволюционирует в ходе стихотворения: сначала относительно тени употребляется эпитет «отрадная», она интерпретируется в бытовом плане как средство для того, чтобы укрыться от света. Но после образ тени переходит в метафизический характер. Тень становится напоминанием о смерти, преследующим человека днём, когда всё вокруг напоминает о жизни. Тень – это как бы часть ночи, остающаяся во время дня. Не стоит забывать, что в античной традиции человек после смерти в мире мертвых существует как тень. Переход от этого бытового понимания тени к более глубинному происходит плавно и каузируется вторжением пейзажной образности во внутренний мир лирического «Я». Разную степень понимания тени можно отследить по эпитетам: отрадная тень – тоскующая тень – чуждая тень.

Размытие границ между вещами подчеркивается на протяжении всего произведения соответствующими эпитетами, согласующимися с предметами осязаемыми и онтологичными: «блекло-призрачный», «воздушно-черный», «выцветший». То есть если в произведении и возникает что-то твёрдое или полноценное, то посредством соответствующих тропов оно тут же ослабляется в материальном и самобытном планах: луна отождествляется с призраком, цвет луны блекнет, растения становятся невесомыми, теряют цвет, даже цвет ночи ослабевает.

Более очевидное размытие границ происходит посредством оксюморона «мрачная белизна». Оксюморонами также можно считать и название стихотворения, так как первое его слово имплицитно антонимично второму; ночь входит в парадигму «ночь – смерть», и замена слова ночь в названии на его справедливую альтернативу, обусловленную художественным замыслом, трансформирует название в «Смерть жизни». Противоположное в рамках художественной действительности стремится друг к другу: например, сливаются сад и твердь, то есть живое и неживое.

С образом тени неразрывно связан образ ночи. Их можно считать вариантами инварианта «ночь», так, как было описано выше, «тень» находится в гипонимическом отношении к «ночь», а «ночь» наиболее частотный в символизме образ из ряда подобных, объединяющий при этом все наиболее общие для своей парадигмы признаки. В поэтике символизма ночь часто оказывает магическое влияние на природу, что осваивается в контексте пейзажной образности. В поэтике символизма на содержательном уровне текста ночь часто оказывает магическое влияние на природу. Это можно наблюдать, например, в творчестве Юргиса Балтрушайтиса, самым репрезентативным стихотворением на данную тему можно считать «Лунные крылья» (в меньшей степени выражено, но также встречается в «Вечер в горах» [1, с. 99], II-я «Вечерняя песня» [2, с. 99], III-я «Вечерняя песня» [2, с. 101], «Призыв» [1, с. 31], «Возврат» [1, с. 53], «Песня» [2, с. 67]). Ночь – это время, когда земное наиболее близко приближается к трансцендентному. От этого в обыденных вещах обнаруживаются необыкновенные свойства, в физическом проявляется метафизическое. Типичная для такой поэтической ситуации дихотомия трансцендентного и имманентного дополняется в «NOX VITAE» дихотомией смерти и жизни, где смерть становится в один ряд с трансцендентным. Данное наращение актуализируется осваиваемыми в тексте чувствами – экзистенциальный страх перед смертью. Смерть к тому же прямым текстом отождествляется в тексте со

смертью: «как ночь напоминает смерть». Магическое влияние ночи таким образом обнаруживает смерть в живом, так же как без данного наращения трансцендентное проявляется ночью в имманентном.

Если вернуться к терминам Лосева, то ночь является символом: она имеет и субстанцию, и инобытие. Инобытием, на которое отсылает субстанция, является смерть. Образуется парадигма «ночь – это смерть». Смерть же в свою очередь отождествляется с трансцендентным, а, так как трансцендентное в каком-то роде также имеет иконическую природу, потому что в пространстве и времени ночи сливается с имманентным, а ргіогі иконическим, то и смерть таким образом получает статус равный онтологичному в рамках художественной деятельности, оставаясь при этом абстракцией. Не следует забывать, что отождествляемые в метафоре моменты должны, по Лосеву, быть равноценны.

Центральный для произведения мотив размытия границ приводит к нейтрализации автономности моментов, составляющих метафору: противоположности, сталкивающиеся в тексте, регулярно отождествляются и проникают друг в друга. Усиливается этот мотив своим присутствием как на языковом, так и на поэтическом уровнях (на языковом уровне мотив проявляется, например, посредством оксюморона, когда узуальный для внепоэтической области языка приём интегрируется в текст и органично вписывается в художественную концепцию, посредством названия он приобретает ключевое для текста положение; на поэтическом уровне, например, в первых двух стихах, когда предметы художественной действительности демонстрируют данный мотив, взаимодействуя друг с другом и входя в соответствующие парадигмы образов: «крушин – жизнь (имманентное)», «жасмин – смерть (трансцендентное)»). То есть отождествляемые элементы метафоры в стихотворении теряют самобытность и становятся единичными, формируя, таким образом, миф. В этом мифе границы между составляющими неопределимы и заведомо отрицаемы художественным замыслом. Эффект «призрачности», «прозрачности» образов появляется от слияния в едином теле мифа наивно-существующего, материального и наивно-несуществующего, абстрактного. Образы, следовательно, приобретают положение полумёртвое-полуживое.

Заостряя внимание на названии, стоит сказать, что латынь выбрана не случайно. Таким образом стихотворение претендует на вечность, присущую и языку, на котором написано его имя (название). Ситуация его претендует на вездесущность и абсолютную регулярность, что и обнаруживается при её перемещении из поэтического в реальное: лирическим «Я» может оказаться любой человек, произведение лишено биографических подробностей, ситуация развивается на фоне черноты ночи (также соотносится с образом вечности, цепочку отождествлений, соответственно, можно продолжить так: трансцендентное – смерть – вечность – и т.д.) и нейтральной природы.

Интересен механизм рождения образа-мифа: он детерминирован внутренним устройством мира произведения. Обычно тропы каузируют и конструируют художественную действительность, в стихотворении Анненского же само состояние и мироощущение преобразует средства выразительности. Причем создаётся это особое состояние на разных уровнях текста: на мотивном (первые два стиха, мотив «перетекания»), стилистическом (посредством эпитетов: блекло-призрачный, воздушно-черный, выцветший; оксюморонов), идейном (посредством интегрированных в образы бинарных оппозиций) и тд. Всё такие распределённые по тексту предпосылки создают в итоге целостную картину пейзажа, представляющего из себя миф.

Мифическая природа данной картины утверждается не только в плане топоса. Та же структура с внедрённым в неё мотивом перетекания присутствует и у образа времени, переводя получившийся образ-миф в разряд хронотопа. Причем переносится данная структура на образ времени также поэтапно от первых двух строк, порождающих мотив перетекания. В первой же строфе прошлое проникает в настоящее в образе шума, отождествлённого с «давним постели», вариантом инварианта «прошлое». Изначальный образ «отрадной тени» напрямую связан с образом дня, который входит в противоречие уже со второй строкой, с возникшим там образом луны и ночи. То есть описывается разное время суток без высказанного перехода одного времени в другое – ночь появляется внезапно. Но противопоставленность и автономность этой оппозиции нейтрализуется таким же образом, как и у пейзажа, с помощью «перетекания» одного в другое. В последних двух строфах опять возникают образы дня и ночи, которые сближаются посредством стремления лирического «Я», обусловленного особым состоянием его «сознания»:

А все ведь только что сейчас
Лазурно было здесь, что нужды?

В последней же строфе это сближение даже грамматизируется: используются три глагола, все поставлены в одинаковую форму (регулярное грамматическое значение суффикса -л- – прошедшее время), но за счёт совершенного вида последний глагол – «пришёл» – приобретает значение имперфекта, которое подразумевает и прошедшее, и настоящее время в плане содержания, а также противоречие с планом выражения (суффикс используется в нерегулярном значении). Данная грамматическая взаимосвязь настоящего и будущего распространяется и на сближение образа времени в миф. Также и молодость («прошедшая молодость») уже в силу своего упоминания сближается с настоящим:

Неужто ж точно, Боже мой,
Я здесь любил, я здесь был молод,
И дальше некуда?.. Домой
Пришел я в этот лунный холод?

Характерно, что в этой же строфе декларируется завершённость времени, оно как бы замкнулось на себе, потеряло свою протяжённость в пользу целостности и неделимости, то есть в пользу своей «мифичности».

Подчеркнём, что «мифичность» художественного пейзажа постепенно распространяется и на лирического субъекта. Это видно из той же последней строфы, где субъект сливается с пейзажем. Он в последнюю очередь подчиняется выстроенному в стихотворении холизму, ведь для описания пейзажа нужен взгляд со стороны, взгляд беспристрастный и отрешённый. Отличительной чертой произведения является негативная оценка такого слияния. У Балтрушайтиса, например, в «Лунных крыльях» оценка однозначно позитивная; слияние с трансцендентным, также выраженном через образ луны, показано как осуществление заветного стремления лирического субъекта, его спасение от «земных оков», от «смертной боли»:

Все – сон, все – свет, и сам я – лунный свет,
И нет меня, и будто мира нет!

У Анненского же трансцендентное само становится источником тревоги и экзистенциальной боли, а магическое влияние ночи и луны на земной мир оценивается как катастрофа для жизненного покоя. «Небесное» приобретает характерную для «земного» в творчестве других символистов отрицательную коннотацию, и наоборот.

Заключение

Итак, в свете учения А. Ф. Лосева о живописной образности в поэтике символизма обнаруживается ряд особенностей: метафора и символ при определенных условиях приобретают черты мифа; образный уровень текста тесно связывается с концептуальным и стилистическими уровнями, тропы не только служат средством выразительности, но и непосредственно присутствуют в художественном мире, вступая во взаимоотношение с его вещественностью. Данное равноправие стилистики и образности позволило создать эффект «призрачности»: закономерности художественной действительности напрямую повлияли на внутреннее устройство средств выразительности, на их соотношение друг с другом. Конечно, это утверждение уместно относительно исходного, «классического» терминологического аппарата учения о живописной образности.

Список литературы:

1. Балтрушайтис Ю. К. Горная тропа. Вторая книга стихов / Ю.К. Балтрушайтис. М.: к-во Скорпион, 1912. 167 с.
2. Балтрушайтис Ю. К. Земные ступени. Первая книга стихов / Ю.К. Балтрушайтис. М.: к-во Скорпион, 1911. 229 с.
3. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1982. 480 с.
4. Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995. 491 с.
5. Тарасова И. А. Художественной концепт: диалог лингвистики и литературоведения. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010, № 4 (2). С. 742–745.

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, РФ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 82

Е. А. Балашова

**ОТЗЫВ О ДИССЕРТАЦИИ: ЧЖАН ХУЭЙЧЖЭНЬ
«РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА АНТОНА ЧЕХОВА В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»,
ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЁНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.9.1.
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. – МОСКВА, 2025.**

Обращение Чжан Хуэйчжэнь к проблеме рецепции творчества А.П. Чехова в китайской литературе позволяет конкретизировать процесс освоения творческого наследия русского писателя в Китае. Сейчас наметился сдвиг интереса от содержания его прозы к вопросам поэтики. В этом ряду стоит и диссертация Чжан Хуэйчжэнь – с обоснованной корректной аргументацией этого перехода в китайском научном и переводческом дискурсах.

Ключевые слова: Чехов; Чжан Хуэйчжэнь; конфуцианство; поэтика рассказов.

E. A. Balashova

**REVIEW OF THE PHD THESIS BY ZHANG HUIZHEN
«THE RECEPTION OF ANTON CHEKHOV'S WORKS IN CHINESE LITERATURE»,
SUBMITTED FOR THE DEGREE OF CANDIDATE OF PHILOLOGY
IN THE SPECIALTY 5.9.1. RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURES
OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION.
MOSCOW: RUDN UNIVERSITY. – MOSCOW, 2025.**

Zhang Huizhen's approach to the reception of Anton Chekhov's works in Chinese literature allows us to specify the process of mastering the Russian writer's creative legacy in China. Currently, there is a shift in interest from the content of his prose to the issues of poetics. Zhang Huizhen's dissertation is in line with this trend, providing a well-reasoned and accurate argumentation for this transition in Chinese academic and translation discourse.

Keywords: Chekhov; Zhang Huizhen; Confucianism; short stories poetics.

Тема рецепции российских классиков за рубежом, зарубежных – в России занимает литературоведов с позапрошлого века, актуальность исследования соискательницы не вызывает сомнений. В русле названной темы Чжан Хуэйчжэнь проводит глубокий анализ процесса освоения чеховского поэтического наследия китайской филологической аудиторией, уделяя при этом внимание и культурно-историческим механизмам, в силу которых творчество Антона Павловича Чехова оказалось столь востребованным и значимым в китайской культуре, в ее словесности.

Знакомство с Чеховым началось в Китае с публикации повести «Черный монах» в 1907 году. Более интенсивный процесс знакомства китайской аудитории с Чеховым начался после Синьхайской революции. Языками-посредниками на начальных этапах выступали японский, английский, немецкий языки. В первых переводах в значительной мере

отражались личные взгляды и вкусы переводчиков, что сказывалось на качестве, точности их работ. Не все в сочинениях Чехова, и в формальных, и в содержательных компонентах было понятно китайскому читателю того времени. Именно для смягчения недопониманий, переводчики добавляли в тексты национальные элементы, таким образом сочинения как бы «китаизировались», вводились элементы китайской описательности.

Когда старокитайский литературный язык вэньянь стал заменяться современным китайским языком байхуа, переведенные чеховские тексты стали более ясными и доступными для восприятия.

Исследование отличается широтой охвата материала, в поле внимания диссертантки десятки сочинений прозаика и драматурга, десятки сочинений китайских художников слова, множество имен. Внушает уважение список использованной научно-критической литературы, очевидно – Чжан Хуэйчжэнь с необходимостью опирается и на российское, и на китайское чеховедение. Диссертантка акцентирует внимание не только на внешних формах проявления рецепции, но и, так сказать, на внутренних механизмах принятия Чехова китайской культурой – ментальном восприятии его взглядов, художественных решений, мировоззренческих убеждений.

Периоды развития чеховедения определяются рядом политических, исторических, социальных событий: антифеодальная Синьхайская революция (1911–1912); движение за новую культуру (1915–1923); Война с Японией (1931–1945); участие во Второй мировой войне (1939–1945); Гражданская война (1946–1950); образование Китайской Народной Республики (1949); культурная революция (1966–1976); политика реформ и открытости (1978). Китайская специфика чеховедения объясняется влиянием конфуцианства на миропонимание масс, оглядка согласование на текущие социальные проблемы в стране, отсюда – повышенное внимание к этической составляющей содержания произведений в ущерб внимания к эстетике творчества писателей, отсюда же нелинейность, скачкообразность в историческом движении чеховедения.

Повышенное внимание к творчеству Чехова в Китае возникло в конце 1920-х годов. Тогда, сначала редко, а потом чаще стали выходить критические и литературоведческие статьи, посвященные своеобразию чеховского творчества, еще позже стали появляться статьи, в которых сочинения Чехова стали сравнивать с сочинениями китайских прозаиков. В ряду последних – «Лу Синь и Чехов» Чжао Цзиншэня и «Чехов на востоке» Го Можо.

Интерес ученых к проблемам сравнительно-сопоставительного изучения, с небольшими перерывами по объективным причинам, возрастал все последующие годы, особенно начиная с 1980-х годов, и продолжает возрастать в наше время. Среди особенно заметных современных работ по творчеству Чехова стоит монография Лю Янь под названием «Чехов и современная китайская литература». Исследовательница анализирует основные направления чеховедения в Китае, приводит примеры заимствования, по ее выражению, чеховского реализма, лиризма, сатиры. Другие монографии также способствовали развитию чеховедения в Китае, например, «Чехов» Чжу Исэня, «О Чехове» Дун Даомина, «Многозначность в художественном мире Чехова» Сюй Лэ, «Сложность мысли и легкость техники: Гоголь и Чехов» Лянь Лили, Ву Вэйсян. Несмотря на то что Чехов основательно вписан в китайскую словесность, нельзя сказать, что в работах на эту тему нет недостатков. Это, прежде всего, все еще зачастую сохраняющийся утрированный социологический подход в трактовке и анализе чеховских произведений, отсутствие должного внимания к чеховскому художественному методу. Также нередко наблюдается однозначное причисление всех его

произведений к реализму. Несмотря на значительное количество работ, посвященных рецепции чеховской прозы в китайской словесности, исследование этой темы не завершено. Не все работы отличаются научной глубиной, немало повторов ранее сказанного, преобладает обращение к предметно-смысловому плану, нередко в вульгарно-социологической трактовке. Чжан такой подход кажется узким, она считает, что Чехов старался избегать политики, вследствие этого доказывается «надвременный» характер его творчества.

Актуальность работы Чжан Хуэйчжэнь связана с активным культурным сотрудничеством России и Китая, с непреходящим интересом литературоведения к проблемам взаимосвязей национальных литератур, конкретно – к выявлению художественных связей творчества Антона Чехова и китайских литераторов, с интересом к вопросам восприятия иностранной аудиторией творчества русского писателя-классика, его адаптации в культурном пространстве Китая.

Самым интересным для нас в диссертации оказался параграф «Чеховское миропонимание и древнекитайская философия», в котором открывается, что чеховское миропонимание, заметно отличающееся от миропонимания современников, удивительно близко философским постулатам конфуцианства. Это древнее учение в абрисе, несомненно, было известно Чехову, имя Конфуция упомянуто в его творчестве, причем в сопоставлении с другими мыслителями.

Чжан Хуэйчжэнь затрагивает тему взаимосвязи философии и литературы, отмечает, что русская литература, в частности творчество Чехова, образует платформу для отвлеченного осмысления быта, бытия, существующего мировоззрения. По убедительным выводам, писатель демонстрирует целостное воплощение мира в свете своего понимания жизни, предлагает свои размышления о сокровище в человеке. Чжан Хуэйчжэнь считает, что в творчестве Чехова последовательно реализовываются конфуцианские представления «Жэнь», «Ли», «Чжун юн». Ядром конфуцианства является парадигма «Жэнь», которая на русский язык переводится как любовь, человеколюбие, гуманность, милосердие. Любовь и человечность также являются константами миропонимания Чехова, но его любовь к ближнему не исходила непосредственно из метафизических догматов. Второй существенный элемент конфуцианства – это «Ли», который переводится как ритуал. Он связан с благопристойностью поведения, предписывает конкретные правила социального поведения, вытекающие из идеологической основы «Жэнь». Известно, писатель оказывал заботу близким и неблизким, о многом говорит его поездка на Сахалин. Чехов творил и учил своим творчеством творить добро в связи не с религиозными, а с гуманистическими посылами. В миропонимании русского мастера, естественно, не преднамеренно, как бы спонтанно, отражаются конфуцианские установки, конфуцианская свободная от метафизики этика. Третье основополагающее положение конфуцианства переводится как учение о золотой середине. «Чжун юн» вытекает из стремления к равновесию в условиях отсутствия равновесия. Данная парадигма просвечивается в «оптимопессимистическом», по выражению Сергея Булгакова, мироощущении Чехова, в его видении противоречий жизни и необходимости сглаживания, устранения этих противоречий. Склонность к утверждению «золотой середины» наблюдается и в поэтике Чехова, воспринявшего «закон симметрии и равновесия» необходимым фактором изящного мастерства.

Соискательница доказывает существование основательных типологических и генетических связей между творчеством русского мастера и китайских мастеров слова. Опора исследования – труды А. Веселовского и В. Жирмунского. Методика рассмотрения проста и

убедительна: вот Чехов – вот чеховское у того, другого, третьего и т.д. литератора-китайца. Особый интерес представляет третья глава, где соискательница проводит параллель между взглядами Чехова, преломившимися в его творчестве, и ключевыми категориями конфуцианской философии. При этом выдвигается предположение, что эти обстоятельства немало способствовали тому, что Чехов – самый любимый русский классик в Китае.

Новизна исследования заключается в комплексном и системном подходе к теме рецепции А. Чехова в Китае.

Объектом исследования являются произведения Чехова («Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Хамелеон», «Госка», «Ванька», «Событие», «Враги», «Степь», «Именины», «Княгиня», «Припадок», «Скучная история», «Гусев», «Палата № 6», «Скрипка Ротшильда», «Учитель словесности», «Черный монах», «Дом с мезонином», «Моя жизнь», «Человек в футляре», «Крыжовник», «Случай из практики», «По делам службы», «В овраге», «Архиерей», «Невеста» и т. д.) и китайских писателей, испытавших влияние русского мастера («Записки сумасшедшего», «Родина», «Кролики и кошка», «Моление о счастье» Лу Синя, «Друг», «А Фэн», «Тяжелый груз печали», «Рис» Е Шэнтао, «После выпивки», «До свидания», «Праздник середины осени», «Цветочный храм», «Братья» Лин Шухуа, «Муж», «Сяосяо», «Цяосю и Дуншэн» Шэнь Цунвэнь, «Палата № 4», «Холодная ночь» Ба Цзиня, «Лао Лу», «Смерть лебедя», «Роса», «Тетя Сюэ» Ван Цзэнци, «Двоюродная сестра», «Чалый», «Грезы о море», «Глубины озера» Ван Мэна, «Любовь не забывается», «Покаяние», «Габаритные огни», «Прелесть сновидений» Чжан Цзе, «Бесовская сила вина», «Толстый и тонкий», «Два врача», «Баркарола» Фэн Цицай).

Цель работы, заключающаяся в выявлении граней рецепции творчества А. Чехова в китайской литературе, а также в раскрытии исторических и ментальных причин, обусловивших непреходящий интерес китайской аудитории к чеховскому наследию, достигнута, как и решение частных задач исследования:

- проанализированы проза, эпистолярное наследие Чехова и публикации о его творчестве в России и Китае;
- определены наиболее существенные тенденции в развитии и эволюции чеховедения в Китае на фоне происходивших исторических и культурных событий;
- рассмотрены своеобразие переводческой практики и ход распространения чеховских сочинений в Китае;
- выявлены генетические и типологические связи творчества Антона Чехова и таких известных писателей новой и новейшей китайской словесности, как Лу Синь, Е Шэнтао, Лин Шухуа, Шэнь Цунвэнь, Ба Цзинь, Ван Цзэнци, Ван Мэн, Чжан Цзе, Фэн Цицай;
- исследовано творчество Чехова через призму конфуцианства – для объяснения причин особой популярности русского писателя в Китае.

Цель и задачи настоящей работы обусловили ее методологию: использование комплексного подхода, включающего в себя элементы биографического, культурно-исторического, историко-генетического, сравнительно-типологического, интертекстуального методов, использование статистического анализа. В отдельных случаях применяется междисциплинарный подход: произведения рассматривались не только с позиций литературоведения, но и с точки зрения культурологии, философии, лингвистики.

Есть основание предполагать, что все тезисы, которые Чжан Хуэйчжэнь выдвигает на защиту, успешно защищены:

1. Творчество Антона Павловича Чехова, с первых его переводов в 1907 году, стало обретать популярность в Китае. Восприятие писателя в стране в условиях социально-политических и культурных преобразований во все времена популярности имело китайскую специфику, в частности, отличалось нелинейностью, в новое время – излишней политизацией писателя, если не аполитичного, то сознательно сторонившегося политики.

2. В последние десятилетия наблюдаются положительные тенденции в чеховедении Китая, происходит переосмысление плана содержания чеховских сочинений, внимание литературоведов смещается в сторону исследования плана чеховской формы, поэтики. Эти тенденции расширяют возможности изучения наследия писателя и драматурга.

3. Популяризации чеховских сочинений способствовал тот факт, что переводчиками нередко выступали писатели разных поколений. Интерес к чеховскому творчеству преодолевал неблагоприятные условия, и культурный застой, и неблагоприятные межгосударственные отношения. Переводы чеховского наследия на китайский язык постоянно совершенствуются, отдельные сочинения писателя имеют несколько вариантов переводов, и этот процесс продолжается.

4. Самые известные представители новой китайской словесности, такие как Лу Синь, Е Шэнтао, Лин Шухуа, Шэнь Цунвэнь, Ба Цзинь, унаследовали многие чеховские традиции, как генетического, так и типологического ряда. Развивая китайскую словесность, они перенимали такие творческие чеховские особенности, как объективность, внимание к речевой характеристике, стремление к краткости, к приему недоговоренности, амбивалентности и т. д. Им импонировало чеховское живое описание действительности, его гуманизм, его эмпатия, его сочувствие внешней и внутренней свободе. Генетические и типологические связи наблюдаются в создании характеров, в разоблачении черствости, пошлости, рабской психологии и т. д. Корреляция просматривается и в тематике, в проблематике.

5. Писатели новейшей китайской словесности, такие как Ван Цзэнци, Ван Мэн, Чжан Цзе, Фэн Цицай, также усвоили упомянутый опыт Антона Чехова. Кроме того, разного рода связи у них обнаруживаются в прямом упоминании имени писателя и его произведений, в создании близкородственных персонажей, в обыгрывании явно чеховских ситуаций, приемов.

6. Непреходящий интерес читающего китайского общества к творчеству Чехова зиждется не только на социально-исторических и культурологических основаниях, этот интерес имеет причины философского, ментального порядка. В христианстве для Чехова, как признается он в своих письмах, первична была не метафизика, а именно этика вероучения, и в этом видится его типологическое сближение с древнекитайской философией, во многом определившей и определяющей идентичность китайского народа. Дело не в упоминании писателем древнего азиатского мыслителя, само его творчество имеет очевидные переклички с конфуцианством.

7. Основные конфуцианские парадигмы «Жэнь» (любовь), «Ли» (этичность), «Чжун юн» (срединность) находят отражение в творчестве Чехова, коррелируются с его эпистолярными высказываниями. Типологическое сходство наблюдается в своеобразном понимании гуманизма, эмпатии, самосовершенствования, в понимании «природности» человека, в возможности построения должной жизни на земле в отдаленном, как говорят близкие автору персонажи, будущем и т. д. Есть основание полагать, что все это в презентации чеховского творчества находит отклик в душе и мышлении китайского читателя.

Диссертация Чжан Хуэйчжэнь представляет собой основательный вклад в русско-

китайское литературоведение. Ее методология, думается, будет востребована. Стил ь написания диссертации безупречен, особенно учитывая тот факт, что автор – иностранка. Внушает уважение и список публикаций. Думается, можно поздравить и вуз, возрадивший такого выпускника, и научного руководителя Чжан Хуэйчжэнь.

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ачина Варвара Дмитриевна – студентка 4 курса направления «Лингвистика» Югорского государственного университета.

Балашова Елена Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: balashova_ea@mail.ru.

Билецкая Алла Николаевна – учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 46 г. Калуги. E-mail: b-alla2020@bk.ru.

Бровина Анна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент Высшей школы гуманитарных наук Югорского государственного университета. E-mail: a_brovina@mail.ru.

Васильев Лев Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и иностранных языков Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: vasilevlg@tksu.ru.

Демина Елена Михайловна – магистрант 3-го курса Института лингвистики и мировых языков Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: lenalenaryb@yandex.ru.

Ермилова Валерия Алексеевна – преподаватель русского и английского языка МКОУ «Гарусская средняя общеобразовательная школа № 1 им. героя России М. Г. Ефремова». E-mail: ermi-lovava@tksu.ru.

Кожеченкова Ирина Сергеевна – студентка 5 курса Института филологии и массмедиа Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: KozhechenkovaIS@tksu.ru.

Крит Елена Игоревна – учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 21 г. Калуги. E-mail: krit.yelena@inbox.ru.

Ксенофонтов Игорь Валерьевич – старший преподаватель кафедры литературы Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: filologiya@list.ru.

Кучерова Мария Александровна – ассистент кафедры русского языка и литературы, лаборант-исследователь Центра русского языка и региональных лингвистических исследований Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. E-mail: merismus@mail.ru.

Махова Марина Хасанбиевна – ассистент кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова. E-mail: m_mahova_2000@mail.ru.

Пермякова Елена Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурные коммуникации» Уральского государственного университета путей сообщения. E-mail: egerpermyakova@yandex.ru.

Поезжаева Анна Константиновна – преподаватель кафедры русского языка Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: poezzhayevaak@tksu.ru.

Симак Назарий Игоревич – студент Института филологии и массмедиа Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: SimakNI@tksu.ru.

Телегина Татьяна Дмитриевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Института филологии и массмедиа Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: TeleginaTD@tksu.ru.

Терентьева Дарья Михайловна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры экономики, финансов и гуманитарных дисциплин Финансового университета при Правительстве РФ (Калужский филиал). E-mail: terentyevadaria@yandex.ru.

ВЕСТНИК КАЛУЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 2 «Исследования по филологии»

Электронное периодическое издание

2025 № 3

Электронное периодическое издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

от 16.01.2023 Эл № ФС77-84596

Дата выхода в свет 18.11.2025.

Тираж 15 экз.

Максимальный объем 2,3 МБ

Издательство КГУ им. К.Э. Циолковского.
248023 Калуга, ул. Разина, 26.

